А. П. ОКЛАДНИКОВ

РУССКИЕ ПОЛЯРНЫЕ МОРЕХОДЫ XVII ВЕКА У БЕРЕГОВ ТАЙМЫРА

Издательство Главсевморпути
1948

www.dmitriyzhitenyov.com

А. П. ОКЛАДНИКОВ

РУССКИЕ ПОЛЯРНЫЕ МОРЕХОДЫ XVII ВЕКА У БЕРЕГОВ ТАЙМЫРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ
МОСКВА · 1948 · ЛЕНИНГРАД

Редактор *Т. Д. Селявина*

Обложка, форзац и титул
А. С. Житенева
Рисунки древних реликвий
В. Д. Запорожской
Технический редактор *Е. Е. Соколов*

Подписано к печати 29.IX 1948 г. А08043. Объем 10 п. л. Уч.-изд. 9,2 л. В.1 п. л. 35604 зн. Тираж 15000 экз. Формат бумаги 82×108½₃₂ д. л. Цена 7 р. Зак. 820

Типография Издательства Главсевморпути
Москва
Отпечатано с набора в типографии газеты
„Красный воин" Заказ 1780.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В 1940—1941 годах на северном острове Фаддея и в заливе Симса (восточный берег Таймырского полуострова) было найдено множество разнообразных древних вещей, принадлежавших, как то было выяснено в результате тщательных исследований, русской торгово-промышленной экспедиции, снаряженной не позднее 1617 года. Эти замечательные реликвии бесспорно засвидетельствовали тот исторический факт, что еще в начале XVII века русские полярные мореходы достигли восточных берегов Таймыра, открыв тем самым 330 лет назад самый трудный участок Северного морского пути. Эти находки сразу же привлекли внимание не только специалистов-исследователей, но и широких кругов советской общественности. Они получили освещение в ряде журнальных и газетных статей.

Наиболее полно вопрос о находках на острове Фаддея и в заливе Симса, а также их значение для истории полярного мореплавания был освещен специальной экспедицией Арктического института на месте находок в 1945 году. Руководил этой экспедицией известный исследователь истории и археологии Сибири, доктор исторических наук А. П. Окладников.

В настоящее время в Арктическом институте заканчивается подготовка специальной монографии, в которой

будут опубликованы труды большого коллектива специалистов по различным областям знаний, всесторонне изучавших реликвии древнерусских полярных мореходов.

Ввиду исключительного значения находок на острове Фаддея и в заливе Симса для истории русского полярного мореплавания Издательство Главсевморпути решило опубликовать также и настоящую брошюру А. П. Окладникова, рассчитанную на массового читателя. В приложении печатается статья Б. О. Долгих, являющаяся первой публикацией о находках на острове Фаддея и в заливе Симса.

«Кто желает знать человеческий дух в его благороднейшей борьбе с суеверием и мраком, пусть читает летопись арктических путешествий, историю мужей, которые во времена, когда зимовка среди полярной ночи грозила верною смертью, все-таки бодро шли с развевающимися знаменами к неизвестному», — писал в своей книге «Среди льдов во мраке полярной ночи» Нансен.

Об одной забытой, но поистине замечательной странице этой героической летописи, странице, особенно близкой нам, ибо в ней идет речь о русских людях, о древнерусских полярных мореходах XVI—XVII веков, мы и хотим рассказать в этой книге.

РЕЛИКВИИ, РАСКРЫВШИЕ НОВУЮ СТРАНИЦУ В ИСТОРИИ ПОЛЯРНОГО МОРЕХОДСТВА

В 1940 году группе советских моряков с гидрографического судна «Норд» выпала честь совершить одно из важнейших историко-археологических открытий в Арктике: они нашли множество разнообразных древних вещей сначала на пустынном острове Фаддея, а затем и в столь же диком заливе Симса у восточного побережья Таймырского полуострова. Обстоятельства этой находки изложил Б. О. Долгих в своей статье «Новые данные о плавании русских Северным морским путем в XVII веке» (сборник «Проблемы Арктики», № 2, 1943). В этой статье дано вместе с тем первое описание реликвий древних русских мореходов, а также сообщен ряд интересных подробностей, ставших известными еще до организации специальной археологической экспедиции в район нахо-

док (1945 г.), почему она и печатается в конце этой книги (см. стр. 117—157) [1].

Находка гидрографов на острове Фаддея и в заливе Симса была замечательной уже потому, что она обнаружена на самых крайних пределах «арктической пустыни», которая в относительно недавнем прошлом, до создания сети советских полярных станций, безраздельно простиралась на многие сотни и тысячи квадратных километров, захватывая весь север Таймырского полуострова.

Это был настоящий «край света» даже по понятиям коренных жителей северной Сибири. Еще в первой половине XVIII века Лаптев лаконически писал именно об этих районах, смежных с Таймырским озером: «Озеро Таймурское собою велико, а к стороне NO далеко ли пошло — неизвестно. *понеже за стужею туда и самоеды не ходят*»[2]. «От Усть-Хатангской губы и от конечного зимовья, то-есть от последнего к морю, к северу и в завороте к западу, по берегу *промышленных заводов нет, и не бывали люди, затем что нет ловли рыбам и оленям, чем они всегда питаются*»[3].

Такова была в представлении Харитона Лаптева безотрадная таймырская суша. Когда же он двинулся вдоль ее берегов от Хатанги к мысу Челюскина, то встретил у мыса Фаддея одни только грозные неломаные льды, белевшие всюду, куда хватал глаз.

В 1739 году, писал отважный мореплаватель, «до сего мыса на судне, дубель-шлюпкою, морем дошли, от которого простирается в летнее время лед стоячий, неломаной: а в 1740 году и до сего места не допустил лед: судно истерло» [4].

Сто лет спустя выдающийся русский исследователь Севера А. Ф. Миддендорф оставил не менее выразительное описание «медвежьего царства» на севере Таймырского полуострова, каким эта обширная страна представлялась

---

[1] См. также А. П. Окладников, Древнерусские полярные мореходы у берегов Таймыра. Доклады юбилейной сессии Арктического института Главсевморпути, М.-Л., 1945.

А. П. Окладников, Археологические находки на острове Фаддея. «Проблемы Арктики», М.-Л., 1945, № 2, 1947.

А. И. Косой, На восточном побережье Таймырского полуострова. Опыт Восточно-Таймырской экспедиции Гидрографического управления Главсевморпути 1940—1941 годов. М., 1944.

[2] Записки Гидрографического департамента, ч. IX, СПб., 1851, стр. 43.

[3] Там же, стр. 19.

[4] Там же, стр. 20.

кочевым скотоводам тундры. Тавгийцы [1], по его словам, настолько боялись обитавших там белых медведей, что с истинным ужасом говорили об этой «безлюдной пустыне».

«На вопрос мой, почему они не доходят до моря, они пресерьезно отвечали мне, что неоднократно пытались сделать это, но что там бродят белые медведи целыми стадами и постоянно опять вытесняют самоедов.

Они говорили о них как об особой нации, умеющей держаться в своей стране. Если вышлешь туда 8 человек, то белые медведи немедленно высылают против них 12 человек своей братии»[2].

Если такова была внутренняя область сурового Таймыра и его побережье, то что же можно было сказать о затерянных в море островах Фаддея, где гидрографы с судна «Норд» были едва ли не первыми, после безвестных древних путешественников, людьми, посетившими их на более или менее продолжительное время.

Находки гидрографов на острове Фаддея и в заливе Симса явились тем более неожиданными и необычайными, что найденные предметы имели отпечаток не только отдаленной старины, но и своего рода роскоши и богатства. Они обнаружили здесь, к своему удивлению, сотни старинных серебряных монет, остатки шелковых тканей и дорогих суконных одежд, серебряные кольца с вставными камнями, драгоценные кресты тонкой филигранной работы, обломки каких-то невиданных инструментов и вооружения.

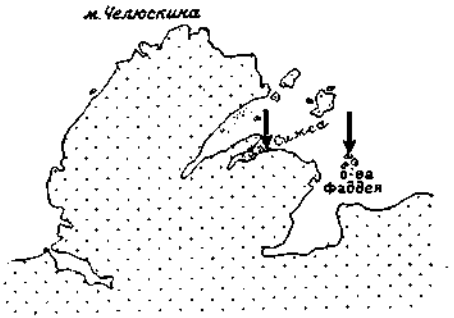
Вполне понятно поэтому, что в устной молве Крайнего Севера эти полярные реликвии сразу же были окружены легендами о кладах и кем-то спрятанных от чужого взгляда несметных сокровищах, причем в рассказах действительные факты причудливо переплетались с вымыслом. В Нордвике и бухте Кожевникова, например, некоторые рассказывали нам в 1945 году, что на острове Фаддея был найден «деревянный пол, а под полом тайник, в тайнике же лежали золотая булава, мечи и кинжалы». Другие передавали известия о находке «поповских риз», «солдатских мундиров со светлыми пуговицами» и оружия.

Но реальная действительность оказалась богаче, инте-

---

[1] Тавгийцы (современное название нганасаны) — одна из народностей Севера, расселенная на Таймырском полуострове между Пясиной и Хатангой. — *Ред.*

[2] А. Ф. Миддендорф, Путешествие на север и восток Сибири, ч. II, 1869, стр. 666.



Залив Симса и остров Фаддея. Стрелками отмечены места находок.

реснее и увлекательнее этих полуфантастических рассказов.

Уже предварительный анализ этих находок, образцово выполненный в Красноярске автором первого описания этой замечательной коллекции научным сотрудником краевого музея Б. О. Долгих, а затем и дальнейшее специальное изучение условий этих находок автором настоящей статьи на месте — в заливе Симса и на северном острове Фаддея — с полной ясностью показали, что обнаруженные здесь многочисленные предметы имеют возраст не менее трехсот лет и должны быть отнесены по крайней мере к первой четверти XVII столетия.

Тщательная обработка всего материала, доставленного гидрографами с «Норда» в 1941 году и археологической экспедицией Арктического института в 1945 году, осуществленная коллективом специалистов в Ленинграде, позволила окончательно установить время и характер этих находок.

Особенно важны с этой стороны результаты обстоятельного нумизматического анализа денежных сокровищ с острова Фаддея и из залива Симса, выполненного И. Г. Спасским. Состав этой казны, по данным И. Г. Спасского, приведен в таблице на стр. 9.

«Считая, — пишет И. Г. Спасский,—за копейки и три более старые монеты, на берегу Симса найдено 1902 копейки и 130 денег, или, по счетной системе XVI века, 19 рублей 22 алтына 2 денги и на о-ве Фаддея 1437 копеек 13 денег, или 14 рублей 14 алтын 3 деньги, а в общей сложности — 34 рубля 3 алтына 3 денги» [1].

В. О. Ключевский, специально исследовавший покупательную стоимость русского рубля XVI—XVIII веков путем анализа динамики хлебных цен, определяет средние цены начала царствования Михаила Федоровича,

[1] Алтын — три копейки, денга — полкопейки. — *Ред.*

Правление	Берег Симса		Остров Фаддея		Всего		Место чекана
	коп.	ден.	коп.	деп.	коп.	ден.	
1. Иван Васильевич IV							
а. Князь 1533—1547..	175	74	154	8	329	82	Москва, Псков,
б. Царь 1547—1584 ..	396	42	318	4	714	46	Новгород (?)
2. Царь Федор Иванович 1584—1598 . . .	395	14	256	1	651	15	Москва, Новгород, Псков
3. Царь Борис Федорович Годунов 1598—1606	507	—	423	—	930	—	»
4. Лжедмитрий (царь Дмитрий Иванович) 1605—1606	89	—	47	—	136	—	»
5. Царь Василий Иванович Шуйский 1606—1610	197	—	135	—	332	—	»
6. Интервенция 1610—1612	49	—	37	—	86	—	Москва
7. Царь Михаил Федорович с 1613 года .	193	—	65	—	158	—	Ярославль, Москва
Итого	1901	130	1435	13	3336	143	

в четырнадцать раз превышающими цены 1882 года. Следовательно, казна наших мореплавателей составляла около 500 рублей в ценах 1882 года, когда пуд хлеба стоил около 90 коп. [1].

И. Г. Спасский показал, что это единственное в своем роде собрание серебряных русских монет датируется не позже чем первой четвертью XVII века и даже может быть определено в этих границах еще точнее. Как установлено И. Г. Спасским, собирание всей этой казны было закончено ее владельцами около 1617 года, когда, следовательно, они и направились в свой далекий путь.

Детальные исследования подтвердили тот факт, что

[1] И. Г. Спасский, Казна русских мореплавателей с о. Фаддея и берега залива Симса. Рукопись, 1948.

все эти вещи были оставлены здесь какими-то древними полярными мореходами, уже триста лет назад достигшими тех мест, куда спустя сто лет не смог пробиться морем даже закаленный в полярных плаваниях Харитон Лаптев, остановленный в своем движении сплошными льдами.

О том, что путешественники на о. Фаддея и в заливе Симса шли морем, а не сушей, неопровержимо свидетельствуют не только обломки разбитого судна и железного блока от паруса, но и остатки по крайней мере шести специальных мореходных инструментов. О том же говорит и самое расположение находок — в морском заливе и на берегу морского острова, отделенного от ближайшего участка материка расстоянием около 60 километров.

Но самым важным с точки зрения истории морских полярных путешествий является тот факт, что смелые мореплаватели столь отдаленного времени, более чем на целое столетие опередившие даже и мужественных моряков великих северных экспедиций XVIII века, оказались русскими людьми.

Анализ находок с полной очевидностью показывает, что следует считать бесспорной принадлежность всех этих вещей именно русским людям, а не каким-либо иностранцам и не туземному коренному населению.

В составе обнаруженного на острове Фаддея и в заливе Симса имущества есть, правда, немало предметов иноземного происхождения. Здесь имеются счетные жетоны Ганса Краувелейна, выпущенные в свет в XVII веке; есть оловянная посуда с марками иностранных мастеров, лучшее английское сукно, даже мореходные инструменты, чрезвычайно близкие по типу к западно-европейским.

Рядом с ними встречены также и некоторые другие вещи, которые могли бы быть, казалось, скорее встречены в имуществе коренных насельников Севера, чем русских людей: развильчатые (V-образные) наконечники стрел, щитки для защиты руки от удара тетивой при стрельбе из лука или украшения для женских костюмов, аналогичные употребляемым в настоящее время нганасанами и ненцами. Но здесь же имеются и количественно преобладают такие специфические по их характеру предметы, которые могли принадлежать только русскому человеку XVII века.

Путешественники начала XVII века на острове Фаддея и в заливе Симса носили характерное русское платье, а не одежду туземного или западно-европейского покроя, о чем свидетельствует хотя бы такая мелкая, но чрезвычайно показательная особенность, как украшавшие его шнурки-завязки с золочеными шариками на концах. Такие шнурки характерны для многочисленных изображений старинной русской одежды, оставленных русскими художниками и чужеземными путешественниками того времени [1].

Восстановленный Л. И. Якуниной костюм древнерусских полярных мореходов (залив Симса).

«Христиане носят узелки, которыми застегивается грудь на правой стороне, а татары, имеющие очень похожее одеяние, — писал об этой детали русского костюма Герберштейн, — на левой»[2].

Любовно восстановленная Л. И. Якуниной и ее сотрудниками, реставраторами Гос. Исторического музея, из мелких кусков и обрывков ткани, найденных в заливе Симса, одежда с такими завязками, шнурками и шариками оказалась чисто русской по ее покрою «свитой», образцы которой известны нам в таком виде как по «живым» этнографическим образцам, так и по историческим документам XVI—XVII веков, вплоть до одежды старинных кукол из археологических раскопок.

Наряду со старинной «свитой» уцелели и обрывки второй национальной русской одежды, уходящей в отдаленное прошлое, на этот раз женской — сарафана.

[1] А. Олеарий, Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Введение, перевод и примечания А. М. Ловягина. Изд. А. С. Суворина. СПб., 1906, стр. 175.

[2] С. Герберштейн, Записки о московитских делах. СПб., 1908, стр. 80.

Одежда русских купцов и дворян XVII века.
Из альбома Мейерберга.

Остатки широкой позументовой ленты или золототканного кружева с острова Фаддея, в свою очередь, напоминают описание русской женской одежды XVII века в сочинении А. Олеария, где сказано, что «у богатых женщин костюмы спереди до низу окаймлены позументами и другими золотыми шнурами, у иных же украшены тесемками и кистями, а иногда большими серебряными и оловянными пуговицами» [1].

Чисто русской по форме и характеру оказалась также и обувь наших неведомых путешественников. Они употребляли русскую кожаную обувь с каблуками, набранными из кожаных вырезок соответствующей формы, подбитых железными подковками. О такой обуви упоминает, в частности, Пьер де-Ламартиньер в описании од-

[1] А. Олеарий, Цит. соч., стр. 176.

Одежда русских боярских слуг XVII века.
Из альбома Мейерберга.

ной «сибирской деревушки», жители которой были одеты в медвежьи шкуры шерстью вверх, но носили «белье и сапоги с *подковами*». В Ляпине городке, где важные обыватели этого города носили длинное платье из сукна, обувь последних, по словам этого путешественника, составляли кожаные сапожки — то синие, то красные, то желтые», «*с железными подковами* на каблуках, как у поляков» [1].

[1] П. М. де-Ламартиньер. Путешествие в северные страны (1653 г.). Перевод с примечаниями В. Н. Семенковича. Записки Московского археологического института, т. XV, М., 1912, стр. 60, 70.

Сапоги богатых людей, по Рейтенфельсу, также были «зелеными, голубыми и черными до самых колен, на высоких каблуках с железными подковами» [1].

Вязаные рукавицы и тканые пояски, остатки которых обнаружены в заливе Симса, ничем не отличаются от позднейших русских крестьянских изделий этого рода. Павел Алеппский в середине XVII века писал по поводу таких рукавиц: «Они (русские) не снимают с рук больших вязаных из шерсти перчаток с мехом, обтянутых кожей, согревающих зимой» [2].

Рукавицы и чулки — обычный товар, который доставляли крестьяне вместе с сермяжным сукном и другими предметами своего хозяйства на устюжский рынок в XVII веке [3].

Грубое сукно серого цвета, обнаруженное в заливе Фаддея, является, должно быть, тем самым «вадмалем», или, проще, сермягой, о которой постоянно упоминают источники XVII века. Еще Иоанн III послал в 1469 году в Устюг 300 сермяг. Такое сермяжное платье носили крестьяне и холопы. Д. Принц в 1577 году писал, что они одеты в «толстейшее сукно» и носят самодельные лапти. Родес сообщает, что вадмаль, или ватман, делался в Вологодской и Ярославской областях и в количестве $168^1/_2$ тысяч аршин вывозился через Архангельск по 4 копейки за аршин (в Москве он стоил в 1652 году 5—7 копеек) [4].

Как люди своего времени, русские путешественники XVII века имели с собой, разумеется, нательные кресты и небольшие иконки, тоже обнаруженные на острове Фаддея и в заливе Симса.

В их распоряжении находилось типичное для XVII века русское вооружение — лук, стрелы, колчаны, пищаль с пулями в виде свинцовых шариков, топоры, лучковое сверло.

Даже веревки, которыми они пользовались, и те

[1] Извлечение из сказаний Якова Рейтенфельса о состоянии России при царе Алексее Михайловиче. Журнал Мин. нар. просвещ., т. XXIII, 1839, № 7, стр. 48.

[2] Б. Г. Курц, Сочинение. Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915, стр. 283.

[3] К. В. Базилевич, Торговля Великого Устюга в середине XVII века. Ученые записки Института истории РАНИОН, IV, 1929, стр. 95.

[4] Б. Г. Курц, Цит. соч., стр. 279.

обнаруживают свое чисто русское происхождение. Веревки эти мочальные, лыковые. Тот же Ламартиньер при описании городка Вичоры упоминает паруса, вытканные из мочала, а также мочальные канаты и снасти для судна. Комментируя это сообщение, Семенкович отмечал, что «употребление мочальных веревок не вывелось у нас и до сих пор» [1].

Последним и самым веским доказательством в пользу мнения, что это были русские люди, являются принадлежащие им образцы русской письменности того времени.

На одной из деревянных рукоятей ножей, обнаруженных в 1941 году, оказалась надпись, четко вырезанная славянской вязью. М. В. Фармаковский предположительно прочел на ней имя владельца ножа — «*Акакий*» — и, видимо, его прозвище, заменяющее фамилию «*Мураг*» [2]. Проф. Гейман находит возможным читать эту надпись почти также: «*Акакий Мурманец*».

На второй рукоятке ножа из находки в заливе Симса тоже имеются следы аналогичной по характеру резной надписи вязью.

Наконец и в 1945 году нам посчастливилось вновь найти в заливе Симса обломанный нож с деревянной рукоятью, украшенной двумя поясками надписей, опять-таки выполненных вязью.

В ножнах четвертого ножа, выделявшегося среди всех остальных своими размерами и формой, «кортика», как его называет Б. О. Долгих, оказался фрагмент документа, писанного характерной русской скорописью XVII века на обычной для того времени бумаге. По предположению Б. О. Долгих, фрагмент этот остался от документа, свернутого первоначально в виде узкой длинной полоски, а затем всунутого в ножны между кожей и клинком «кортика».

Все эти предметы не оставляют, таким образом, сомнений, что именно русская речь была родной для участников зимовки в заливе Симса, что они были русскими людьми, а не туземцами и не западно-европейскими моряками.

[1] П. М. де-Ламартиньер, Цит. соч., стр. 52, 53, 54.

[2] Загадочное слово «мураг» напоминает лопарское «мур» — море, откуда — Мурман, Муромское озеро. «Мураг» в таком случае на языке поморов, издавна соприкасавшихся с лопарями, и являлся обладателем ножа (Н. Харузин. Русские лопари, М., 1890, стр. 18).

Нож с надписью славянской вязью (залив Снмса).

На род занятий этих русских путешественников XVII века прямо указывают остатки принадлежавшего им охотничьего вооружения и снаряжения. Кроме огнестрельного оружия, они имели лук и стрелы. Последние имеют особое значение для характеристики охотничьего промысла. Стрелы эти трех разновидностей: развильчатые — с V-образными наконечниками для охоты на водяную дичь, боевые на крупного зверя — с массивными узкими остриями и стрелы с тупым наконечником — томары, специально приспособленные для того, чтобы бить крупного зверя, не испортив ценной шкуры.

Наконечники-томары выделяются как высоким качеством материала — их делали из превосходной мамонтовой или моржовой кости, так и чисто художественным совершенством работы. Большие наконечники изящной грушевидной формы кажутся сначала массивными и тяжелыми, в действительности же они поражают своими неожиданно тонкими стенками.

Это имело свой смысл: при незначительном весе, ускорявшем полет; наконечники такого рода обладали большой ударной площадью, облегчавшей попадание. Вместе с тем, не теряя своей силы, удар такого наконечника оставался сильным, но тупым, как то и требовалось, чтобы не портить шкурку[1].

Кроме тупых стрел с костяными наконечниками, были также томары деревянные, вырезанные из сплошного куска дерева; остатки их оказались и на острове Фаддея. «Соболи, — писал в половине

[1] В. П. Чернецов сообщил мне, что тупоконечные стрелы применяются также для того, чтобы стрелы при стрельбе не втыкались в дерево и не застревали в нем, что было равносильно потере их.

Надпись и орнамент на рукоятке ножа в развертке (залив Симса).

XVII века об употреблении таких стрел-томаров Кильбургер, — ловятся отчасти сетями и силками, а отчасти [бьются] луками и тупыми стрелами» [1].

Развильчатые стрелы были столь же широко распространены в то время; участники экспедиции Баренца видели у самоедов (ненцев) точно такие же стрелы с V-образными железными наконечниками [2].

Само собой понятно, что владельцы этих разнообразных по типу стрел должны были умело пользоваться ими. «Все московиты, — писал Ламартиньер о встреченных на Севере русских,—грузны, крепки, подвижны, *ловко* стреляют из лука».

---

[1] Б. Г. Курц, Цит. соч., стр. 170.

[2] Г. де-Фер, Плавания Баренца. 1594—1597. Пер. с латинского проф. А. И. Малеина, под ред. проф. В. Ю. Визе. Изд. Главсевморпути, Л., 1936, стр. 28.

Еще раньше, в 1615 году, о высоком уровне развития у русских стрельбы из лука писал Петр Петрей:

«Имя моссх, или московит, означает того, кто ведет трудную и суровую жизнь, того, кто часто натягивает свой лук, стреляет. Московитяне все это делают; от самой ранней юности они учатся и стрелять из лука стрелами и ходят туда и сюда, упражняются во всякого рода трудных и тягостных занятиях...

При этом они издревле, да и ныне попрежнему, как на войне, так и на охоте употребляют преимущественно лук и стрелы и так ловко и искусно умеют обходиться с этого рода оружием, что у них ни одной стрелы не пропадает даром. Они имеют луки различных видов, сделанные весьма изящно, разными цветами испещренные и украшенные, и подобных невозможно найти в других странах» [1].

Оригинальные по форме деревянные стерженьки, найденные на острове Фаддея, тоже служили для охотничьего промысла в качестве насторожек к ловушкам на пушного зверя.

Как выглядели эти последние, можно судить по описанию ловушек, которыми, по примеру жителей русского Севера, ловили песцов в 1510 году на Новой Земле спутники В. Баренца. «Мы сделали, — писали они, — из толстых досок ловушки, на которые накладывали камни, окружив эти ловушки глубоко вбитыми острыми кольями, чтобы нельзя было прокопать проход снизу. Этим способом мы время от времени ловили песцов». А. И. Малеин указывает, что в немецком переводе сказано иначе. «Мы сделали несколько ям, на которые клали толстую доску и камень, которые сами собой опускались, как только песец попадал в яму».

Среди подлинных иллюстраций к описанию плаваний В. Баренца, сочиненному Г. де-Фером, имеются также и замечательные по их точности изображения ловушек. На одном рисунке показано, как голландцы «вышли из дома и очистили от снега песцовые ловушки». На других рисунках, иллюстрирующих добычу медведя и починку лодки, пасти показаны в настороженном состоянии. На этих рисунках отчетливо видны вбитые в снег или землю колья, огораживающие в два параллельных ряда внутреннее пространство ловушки, а также и

[1] Ф. Аделунг, Критико-литературный обзор путешествовавших по России до 1700 года. Петербург и Лейпциг, 1846.

крышка, придавленная специальной тяжестью сверху[1]. Основной тип ловушек, как свидетельствуют эти рисунки, остался неизменным на протяжении четырех веков.

Судя по разнообразию форм наконечников стрел и наличию ловушек, охота была специализированной, главной ее целью являлась добыча ценного пушного зверя, шкурки которого несомненно предназначались не для собственного употребления, а шли в прдажу. Масштабы промысла, повидимому, вполне соответствовали его характеру. Во всяком случае, общее число стрел и наконечников к ним, обнаруженных в заливе Симса и на острове Фаддея, является значительным и вполне достаточным для промысла, так как после стрельбы выпущенные стрелы, разумеется, тщательно подбирались и снова шли в дело. Большое количество найденных на острове Фаддея насторожек (120 штук) еще более определенно указывает, что добыча пушного зверя производилась в относительно большом масштабе — десятками, а то и сотнями ловушек.

Это был, следовательно, промысел товарного характера, рассчитанный на сбыт, имевший важное значение в экономике северных районов России того времени.

Из охотничьего снаряжения следует отметить еще и рогатину, древко которой, со следами вставленного в него железного клинка уцелело в заливе Симса.

Особенно же интересно наличие в инвентаре, обнаруженном на острове Фаддея, пищали и боеприпасов к ней, значительного количества свинцовых пуль и свинца, а также, повидимому, совершенно разложившегося пороха, хранившегося в специальном маленьком бочонке, и пулелеек.

Русские мореходы-промышленники имели, следовательно, первоклассное по тому времени огнестрельное вооружение.

Такой вывод может сначала показаться неожиданным, но в связи с этим следует вспомнить, что еще во времена Баренца русские промышленники были хорошо знакомы с огнестрельным оружием и постоянно пользовались им в своей охотничьей практике. Один из двух «начальников» артели русских промышленников, встретившей спутников Баренца на обратном пути с Новой Земли, попросил у них

[1] Г. де-Фер, Цит. соч., стр. 179, 182, 222.

порох, а когда лапландец, ходивший по их поручению в Колу, вернулся обратно, он принес куропатку, которую «дорогою убил из ружья»[1]. Отсюда следует, что ружьем умели пользоваться и лопари. Огнестрельное вооружение имело, разумеется, особенно высокую ценность.

С чисто промысловой точки зрения промышленники, зимовавшие в заливе Симса и побывавшие на острове Фаддея, были, таким образом, подготовлены к путешествию в условиях того времени очень хорошо.

Вместе с охотничьим оружием и промысловым снаряжением на острове Фаддея оказались остатки рыболовной снасти: обломок железного рыболовного крючка, такой же гарпун, многочисленные поплавки и грузила от большой морской сети. Грузила для сети были двух типов. Одно грузило изготовлено было из специально обрезанного основания оленьего рога, снабженного отверстием для привязывания. Второе грузило принадлежало к широко распространенным и поныне на Севере России грузикам типа кибасов[2], состоящих из камня, оплетенного широкими полосками бересты в виде сумочки.

Сети при себе часто имели и казаки во время своих далеких путешествий. О брошенных из-за трудностей дороги товарах и сетях упоминает, например, известный землепроходец Елисей Буза при изложении обстоятельств, связанных с его походами в юкагирскую землю[3].

Рыболовство и охота на морского зверя (с гарпуном) должны были, однако, иметь лишь подсобное значение, как источник продовольствия, немаловажный в условиях Севера.

Гораздо большее значение имел другой вид хозяй-

---

[1] Г. де-Фер. Цит. соч., стр. 298, 301.

См. также: П. А. Бакланова, Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII века. Труды Гос. Исторического музея, вып. IV, отд. исторический общий; Очерки по истории торговли и промышленности в России в XVII и в начале XVIII столетия. М., 1928, стр. 64—68.

[2] Кибас — это обтянутый берестой камень, приплетенный четырьмя концами от той же бересты к деревянному гнутому ободу в 1½ четверти диаметром, в центре которого он и помещается. См. Вс. В. Никольский, Быт и промыслы населения западного побережья Белого моря (Сорока—Кандалакша) по материалам исследования летом 1921 года. Труды Института по изучению Севера, вып. 36. М., 1927, стр. 120, рис. 3.

[3] Н. Н. Оглоблин, Восточносибирские полярные мореходы XVII в. Журнал Мин. нар. просв., CCCXLVII, 1903, май, стр. 51.

ственной деятельности. Наряду с охотничьим промыслом товарного характера, рассчитанным на сбыт добытой дорогой пушнины, люди с острова Фаддея и залива Симса, повидимому, в относительно широком для того времени масштабе занимались торговлей. Это видно уже из того, что при них находился безмен, остатки которого обнаружены на острове Фаддея.

Если безмен взят был вместе с самыми необходимыми предметами путевого снаряжения в далекую и рискованную поездку к восточным берегам Таймыра, то, очевидно, его владельцам даже и на далеком севере довольно часто приходилось совершать меновые операции, требовавшие точного определения веса тех или иных товаров. Кроме того, как профессионалы своего дела, эти торговцы XVII века имели в своем распоряжении также и специальный, достаточно богатый обменный фонд, в котором представлены почти все основные хорошо известные историку по письменным документам товары того времени, необходимые для торговли на Крайнем Севере[1].

В нем мы находим прежде всего такой традиционный, излюбленный жителями Севера товар, как различная металлическая посуда, начиная с объемистых медных котлов, которые, по устному преданию, сохраненному С. Крашенинниковым, когда-то шли в продажу за такое количество соболей, сколько их могло в котле поместиться, и кончая оловянными чарками и тарелями. Здесь же оказался сырой металл — свинец и олово в мелких кусках, которое шло у туземцев на разнообразные нашивные украшения одежды и на инкрустацию изделий из дерева и других материалов. Так, известно, что шапка, рукавицы, верхнее платье, штаны, сапоги «московитского лапландца», встреченного Ламартиньером, были расшиты оловом. Он видел также, как лапландка украшала чепчик оловянными пластинками, очень искусно пришивая их с помощью нитки. «Рукоделье лапландок, — пишет в связи с этим Ламартиньер, — заключается в приготовлении одежды для себя, мужа и детей; все одежды обшиты по краям оловом; чтобы сделать его мягче, они проводят его между зубов и разделяют на пластинки, столь же хорошо отпо-

---

[1] См. К. В. Базилевич, Крупное торговое предприятие в Московском государстве в первой половине XVII века. Л., 1933, стр. 24.

лировывая их, как золотых и серебряных дел мастера при помощи особого инструмента»[1].

Впрочем, Север всегда особенно остро нуждался не столько в олове, меди и свинце, сколько в железе. Острый «железный голод» застал на Таймыре и соседних с ним территориях еще в 40-х годах XIX века А. Ф. Миддендорф. У авамских самоедов железо тогда «составляло еще такую большую редкость, что его нельзя было добыть». На Таймыре «железо было так редко, — пишет Миддендорф, — что благодаря двум-трем гвоздям я сделался благодетелем осинца, которого постигло несчастье, так как он не мог отыскать выпущенную им последнюю стрелу»[2]. Потребность в железе двести лет назад была, разумеется, еще сильнее, причем нужда в железе обострялась строгим запретом продавать туземцам железные изделия, в особенности оружие: «А больше того им с собой оружия и топоров и ножей не брать и того им ничего не продавать, а заповедных товаров — пищалей, зелья, сайдаков, сабель, луков, стрел, железец стрельных, доспехов, копей и рогатин и иного какого-нибудь оружия на продажу и топоров и ножей и всяких заповедных товаров не возить»[3]. Запрещалось торговать не только оружием, но и вообще «иным каким оружием»[4]. Вполне возможно, что часть железных изделий, оказавшихся на острове и в заливе, тоже могла предназначаться для торговых целей: чем строже были запрещения, тем сильнее становился соблазн продажи запретных товаров, цена которых соответственно возрастала, приближаясь, вероятно, нередко в той или иной степени к той баснословной, впрочем и для XVI века, цене, которую в свое время отмечал, со слов Дм. Герасимова, П. Иовий Новокомский. Указанный им способ оценки железного топора оказывается, кстати, совершенно таким же, как отмеченный Крашенинниковым и Богоразом для медных котлов.

«Было время, — пишет Иовий, — когда эти меха покупали за более дешевую цену. Именно, самые отдаленные племена Севера, совершенно незнакомые с более утон-

---

[1] П. М. де-Ламартиньер, Цит. соч., стр. 35, 37.

[2] А. Ф. Миддендорф, Путешествие на север и восток Сибири, ч. II, 1869, отд. VI, стр. 643, 678.

[3] Указ 1600 года (см. Акты исторические, т. II, № 30, цит. по Буцинскому, К истории Сибири, стр. 73).

[4] П. П. Буцинский, Цит. соч., стр. 47.

ченным образом жизни и с нашей подчас гнетущей роскошью, прежде обменивали эти меха с великим простодушием на дешевые и часто смешные предметы. Так, например, жители Печоры обыкновенно выплачивали за железный топор столько собольих шкурок, сколько их, связанных вместе, московитские купцы могли протащить в отверстие топора, в которое влагается ручка» [1].

Столь высокая оценка железного топора, вещи самой обыденной, справедливо объясняется В. Г. Богоразом тем, что из всех орудий каменного века каменные топоры были наименее пригодны к работе, и потому жители Сибири особенно высоко ценили железные топоры.

Очень выразительна с этой стороны и находка многочисленных иголок, заключенных в специальные коробочки. Меновая ценность этих иголок станет понятной, если привлечь этнографические данные. В одном из записанных мною около Жиганска местных преданий «о прежних людях» с тонким юмором рассказывается, как один человек в старину увидел другого в слезах. «Почему, — спрашивает он, — ты так горько плачешь? Сын твой, разве умер?» — «Нет, — отвечает ему плакавший, — разве стал бы я о сыне плакать. У меня в самом деле большое горе: единственную мою костяную иглу я сломал».

Неудивительно после этого, что среди товаров, которые должны были иметь обеспеченный сбыт среди тунгусов, неизвестный англичанин около 1616 года упоминает вместе с голубыми бусами «иголки круглые и трехгранные» [2]. Железные иглы входили, по данным С. В. Бахрушина, в состав «подарков», предназначавшихся для ясачных людей в качестве государева жалованья [3].

В число товаров отчасти могла входить и одежда, остатки которой оказались в обоих пунктах у восточных берегов Таймыра. На Север, за Обь, в долину Енисея и Таза везли в XVII веке различную одежду, не только новую, но и поношенную, включая разноцветные зипуны английского и сермяжного сукна, рубахи мужские и женские, шитые золотом, часто стоившие по тем временам

[1] Павел Иозиф Новокамский, Книга о московитском посольстве. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина. Изд. А. С. Суворина, СПб, 1908, стр. 207.

[2] М. П. Алексеев, Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, т. I, Иркутск, 1932, стр. 276.

[3] С. В. Бахрушин, Ясак в Сибири в XVII веке. «Сибирские огни», 1927, № 2, стр. 22—23.

довольно дорого. Кафтан, сшитый «из доброго английского сукна с золотыми снурками», стоил по таможенной оценке 5 рублей[1]. Совершенно такой же, очевидно, суконный кафтан с золочеными шнурками, заменявшими современные пуговицы и петли, находился в имуществе, оставшемся на острове Фаддея.

«Иной читатель, — пишет по этому поводу Буцинский, — пожалуй, удивится и не поверит нам, что самоеды и остяки носили такие дорогие одежды, но это несомненно, и сведения наши взяты из подлинных документов; напомним только здесь о грабеже Григория Цыпани у енисейского остяка двух английских зипунов — красного и синего»[2]. Справедливость указаний Буцинского подтверждают и другие данные.

Самоеды, по словам лично видевшего их в Москве А. Олеария, носили широкие шапки, часть которых сшита была из «разноцветных кусков сукна, полученных ими от русских»[3].

Что касается лопарей, то еще Герберштейн сообщал: «они охотно допускают купцов, которые привозят им платье из толстого сукна, а также топоры, иглы, ложки, ножи, кубки, муку, горшки и другое в том же роде»[4].

Само собой разумеется, что в число предметов, которые должны были входить в состав обменного фонда, следует включить многочисленные украшения, представленные сериями аналогичных между собой предметов.

Это, в первую очередь, голубые или синие стеклянные бусы, имеющиеся в находках из залива Симса и больше всего с острова Фаддея. Такие бусы — «бисер» и «одекуй» — находили самый широкий сбыт у народов северной Сибири в XVII веке. По рассказу, приписываемому одному из английских купцов, агентов «Московской компании» (около 1616 года), среди других товаров наибольшим спросом пользовались в Сибири именно «голубые бусы». Некий русский, по имени Филат, «который ездил к тунгусам дальше других русских и говорит на их языке» сообщил ему, что «у тунгусов, за двадцать голубых стек-

[1] П. П. Буцинский, Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889, стр. 180—181.
Его же, К истории Сибири. Мангазея и Мангазейский уезд (1601—1645), стр. 72.
[2] П. П. Буцинский, К истории Сибири, стр. 72—73.
[3] А. Олеарий, Цит. соч., стр 169.
[4] С. Герберштейн, Цит. соч., стр. 190.

Обрывок ткани со шнурковыми петлями для застегивания (залив Симса).

лянных бус, он купил слиток серебра, который на русские деньги стоил сорок два алтына и сорок денег», то-есть около полутора рублей, что было по тому времени довольно значительной суммой [1]. Подобные бусы, вероятно, состояли вместе с маленькими колокольчиками в тех подарках «самой ничтожной ценности», которые были, по сообщению И. Масса, взяты в Сибирь людьми Аники Строганова, впервые проникшими туда. Несмотря на их действительно ничтожную цену, подарки эти казались жителям Сибири «роскошными и весьма дорогими», так что когда московиты приближались к ним, они радостно бросались к ним навстречу, хлопали в ладоши и падали перед ними на колени, как будто принимали их за богов» [2].

Значительно позже, уже во времена Беринга, голубые бусы требовали не только жители Сибири но и достигшие

[1] М. П. Алексеев, Цит. соч., стр. 275—276.
[2] Там же, стр. 251—263.

Серебряное кольцо (о. Фаддея).

более высокой ступени культуры обитатели Японских островов [1].

В то же самое время и позже якуты предпочитали голубые бусы, вместе с белыми и черными, всяким другим для украшения своих одежд, которые хорошо уцелели благодаря вечной мерзлоте почвы в могилах якутских тойонов XVIII века [2]. Не меньшее пристрастие к голубым или синим бусам сохранялось у них и до 40-х годов XIX века, когда Миддендорф отмечал, что буряты предпочитают красные бусы, тунгусы — зеленые, якуты же, напротив требуют белых, черных и синих стеклянных бус [3].

О пристрастии жителей Аляски к крупным голубым бусам сообщал в своей пешеходной описи русских владений на севере Америки Загоскин: «Из бисеров принимается поморцами единственно голубого цвета, крупных сортов, который, нанизанный на нитки из оленьих жил, они надевают на шею вместо шарфа» [4].

На обмен предназначалась, вероятно, и всякая металлическая мелочь, в том числе стандартные медные и серебряные перстни, украшенные орнаментом и зооморфными изображениями на печатках. Такие перстни находили самое широкое распространение среди северных народностей, вплоть до якутов, о которых автор первого монографического труда по этнографии этой народности Линденау в начале XVIII века сообщает, что они носят на пальцах серебряные, медные и оловянные перстни [5].

Специально для туземного рынка изготовлены были металлические подвески к женским костюмам в виде пла-

---

[1] Свен Вакселль, Вторая камчатская экспедиция В. Беринга. Л., 1940, стр. 42.

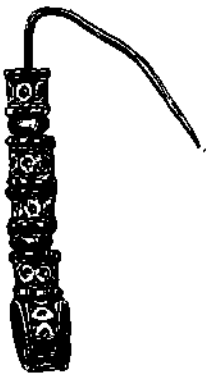
[2] Материалы раскопок Е. Д. Стрелова в Якутском музее.

[3] А. Ф. Миддендорф, Путешествие, ч. VI, стр. 649.

[4] Л. А. Загоскин, Пешеходная опись части русских владений в Америке. СПб., 1847, стр. 63.

[5] Я. Линденау, Описание якутов, собранное с 1741 по 1745 год. ЦГАДА, Портфели Миллера (№ 511, тетр. 3).

стин, украшенных геометрическим орнаментом, который существует и в этнографической современности. Сюда же следует включить медные пуговицы, колокольчики, бронзовое зеркало и обломки стеклянного зеркала, найденного на острове Фаддея. Подобные зеркала недорогой цены в большом количестве шли на восток, в Среднюю Азию.



Серьга серебряная, позолоченная, филигранной работы (о. Фаддея).

Кто же были эти русские люди XVII века, оставившие следы своего пребывания на пустынных берегах залива Симса и на еще более диком северном острове Фаддея, эти умелые охотники на пушного зверя, опытные купцы, а вместе с тем и смелые мореходы? Какое положение занимали они в тогдашнем обществе?

Нагляднее всего будет в данном случае простое сравнение найденного на острове Фаддея и в заливе Симса имущества с показаниями письменных документов XVII века.

В 1642 году было отпущено из Якутска на соболиный промысел Леонтием Толстоуховым 17 человек, имевших при себе хлебный запас и снаряжение на сумму около 650 рублей. С ними послано было 400 пудов ржаной *муки*, 2 пуда промышленных *котлов*, пуд *олова*, $^1/_2$ пуда *свинца*, 10 фунтов *одекуя*, 5 фунтов *бисера*, 50 аршин *белого сукна*, 50 *колокольцев кутазов*, 200 аршин *сетей неводных*, пуд *прядева*, 50 *промышленных топоров*, 20 камысов лосиных, 20 *обметов на соболя*, 30 *варег*, 20 *чарок*, 5 *пешен* и две *сковороды* [1].

Котлы, олово, свинец, бисер, колокольчики, ткани или одежда, сети, топоры «промышленные», ловушки для добычи пушного зверя, вареги, чарки и посуда, то-есть почти все, что перечислено выше, имеется и в наших находках, которые, таким образом, впервые дают совершенно конкретное вещественно-наглядное представление о типичном

[1] К. В. Базилевич. Крупное торговое предприятие в Московском государстве в первой половине XVII века. Л., 1933, стр. 10.

снаряжении русских торгово-промысловых экспедиций XVII века во всей его полноте.

Как свидетельствуют письменные документы, подобные экспедиции снаряжались обыкновенно «торговыми людьми», а участниками их были «промышленные люди». Оба эти названия, указывает С. В. Бахрушин, не определяя каких-либо сословных рамок, обозначают лишь экономическое положение. Мы поэтому встречаем в числе торговых людей крестьян и даже холопов, торгующих на деньги своих хозяев. Тем не менее различие между обеими группами совершенно реальное. Торговые люди — это капиталисты и предприниматели, занимающиеся в Сибири не только промыслами, но и торговлей. С собой в Мангазею они привозили большое число «русских» и «немецких» товаров на «сибирскую руку», в том числе «товары, предназначенные для мены с иноземцами—«на остяцкую руку» или «на якутскую руку»: «пурты, то-есть железо в слитках, олово, топоры, колокольчики-кутасы, медь красную в котлах, бисер и юдекуй», то-есть все то, что представлено находками на острове Фаддея и в заливе Симса.

Что же касается общей массы «промышленных» людей, то большая часть их «не имела своих животов», часто даже не имела промышленной снасти и в последнем случае зависела всецело от предпринимателей — торговых людей. Промышленники жили исключительно промыслами, охотой на пушного зверя, а также рыбной ловлей в «висках» в окрестностях Мангазейского города, причем либо «крутились», то-есть нанимались к торговым людям, либо сами объединялись в небольшие артели с несколькими товарищами, либо, наконец, промышляли в свой риск, в одиночку [1].

Трудно предполагать, что артель рядовых промышленников могла осуществить столь далекое плавание, требовавшее основательной подготовки и солидной материальной базы, каким явилось путешествие, следы которого уцелели в заливе Симса и на острове Фаддея.

В свою очередь, наличие многочисленных монет и остатки драгоценной пушнины подтверждают, что в этом плавании были так или иначе заинтересованы владельцы значительного по тому времени капитала, подобные,

---

[1] С. В. Бахрушин. Мангазейская мирская община в XVII веке. «Северная Азия», кн. 1, 1929, стр. 54—55.

например, известным купцам-предпринимателям Босовым, приказчики которых Толстоухов, Ворыпаев и многие другие вели, по заданию своих хозяев, крупные торгово-промышленные предприятия в Сибири.

В таком случае среди рядовых покрученников, промышленных людей, мог быть и специальный уполномоченный хозяев, их приказчик, может быть тот самый грамотей, которому принадлежали оба именных ножа из залива Симса.

Во всяком случае состав и характер находок дают право полагать, что они были оставлены именно теми людьми, которые, по словам Миллера, «приезжали из России не только ради выгодной торговли, но также для охоты на ценных пушных зверей» и которых в то время называли общим именем «промышленные люди» [1].

Наличие их зимовья, а также временного лагеря на острове Фаддея так глубоко на Севере и вдали от остальных русских поселений, существовавших в начале XVII века в Сибири, напоминает о той исключительной роли, которая принадлежала вольным промышленным людям в первоначальном освоении северных пространств за Уралом. «Предприимчивые и смелые, алчные до добычи и выносливые в лишениях, на своих плоскодонных кочах бесстрашно пускались они по Мангазейскому морю, проникали в Тазовскую губу, поднимались вверх по рекам, пробивая всюду дорогу служилым людям, служа им разведчиками и «вожами» [2].

Хозяева сокровищ, оставленных в заливе Симса и на острове Фаддея, были, следовательно, типичными промышленниками XVII столетия, представителями тех бесчисленных вольных предпринимателей этого бурного времени, века великих открытий и завоеваний на севере Азии, которые на свой страх и риск пускались в безмерно смелые странствия. Подобно полулегендарному землепроходцу Пенде, который первым достиг великой реки Лены в начале XVII века, и тысячам других русских землепроходцев, они были в одно и то же время смелыми охотниками-промышленниками в нашем смысле этого слова, а также ловкими купцами, а если придется, то и воинами, умевшими постоять за себя с оружием в руках.

[1] Г.-Ф. Миллер, История Сибири, т. 1, М.-Л., 1937, стр. 301.

[2] С. В. Бахрушин, Мангазейская мирская община, стр. 56.

ОТКУДА И ЗАЧЕМ ШЛИ ЗЕМЛЕПРОХОДЫ XVII ВЕКА К БЕРЕГАМ ТАЙМЫРА

Какова же была непосредственная цель этого путешествия, что привело их боле трехсот лет назад к угрюмым берегам залива Симса и на еще более суровый остров Фаддея? И, наконец, откуда они явились сюда?

Повидимому, этих искусных промышленников и опытных купцов мало интересовал песец — единственный пушной зверь тех мест. И это вполне понятно, так как развитой песцовый промысел возник на Севере много позднее, с упадком соболиного промысла. В XVII веке и позднее основным объектом пушного промысла и меховой торговли, ценнейшим валютным сырьем на мировом рынке служил соболь.

Можно поэтому с полной уверенностью констатировать, что ни залив Симса, ни соседние с ним участки таймырского побережья, ни пустынные острова Фаддея, заброшенные в Ледовитом море, не являлись для наших мореходов той последней целью, к которой они так смело и настойчиво двигались. Здесь не было ни соболей, ни людей, у которых можно было бы приобрести желанные соболиные шкурки в обмен на различные товары. Соболей можно было приобрести либо на западе от Таймыра — в долине Оби и Енисея, либо на востоке от него в долинах Хатанги, Оленека и Лены. На восточном же побережье Таймыра эти люди остались лишь по необходимости на вынужденную зимовку, так как не успели закончить свой длительный и тяжелый морской путь.

Остается, однако, невыясненным, откуда они шли.

Первое предположение, которое может быть выдвинуто в целях разрешения этого вопроса таково, что они шли с востока на запад — с территории современной Якутской республики, с Лены, Оленека или Хатанги к Таймырскому полуострову.

Против этого предположения, однако, свидетельствуют чисто хронологические обстоятельства. Первые русские появились на Лене только в 30-х годах XVII века, и вплоть до 40-х годов этого столетия Лена, Вилюй, а также, разумеется, Оленек все еще оставались «новыми» для них реками.

Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, что Олекминский и Якутский остроги были построены только

в 1632 году, то-есть спустя 15 лет после появления русских мореходов у острова Фаддея и в заливе Симса, Верхоянск основан в 1638 году, Зашиверск в 1639 году, а Нижне-Колымск в 1644 году—через 27 лет после этой предполагаемой даты.

На севере Якутии в то время, следовательно, еще не существовало таких центров, откуда могли бы выйти в далекий путь на запад русские мореплаватели-промышленники. Вообще же к востоку от Енисея в начале XVII века лежали одни только неведомые безграничные леса и тундры, заселенные воинственными племенами, о которых ходили страшные, фантастические рассказы.

Со временем русские люди вышли на Лену, спустились в Жиганы, достигли Оленека и построили там свои зимовья. Они стали ходить из устья Лены морем на Оленек, затрачивая на путешествие в благоприятных условиях один день парусного хода [1]. Но о плавании морем к западу дальше Оленека в первой трети XVII века все же не было и речи. По той же самой причине трудно, даже невозможно предполагать, чтобы русские промышленники достигли острова Фаддея и залива Симса южно-таймырским водным путем: слишком раннее было это время для подобного предприятия; слишком суровы и пустынны были для этого внутренние области Таймырского полуострова.

Да и что могло заставить нашу группу промышленников с их драгоценным грузом оставить лучшие соболиные угодья тайги и направиться не только в глубь безлесной тундры Таймырского края, но и к самым берегам студеного моря! Ведь там водились одни только северные олени, белые медведи и, самое большее, песцы, ценившиеся в те времена очень невысоко.

Тем важнее одна небольшая, но яркая по ее этнографическим особенностям вещь, обнаруженная в оставленном путешественниками XVII века имуществе: орнаментированная сумочка из разноцветного сукна. Орнамент сумочки столь же специфичен по технике его выполнения, как и по стилю. Он выполнен аппликацией и изображает специфические «оленьи рога», свойственные орнаментике самоедских племен и лопарей.

---

[1] С. В. Бахрушин, Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII веках. М., 1927, стр. 129.

Аппликационная техника тоже свойственна именно этим племенам, обитающим в тундрах к западу от Таймыра. К востоку от Енисея, в Якутии и на Чукотке, такая техника и такой орнаментальный стиль совершенно не известны; там начинается иной этнографический туземный мир. Владельцы сумочки должны были, следовательно, итти из областей, заселенных самоедами, — с запада на восток, а не с востока на запад.

В пользу такого вывода свидетельствует и вся историческая обстановка начала XVII века. Если восток был совсем лишен русского населения или только начинал осваиваться русскими, то к западу от Енисея за полярным кругом уже давно существовал крупный экономический центр, на который опиралась хозяйственная, политическая и культурная деятельность русских на Крайнем Севере. Это была Мангазея.

Основанный в 1601 году, Мангазейский город, «закинутый в глубь «студеной тундры», почти под самый полярный круг, среди воинственных племен, «кровавой самояди» и других «немирных» иноземцев, отрезанный от Руси и даже от прочей Сибири бурями Мангазейского моря [1], несмотря на все невыгоды своего местоположения, был в течение пяти десятилетий XVII века одним из важнейших центров русских промыслов в Сибири» [2]. «Мангазея в старину — это золотое дно, своего рода Калифорния, куда жадно стремились за добычей драгоценного пушного зверя жители нынешних северных губерний — Архангельской, Вологодской, Пермской», — пишет Буцинский [3].

«Златокипящая государева вотчина» — патетически восклицал при упоминании о богатствах Мангазеи русский государственный деятель XVII века Аф. Палицын.

Здесь оканчивался один из древнейших торговых путей с Руси в Зауралье — «Чрезкаменый путь». Отсюда шли русские промышленные люди, а за ними ясачные сборщики и вообще царские служилые люди дальше на север и восток Сибири: на Енисей, в глубь сурового Таймыра — на Пясину, на Тунгуски, в бассейн Вилюя и в долину

---

[1] Так называлась в XVII веке юго-западная часть Карского моря.

[2] С. В. Бахрушин, Мангазейская мирская община, стр. 50.

[3] П. П. Буцинский, Мангазея и Мангазейский уезд в XVII веке, стр. 31.

Орнаментированная сумочка для огнива
из разноцветного сукна.

Лены [1]. Вплоть до основания Якутска именно Мангазея оставалась тем центром, откуда производились открытие и захват северо-восточной Сибири, куда стекались пушные богатства с большей части Енисея и дальней Лены [2].

Таким образом, вряд ли можно сомневаться, что наши путешественники около 1617 года также шли с запада, со стороны Мангазеи, направляясь в новые, совершенно

[1] С. В. Бахрушин, Мангазейская мирская община, стр. 50. Его же, Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII веках, стр. 61—80, 148.

[2] Его же, Мангазейская мирская община, стр. 50.

неведомые еще и дикие пространства северо-восточных областей Сибири.

Дальнейшие события достаточно полно раскрываются археологическими фактами. Ключом к ним являются находки в заливе Симса.

ИЗБУШКА ДРЕВНИХ МОРЕХОДОВ В ЗАЛИВЕ СИМСА

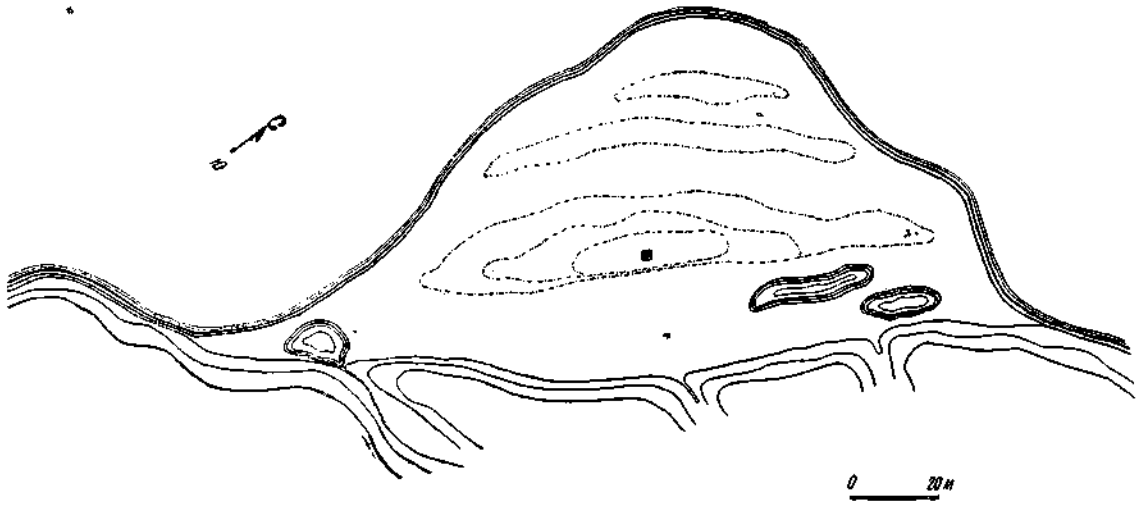
Зимованьице—наша зимовочка;
Зимовочка—наше жированьицо.
Тут ведь нерадостная наша зимовочка...
Нет от нашей от родной стороночки
Ни пролетного-то нет да ясна сокола,
Ни птицы перелетной малой пташечки,
Нет и скорописцетой к нам же грамотки,
Ни низкого нам да нет поклонику,
Нету же великого да челобитьица.
А и Груманьски острова каменистые,
На горах же там да снеги страшные,
А и на морюшки зимою льды морозные.
Когда сбушует море Груманьско;
Разыграется погодушка;
Страшна, страшна Груманьская музыка.

(Марфа Крюкова. Сказание о Грумманте: Как наши паморушки в прежно время ходили на Груманг)

Находки в заливе Симса связаны с остатками древней избушки. Залив Симса, у входа в который были обнаружены остатки этой избушки, узкий с извилистыми очертаниями берегов, вдается в материковый берег в юго-западном направлении на 14 миль.

Избушка стоит на восточной стороне залива, примерно в 30 км к западу от бухты Зимовочной и мыса Фаддея. При входе в залив, с этой стороны берег моря обрывистый, сложенный крупнозернистым гранитом. Он плавно повышается в глубь материка, образуя невысокие холмы. Вдоль берега, на расстоянии 150—200 метров от него, местами выступают отдельные скалистые гребни, остальное пространство занято россыпями из крупных, остроребристых плит, щебенкой и глинистой тундрой, покрытой скудной растительностью. Далее, в глубь залива, возвышенный берег слегка отступает назад и на этом месте открывается просторная излучина, занятая высохшей лагуной, на месте которой расстилается низменная болотистая тундра. Вдали, в глубине залива видкеются горы, замыкающие линию горизонта своими плавными контурами, сходными с очертаниями столовых гор.

Вдоль берега моря тундра окаймлена широкой полосой



Схематический план местности на берегу залива Симса.

Черным квадратом (в центре) обозначена избушка.

галечника — древней косой, отделявшей прежде лагуну от моря. На косе отчетливо выделяется семь последовательных галечных валов, из них шесть относительно свежих, с мелкой и хорошо окатанной галькой.

Особо выделяется крайний, с восточной стороны, вал. Он круче остальных и поэтому оконтурен гипсометрически наиболее резко. Цвет его также особенный, гораздо темнее, чем на остальных валах. Уже издали он резко выделяется своей темной расцветкой на фоне светлосерой гальки, покрывающей нижние валы. Такую расцветку дают покрывающие гальку печоночные темносерые и черные лишайники. На других валах лишайник отсутствует. Верхний вал, следовательно, очень давно уже вышел из полосы прибоя и более водою не заливался. Вдоль края его местами сохранился древний плавник, но в небольшом количестве и сильно выветрившийся. Высота этого вала над уровнем моря около 1—1,5 метра.

Излучина и соседние с ней участки побережья залива изобилуют водной птицей.

Участники Восточно-Таймырской экспедиции, по их словам, были привлечены сюда в июне 1941 года именно обилием водоплавающей птицы.

Неоднократно посещавшие залив во время выполнения своих работ члены экипажа гидрологического судна «Якутия» встречали здесь, кроме того, белых медведей, северных оленей; весной, по их словам, попадалось много белых куропаток.

Избушка была поставлена посредине излучины, в самой возвышенной и широкой части древнего берегового вала на границе его с тундрой. Она была видна издали, с высокого берегового уступа, господствующего над излучиной, как невысокий полусферический бугор, сложенный из гальки, довольно крупных плит и нескольких бревешек, беспорядочно рассеянных по двум сторонам бугра.

Вблизи оказалось, что это была невысокая (около 0,4 метра) насыпь из мелкой, как бы специально отобранной, гальки, с хорошо выраженной западиной в центре.

Вдоль восточной части насыпи слегка выдавалось одно бревешко сруба, в северной части вертикально торчали большие плиты — остатки печи. Несколько камней лежало на расстоянии 60 сантиметров в стороне от печи. На восточной же стороне бугра вместе с плитами лежало два

бревешка, оставшихся от разрушенных венцов сруба и еще одно, сильно выветрившееся, валялось по северную сторону бугра. Расчистка бревешка, уцелевшего на месте внутри галечного бугра, показала, что под ним находилось еще одно такое же бревешко, а с северной стороны остатки двух других бревешек сруба, сильно сгнивших.

Судя по уцелевшим на месте остаткам, сруб был срублен в угол из бревешек плавника, толщиною не более 20 сантиметров и имел в плане квадратные очертания. Размер сруба 2.6×2.6 метра. Между этими бревешками следов конопатки не оказалось. Т. Н. Анисимов не помнил, чтобы он заметил их и между лежавшими выше бревешками.

С восточной стороны, у печи, стенка сруба была закреплена для большей устойчивости двумя небольшими колышками, вертикально вбитыми одно против другого в гальку. Вход в избушку, по словам Т. Н. Анисимова, заставшего на месте в 1944 году в целости нижние ее венцы, хотя и сильно отсыревшие и непригодные для использования на топливо, помещался со стороны, противоположной морю, то-есть был обращен на северо-восток к высокому коренному берегу.

Никакого следа дверных колод он уже не видел. Вход был ориентирован на северо-восток вероятно с целью защиты от господствующих здесь в зимнее время юго-западных ветров. Отверстие для двери было прорублено, по словам Т. Н. Анисимова, по высоте «второго венца» из числа находившихся на поверхности вала, а ниже, как выяснилось при расчистке остатков сруба, в гальке залегало еще два венца. Ширина этого отверстия равна была, говорит он, 80 сантиметрам.

На высоту трех нижних венцов сруб избушки был засыпан с наружной стороны галькой; образовавшийся таким образом вал, высотою около 20—40 сантиметров, видим был издали в виде бугра. Под этим валом на древней поверхности галечной косы обнаружены отдельные тонкие полусгнившие щепки небольшого размера, несомненно, оставшиеся на месте в то время, как рубили избушку, а затем засыпанные галькой. Гальку брали при этом не рядом с избушкой, так как ям или рва, откуда ее могли поставить поблизости, не видно. Не исключена, впрочем, и такая возможность, что часть гальки для вала была получена при выравнивании и некотором углублении по-

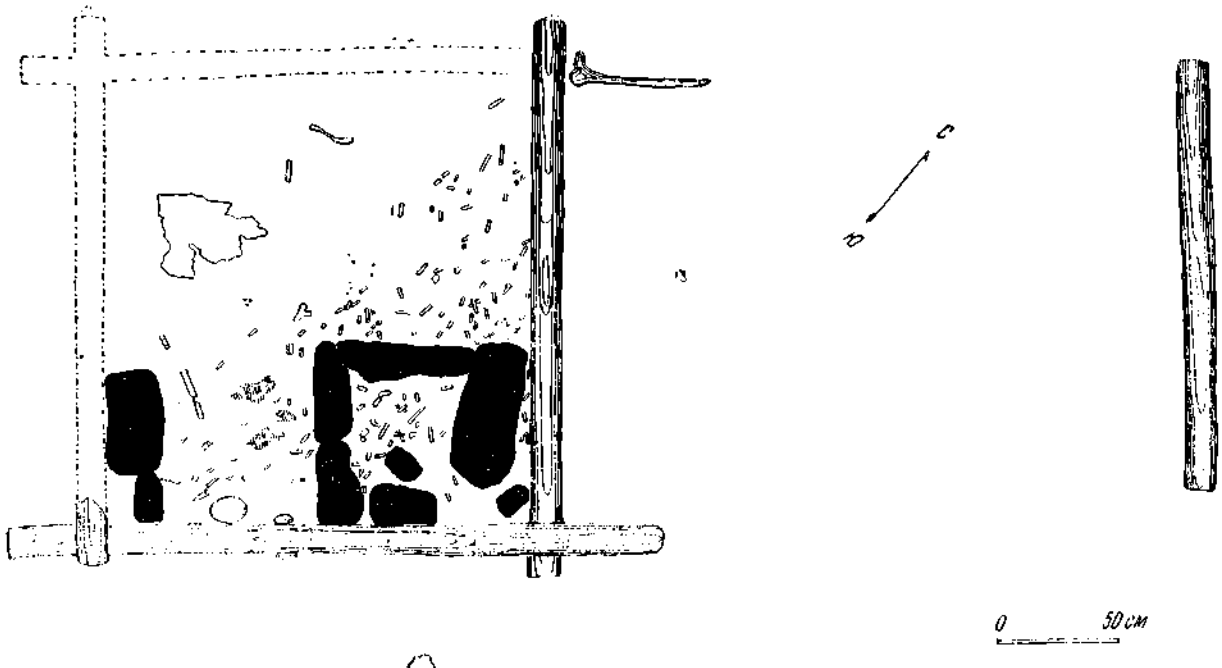
ла внутри ямы. Галечный вал должен был, конечно, предохранять жилище от сильных ветров в зимнее время, тем более, что сруб или во всяком случае уцелевшие на месте нижние его венцы проконопачены не были.

Пол избушки был слегка углублен в средине, приблизительно на 20 сантиметров по отношению к уровню поверхности окружавшей избу галечной косы.

Печь находилась вправо от входа. От нее уцелело только основание, остальные плиты были выворочены и выброшены наружу. Последние оказались относительно небольшими по размеру, плиты основания значительно превосходили их своей величиной. Материал для сооружения печи — плиты гранита, был, конечно, доставлен с высокого коренного берега, где имеются его коренные выходы, причем наиболее близкие из них помещаются, примерно, в 200 метрах от избы, около ручья. Основание печи имело вид удлиненного прямоугольника из поставленных вертикально плит. Расположенная со стороны входа, то-есть западная, стенка печи состояла из двух массивных плит, поставленных впритык и точно подогнанных ребрами одна к другой. Длина одной из них 40 сантиметров, длина второй 30 сантиметров, при высоте 40 и 50 сантиметров. Соседняя, северная, стенка образована была плитой длиной 60 сантиметров, при высоте 50 сантиметров. Восточная стенка состояла из плиты длиной 60 сантиметров при высоте около 30 сантиметров и ширине 20 сантиметров. Она не достигала угла на 20 сантиметров. Южная стенка тоже сохранилась не полностью; на месте ее оказался только один камень, размером 25×25 сантиметров и, рядом с ним, еще два меньших, остальная часть, должно быть, была разрушена, а остальные ее камни выброшены наружу. Нижние концы плит находились на 20—30 сантиметров глубже нижнего венца сруба. Площадь печи равна была в основании 80×60 сантиметров.

В середине печи, почти на уровне нижнего бревна сруба, выше пола избы, оказалось скопление золы и угля. Еще глубже, в 20 сантиметрах ниже этого скопления найдены отдельные, сильно разложившиеся угольки и немного золы. В верхнем зольнике найдены также мельчайшие кусочки жженых костей и один более крупный обожженный обломок, чрезвычайно похожий на фрагмент темени кости человеческого черепа.

К югу от печи, на расстоянии 60 сантиметров от нее,



План избушки в заливе Симса.

размещались по прямой линии (длиною 60 сантиметров) параллельно стенке сруба две плиты из гранита.

В момент нашего прихода внутри сруба почти не было гальки, и хорошо заметно было, что кто-то уже рылся здесь; извлекли и бросили тут же сверху куски ткани, железный топор, сбоку на валу валялась деревянная рукоять ножа, покрытая резным узором. У северной стены избушки на валу лежала часть деревянной коробки, покрытой плотной гладкой кожей. Поблизости находились рукавицы и куски такой же ткани (суконной), какая была внутри сруба, железный наконечник стрелы и нож с такой же орнаментированной рукоятью, какая отмечена выше. При зачистке внутреннего пространства избушки от тонкого слоя гальки, повидимому, свалившегося с галечного слоя вала после разрушения сруба, выяснилось, что пол избушки покрыт «культурным слоем», резко выделявшимся своей темной, местами даже углисто-черной расцветкой на светлосером фоне подстилавшей его гальки и соседнего галечного вала.

Слой этот образовался из более или менее перегнившей щепы, грязи, отчасти даже углей, тканей и разного мусора. Толщина его была по краям очень невелика, в средине и ближе ко входу между печью и камнями, перегораживавшими внутреннее пространство избушки на узкую и широкую половины, он был гораздо толще и здесь оказалась главная масса уцелевших в первоначальном своем расположении находок. Тут было найдено довольно много клочков гнилой шерсти и в них три серебряных монетки и большая часть стеклянных бус. Кроме того, здесь оказались лучковое сверло с орнаментированной средней частью, нож, точильце сланцевое в виде брусочка, железный наконечник стрелы. Неподалеку, но несколько ближе к печи, лежал кусок рога северного оленя.

У печи, то есть ближе к северной части сруба, был обнаружен фрагмент гребня из мамонтовой кости, а также несколько стеклянных бус, кусочек оловянной поделки в виде половинки плоскодонного блюдечка с отвесными краями, обращающий на себя внимание полным сходством с совершенно такой же по виду и размеру оловянной поделкой, оказавшейся при наших раскопках на острове Фаддея.

Непосредственно у западной стенки, почти даже под

ней, вместе со щепками оказалось много костей песца, причем все, без исключения, черепные коробки были вскрыты. Кости песца встречались и на остальном пространстве внутри сруба, но как исключение. У стенки же они группировались почти сплошным пятном. С южной стороны жилища, на месте, где должно было находиться бревно сруба, на уровне пола жилища обнаружены были тонкие замшевые ремешки, гладкое медное кольцо и медная фигурная пряжка.

Как видно из сказанного выше, большая часть находок оказалась в средине избушки между печью и теми камнями, которые как бы перегораживали внутреннее пространство сруба на большую и малую половины. В большой половине на месте этих камней и лежали те два бревна, о которых сообщали члены экипажа судна «Норд», производившие здесь раскопки в 1941 году. Будучи положенными одно на другое, бревна отгораживали пространство шириной в 20—25 сантиметров. Именно здесь, в этом узком пространстве, влево от печи, между южной стенкой сруба и двумя бревнами и найдена была большая часть собранных в 1941 году в избушке предметов.

Отсюда следует, что в 1941 году раскопке подверглась преимущественно эта часть избушки размером около 2 метров × 60 сантиметров, почему мы почти ничего в ней и не обнаружили, если не считать обрывков тряпок, щепы и нескольких стеклянных бус. Средняя же часть, давшая нам большинство находок, осталась в 1941 году целиком или почти нетронутой.

Особо должны быть отмечены остатки человеческих костяков, оказавшихся у самого входа в избушку. Внутри избушки, рядом с печью, непосредственно около сруба, находилась черепная крышка, обломанная по краям и обращенная вогнутой стороной, как бы чашей, вверх. Внутри черепной крышки находились мелкая галька и тот же «культурный слой», что и на полу избушки. Цвет крышки тоже был грязно-черный.

Посредине жилья в «культурном слое» вместе с косточками песцов, тряпками и щепой лежал кусок нижней челюсти человека. В северо-восточной части жилища обнаружен был обломок бедренной кости, второй кусок той же, повидимому, кости находился у западного края галечного вала снаружи избушки, а внутри избушки, с того

же ее края, найден один шейный позвонок человека. На галечном валу в северо-западной его части нашелся побелевший от времени кусок верхней человеческой челюсти. При расчистке восточной части сруба от гальки, которой она была завалена снаружи, был найден обломок той же самой, повидимому, черепной крышки, которая лежала на противоположной стороне сруба, внутри избушки, у входа. У северо-восточной части жилища, где был найден кусок бедренной кости, находились мелкие обломки человеческих ребер.

Обломки ребер человека оказались также между восточной стенкой сруба избушки и печью, а также между двумя плитами, составлявшими южную стенку печи, и около них с внутренней стороны печи.

Следы деятельности человека в ближайшем окружении избушки были представлены, кроме найденных членами экипажа гидрографического судна «Норд» медных котлов, также и уцелевшими, вероятно еще на своем первоначальном месте, полозьями от нарт. Часть их лежала в 10—15 метрах к северу от избушки на той же галечной косе; часть в 20 метрах к югу от нее в таких же условиях.

Котлы, как мы знаем, были перенесены в 1941 году на расстояние около 200 метров к северу от избушки и здесь, на месте стоянки топографического отряда, оставлены. Вместе с ними мы нашли на этом же месте одну плечевую кость человека, частично окрашенную окисью меди; долгое время она, повидимому, лежала около избушки в одном из медных котлов или рядом с ним и пропиталась вследствие этого медной окисью. Там же, на гальке, собраны были и стеклянные бусы, совершенно аналогичные имевшимся внутри избушки.

Кроме того, Т. Н. Анисимов, участвовавший в наших работах по раскопке избушки, сообщил позже, уже на судне, что в 1944—1945 годах он нашел на значительном расстоянии к юго-востоку от избушки на возвышенности в тундре около поставленной там топографической вехи какой-то деревянный «посох с набалдашником». Длина посоха была 40—50 сантиметров, набалдашник был довольно тяжелый, «в виде шарика» темного цвета. Материал его напоминал по виду эбонит. Длина набалдашника равна была, примерно, 10 сантиметрам, а на палке пониже шарика заметны были два выпуклых пояска. «Посох» так и остался в тундре. Это мог быть томар.

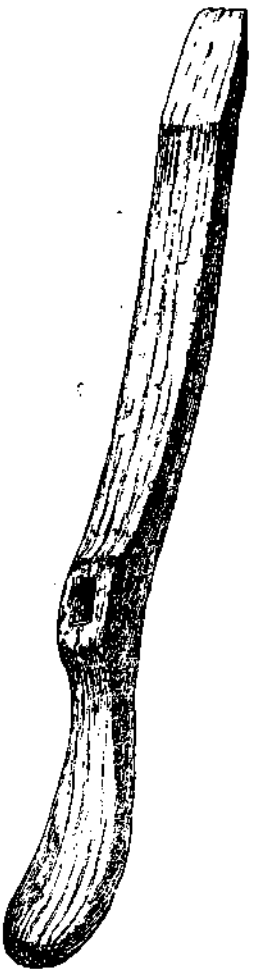
Таким образом, как мы видели, загадочная избушка в заливе Симса, хранившая в своих развалинах тайну мореплавателей XVII века, представляла собою небольшой, квадратный в плане, сруб, рубленный в «угол» из тонких, но тщательно подобранных бревешек плавника — прямых, одинаковой толщины. Площадь избушки была равна 7,6 метра.

В августе 1945 года на месте избушки уцелели остатки всего только двух нижних венцов сруба, засыпанных снаружи галькой и потому незаметных со стороны. Н. И. Линник и другие работавшие с ним лица видели три венца, должно быть, находившихся сверху над нижними двумя, сырыми и непригодными на топливо. Со слов каюра Широких, один из очевидцев, Г. Жероковский, утверждал даже, что первоначально избушка была высокой и имела «два этажа» или полати. Это противоречит впрочем, показаниям Линника, которые заслуживают несравненно большего доверия, чем слова каюра.

Со всех четырех сторон избушку засыпали галькой, образовавшей вал высотою до 40 сантиметров над уровнем косы, на которой стояла избушка. Вал этот, или, как сказано в описании Б. О. Долгих со слов Н. И. Линника, «возвышение из береговой гальки, на котором стояла избушка», однако, не достигал уровня порога двери избушки. Он должен был хорошо защищать обитателей избушки от пронзительных ветров и холода.

Как была устроена крыша избы — неизвестно, но, по-видимому, она была засыпана сверху тонким слоем гальки или не засыпана вовсе, ибо в противном случае во внутренности жилища лежал бы толстый слой гальки. В том же случае, если бы этот слой был удален в результате раскопок 1941 года, на старом галечном валу, окружавшем избушку, имелась бы свежая насыпь, которую, однако, мы не заметили.

Вход был устроен со стороны, противоположной морю, с востока. Справа от входа, в северо-восточном углу избушки, помещалась печь, сложенная из нескольких крупных и более мелких плит гранита, доставленных с ближайшей возвышенности — около ручья. Судя по уцелевшей части, печь была сходна с печами типа «каменок», имевшихся в курных русских избах и черных банях, отличаясь от них только своими небольшими размерами, соответствовавшими размерам самого помещения. Трубы



Рукоять ручного сверла (залив Симса).

в таком случае она, разумеется, не имела, и дым шел прямо в избу.

Налево от входа первоначально помещались два бревна, перегораживавшие тесную внутренность сруба на две неравные половины: узкую южную и более широкую северную, где находилась печь.

Предполагать здесь наличие какой-либо перегородки трудно, тем более что никаких следов врубания этих бревен в стены избы не было замечено. Да это было бы нецелесообразно — слишком уж небольшим было бы это отгороженное пространство. Вполне вероятно, напротив, что эти два бревешка просто покоились на двух камнях, уцелевших на их месте к нашему приходу, и служили основой для лежанки, для нары. Место же это для нары вполне удобно, так как находится вблизи печи, в длину и ширину вполне достаточно для расположения на нем взрослого человека, и вдобавок оставшееся свободным пространство, к которому обращено отверстие печи, могло быть использовано для разных хозяйственных домашних дел.

Внутри избушки уцелели остатки одежды, бытовой утвари и прочего имущества. Большинство находок лежало при этом, как следует из сообщения Н. И. Линника, на месте предполагаемых нар, как раз около них, в средней части избушки; здесь найдены были остатки подушки, сохранившиеся в виде мерзлого комка перьев и пуха. На нарах, следовательно, спали и отдыхали. Домашние работы выполнялись, очевидно, тут же, на нарах, и в середине избушки, перед самым огнем. Около нар, вблизи печи, оказались ножи, а также коловорот (лучковое сверло), представляющий один из самых

необходимых инструментов в быту северных промышленников вплоть до XIX—XX веков, как туземных, так и русских. «Важную роль играет коловорот, который должен находиться на всех мужских санях, потому что большая часть починок производится перевязками», пишет, например, Миддендорф о ненцах [1]. Это же лучковое сверло отмечает в качестве необходимой принадлежности хозяйства северных русских В. Г. Богораз, указывая, что по простоте своей конструкции оно восходит к прототипам каменного века [2].

В южной части обитатели избушки могли отдыхать и спать на наре, а в восточной, пользуясь печью-каменкой, варить пищу и заниматься различными домашними делами, расположившись перед огнем, сверкавшим из ее жерла.

Кости песцов и найденные в них наконечники стрел указывают на занятие обитателей избушки охотой.

Поблизости от избушки находилась также и рогатина, которая в умелых руках промышленника должна была служить грозным оружием, рассчитанным прежде всего для охоты на белого медведя, ошкуя, как его издавна называли поморы.

Как перевозочное средство на охоте и при доставке плавника на топливо употреблялись нарты. В отличие от туземных оленеводческих нарт, они невысокие и относительно малого размера. Такие нарты, с помещенной на них поклажей, вероятно, тянули люди, может быть с помощью припряженных к ним собак, если последние имелись.

Избушки такого рода — «поварни» — широко были распространены по всему нашему Северу. Они служили полярным пу-

Ручное сверло (залив Симса).

[1] А. Ф. Миддендорф, Путешествие, т. VI, стр. 678.

[2] В. Г. Богораз, Новые задачи русской этнографии в полярных областях, стр. 22.

тешественникам достаточной защитой от пронизывающих ветров и стужи Арктики, а вместе с тем не требовали для своего сооружения большой затраты труда, времени и в особенности столь драгоценного на побережье Ледовитого океана плавника.

Избушку эту строили, следовательно, умелые, опытные люди, привычные и хорошо приспособленные к условиям Крайнего Севера.

Как знатоки своего дела, строители избушки заранее взвесили все особенности окружающей местности. Они выбрали место для нее с полным учетом всех обстоятельств, которые могут возникнуть в зимнее время.

Избушка поставлена на обширной косе, где имелся плавник, необходимый для отопления и строительства. Соседняя местность летом и весной изобилует водоплавающей птицей. В тундре встречаются северные олени и песцы. Она стоит вдали от коренного берега, где были бы неизбежны снежные заносы, тогда как с косы сдувало снег, и запасы плавника оставались всегда на виду.

Все здесь было заранее рассчитано, все учтено.

Избушка и найденные в ней вещи являются, таким образом, признаками обычной зимовки промышленников, которые устроились в заливе Симса прочно и обстоятельно, рассчитывая провести в ней всю долгую полярную зиму.

Именно так рекомендовал устраиваться зимовщикам в полярных странах страстный ревнитель идеи Северного морского пути М. В. Ломоносов.

Находки в избушке дают право вспомнить, что в инструкции Чичагову, направленному по замыслу Ломоносова для отыскания возможного прохода сибирским океаном в Восточную Индию, Ломоносов, обобщая многовековый опыт своих земляков-поморов, писал, что если мореплаватели по необходимости попадут в такое положение, «когда возвратной путь далек и лето уже поздно», то они должны «всячески стараться.... выбрать удобное место заблаговременно, и построить из стоячего лесу или плавнику избы и печи, буде есть глина, а буде нет, то из дикого валуну каменки или очаги» [1].

Именно в таком положении и оказались, очевидно,

---

[1] Проект Ломоносова и экспедиция Чичагова. Изд. Гидрографического департамента, СПб., 1854, стр. XLII.

люди, следы пребывания которых найдены у берегов Таймыра.

Идя морем, они достигли восточных берегов Таймыра к тому времени, когда уже наступила, может быть, неожиданно ранняя арктическая осень[1]. Выбрав удобное место, они построили зимовье из плавника, завели нарты для перевозки дров и промысловой снасти, подготовились к зимней охоте с помощью рогатин, лука и стрел, а также различных ловушек.

Тем не менее на всем здесь осталась печать трагического конца.

У самого входа в избушку валялись небрежно брошенные, но весьма ценные по тому времени большие медные котлы, которые во всяком другом случае заботливый хозяин не оставил бы в таком беспризорном состоянии.

Внутри избушки лежали остатки одежды, а вместе с ними совершенно целые и пригодные для дальнейшего использования в хозяйстве самые необходимые предметы: топоры, стрелы, сверла и даже такая неотъемлемая принадлежность каждого промышленника, с которой он не расстается ни на час, как ножи.

Известно, что самой необходимой принадлежностью каждого мужчины у русских в старину был железный поясной нож. Даже о великом князе московском Василии Ивановиче Герберштейн писал: «На поясе, по обычаю их родины, висели у него два продолговатые ножика»[2].

Само собой разумеется, что с ножом никогда не расставались и русские промышленники на Севере.

«Нож, как ноготь, — говорят северные племена. — Ходить без ножа считается бедственным и вместе зазорным состоянием. Кто ходит без ножа, того просмеют соседские девки во всем околотке»[3].

О том, что ножи, найденные в заливе Симса, были такими личными ножами, а не вещами, предназначенными

---

[1] «Они всегда старались входить в пристань, удобную для перезимовки, в такое именно время, когда море там наиболее свободно ото льдов, именно в конце лета и в начале осени», — писал о русских полярных мореходах Норденшельд (Норденшельд, Цит. соч., стр. 27).

[2] С. Герберштейн, Цит. соч., стр. 209.

[3] В. Г. Богораз, Новые задачи русской этнографии, стр. 22.

для продажи, наглядно свидетельствуют именные надписи, сохранившиеся на рукоятях.

Вместе с ними здесь были оставлены и такие, особенно ценные по их редкости и значению в жизни мореходов предметы, как компас и солнечные часы.

Здесь же, среди прочих предметов, лежали и деньги, оставленные в большом количестве, — целое состояние для того времени.

Последним и самым резким штрихом для всей этой мрачной картины являются остатки человеческих скелетов, принадлежавшие по крайней мере трем погибшим в избушке лицам.

Что послужило причиной гибели этих людей, станет ясным, если учесть наличие там же многочисленных костей песца.

Обитатели избушки несомненно употребляли песцов в пищу, иначе разрозненные кости не находились бы так близко у печи. Для целей промысла достаточно было бы ободрать зверька и выбросить тушку наружу. В данном же случае не только накоплено много костей песцов внутри самой избушки, но и вскрыты все их черепа, что сделано было для извлечения мозга.

В обычное время русские люди песца никогда не ели и относились к такой «поганой» пище с отвращением. Только крайний недостаток в пище, только самая непосредственная угроза голодной смерти могла их заставить питаться песцами.

В этой связи интересно отметить, что, по свидетельству известного советского полярника А. И. Минеева [1], мясо песцов вполне съедобно. Очищенное от жира, оно не пахнет ворванью и вообще не обладает каким-либо неприятным запахом. Вместе с тем, как свидетельствует Минеев, печень песца, повидимому, очень ядовита. Когда собак кормили тушками песцов, они съедали все мясо, а печень оставляли нетронутой. Очевидно, печень песца, помимо ядовитости, имеет еще и неприятный запах или вкус.

Итак, картина неудачно закончившейся арктической зимовки в заливе Симса встает перед зрителем со всей силой непосредственного впечатления.

Перед нами лежат кости песцов, мясом которых питались голодавшие промышленники, чтобы спасти себя от

[1] А. И. Минеев, Остров Врангеля. М., 1946, стр. 309—310.

мук голода, угрожающей им гибели. Здесь же мы видим и кости самих обитателей избушки, людей, ставших жертвой этой трагедии, медленно нараставшей во мраке полярной ночи, под завывание ледяного ветра в маленькой избушке, оказавшейся буквально на краю света и отрезанной от всего остального человеческого мира тысячеверстными снежными пространствами.

Вместе с костями людей, в узком пространстве, не превышающем пяти квадратных метров, заключено было и почти все то, что они имели с собой: их одежда, личное имущество и походное снаряжение, начиная с нательного креста, ножа или топора и кончая компасом, а также деньги и пушнина, ради которых они и шли на далекий Север навстречу своему трагическому концу.

Все это — кости людей и животных, остатки одежды, утвари и вооружения, брошенные поблизости нарты и рогатина — лежало у входа в залив Симса до 1941 года в таком же виде, как было оставлено в бревенчатой избушке древних мореходов на безлюдном морском побережье три сотни лет назад [1].

Никто, кроме арктического ветра и диких животных, не нарушал с тех пор мертвого покоя заброшенного зимовья. Никто не беспокоил остатки его злополучных строителей и не трогал их сокровищ, оказавшихся бесполезными в те роковые дни.

ЛАГЕРЬ НА ОСТРОВЕ ФАДДЕЯ — ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП ПОЛЯРНОЙ ТРАГЕДИИ

Чем же объяснить в таком случае находки на острове Фаддея, которые обнаруживают поразительное сходство с вещами из залива Симса? Ведь ими, бесспорно, представлены не какие-то два обособленные независимые одно от другого происшествия, а двойной, но один и тот же в основе, узел событий, два взаимосвязанных и последовательно сменяющихся акта одной полярной трагедии.

Уже в первом обзоре этих находок Б. О. Долгих

[1] Совершенно такую же мрачную картину застали самоеды в 1656 году на море за Русским Заворотом, где морем разбило коч: «и против де того коча нашли срублену русскую избушку и край моря на дороги семь нарт» (С. В. Бахрушин, Очерки, стр. 118).

справедливо отметил поразительное сходство в составе имущества, обнаруженного в обоих пунктах. Как в заливе Симса, так и на острове оказались совершенно однотипные наконечники стрел, медные котлы, мореходные инструменты, ткани, а также другие одинаково архаичные предметы и, наконец, монеты XVI—XVII веков, датирующие обе находки тем же временем — первой четвертью XVII века, то-есть первыми годами царствования Михаила Федоровича.

Новые находки 1945 года не противоречат этому наблюдению, а только подкрепляют его.

Совершенно невероятно, чтобы в таком глубоком, безлюдном районе в одно и то же время, в одни и те же годы одинаковая трагическая судьба постигла две разные группы людей, имевших совершенно одинаковое по составу имущество.

Правильнее будет принять тот же самый общий вывод, к которому уже пришел ранее Б. О. Долгих, то-есть предположить, что оба памятника оставлены одними и теми же людьми, которые оказались в начале XVII века у восточного побережья Таймыра и здесь стали жертвой какой-то катастрофы.

Но в таком случае встает новый вопрос: какой из них соответствует начальным и какой заключительным моментам этой трагедии?

Б. О. Долгих полагал, что в общем развертывании событий начальному моменту соответствуют находки на острове Фаддея, а заключительному — остатки, обнаруженные в заливе Симса.

«События на о. Фаддея и на берегу залива Симса в 20-х годах XVII столетия, — пишет он, — протекали, видимо, следующим образом. Морское судно (коч), шедшее на восток в обход Таймыра, было около северо-западного берега северного о. Фаддея раздавлено льдами или погибло, налетев на камни...

...Люди переходят с судна на остров, успев спасти часть вещей. Дождавшись, когда море замерзло, они переходят на материк. Часть вещей они оставляют на острове, засыпав их галькой и закрыв каменными плитами, часть увозят с собой на саночках. Пройдя на запад до залива Симса они строят здесь из плавника избушку, в которой остаются двое, в том числе одна женщина (или подросток). Остальные потерпевшие крушение уходят дальше в на-

дежде добраться до человеческого жилья. Оставшиеся двое живут в избушке, питаясь песцами, но в конце концов гибнут».

Оставляя пока в стороне детали этой картины и другие умозаключения, высказанные далее в цитированной статье относительно судьбы и состава потерпевших бедствие путешественников XVII века, следует прежде всего отметить, что с приведенными выше основными выводами о гибели судна у северо-западного берега острова Фаддея и последующем переходе его экипажа на остров согласиться трудно.

Чтобы полнее представить себе общую картину находок и тем самым получить возможность глубже разобраться в ходе событий, о которых они свидетельствуют, следует поближе присмотреться к острову Фаддея — месту, где впервые были найдены гидрографами с судна «Норд» замечательные остатки древнерусской полярной экспедиции, и к условиям, в которых они сохранились до сентября 1940 года.

Остров этот — один из трех, составляющих группу островов Фаддея, о которых в лоции моря Лаптевых сказано:

«*Острова Фаддея.* В 6 милях (11 километров 112 метров) от мыса Фаддея расположена группа из трех небольших островов, названных островами Фаддея. Острова невысоки. Северо-восточные берега их скалистые, обрывистые, а противоположные отлого спускаются к морю. Южная часть восточного из островов переходит даже в косу.

Самый большой из островов группы (северный) имеет в длину около 4,5 мили» [1].

С северного острова Фаддея, расположенного в 17—18 километрах от мыса Фаддея и в 13 километрах юго-восточнее мыса Челюскина, хорошо виден материк от мыса Щерберина до мыса Фаддея, в том числе, гора Фаддея, а в хорошую погоду могут быть заметны при сильной рефракции и возвышенности (горы) южнее мыса Игнатия и мыса Крестового. В море издали видны остров Большой из группы островов Комсомольской Правды и оба соседних острова данной группы — восточный и южный, отделенные от северного острова расстоянием всего лишь

[1] Лоция моря Лаптевых, Л., 1938, стр. 67.

около двух-трех километров. Площадь острова невелика. По данным, собранным участниками Восточно-Таймырской гидрографической экспедиции, она равна 4,5 кв. километра.

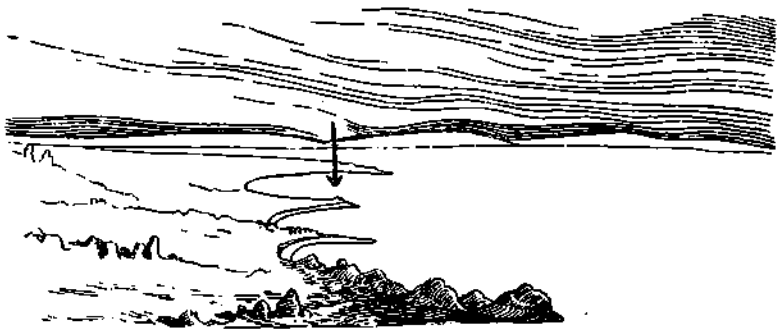
Очертания острова в плане приближаются к прямоугольным, но с заостренным западным конусом.

Восточный конец острова образует почти правильную прямую линию, северный и южный берега острова, являющиеся его длинными сторонами, напротив, извилистые. Издали при подходе к острову с моря он представляется низким и ровным, чернея вдали в виде узкой темной полосы, лишенной выдающихся частей, возвышений и впадин.

При ближайшем ознакомлении оказалось, что поверхность острова и его общий вид не так однообразны, как это могло показаться издали или с одной какой-либо его стороны. Примерно, три четверти всей площади острова, начиная с восточного его конца, заняты небольшой, до 20 метров, возвышенностью, оконтуренной скалистым обрывом. Остальная часть острова, приходящаяся на его западную оконечность, отделена неглубокой ложбиной и значительно ниже восточной части.

Характер растительного и животного мира острова определяется его географическим положением и суровыми климатическими условиями. Растительность острова выглядит значительно более скудной, чем на соседних участках материка; и самые растения на острове отмечаются несравненно более угнетенным видом, прижимаются к земле и поражают своими незначительными размерами по сравнению с такими же растениями на материке.

Растительность острова всего богаче и разнообразнее около озер и в ложбинах, слегка укрытых от ветра, тогда как голые скалистые россыпи и пространства, заполненные щебенкой, обыкновенно покрыты только мхами и лишайниками. Из цветковых растений тундры в момент нашего пребывания на острове наиболее эффектен был желтый мак, местами рассеянный густыми скоплениями и пятнами. Такие цветущие ложбины и окрестности озер, наиболее густо заполненные растительностью, особенно резко выделялись на фоне участков, занятых полигональной тундрой — с голыми глинистыми «окнами» и скудной, чахлой растительностью, размещенной в промежутках между «окнами».



Общий вид места находок на о. Фаддея.
Стрелкой отмечен раскоп.

Животный мир острова в момент нашего появления на нем был представлен, кроме птиц, только тремя взрослыми белыми медведями и одной самкой с медвежонком, которые чувствовали себя здесь полными хозяевами. Их привлекла, очевидно, на остров выброшенная волнами туша моржа. О том, что здесь раньше было много леммингов, свидетельствовали следы их нор. В различных местах острова, кроме того, встречаются кости песца и северного оленя. В настоящее же время лемминга на острове нет, как нет и песца. Олень же вообще был здесь, очевидно, редким случайным гостем в зимнее время. Из морских животных, кроме моржа, вблизи острова нередко появляется нерпа.

Из водных птиц на острове всего многочисленнее чайки-разбойники и большие чайки-«солдаты», а также кулики. Встречаются также гуси, гагары и гаги. В тундре, как обычно, есть совы, пуночки и другие мелкие птицы.

Обнаружены на острове и остатки древней четвертичной фауны.

При обследовании северной части острова, на высоте около 15 метров над уровнем моря, среди мелкой щебенки была встречена трубчатая кость какого-то крупного животного. В другом месте, на восточном мысу острова, около края каменной россыпи оказались обломки зуба мамонта в виде характерных пластинок из эмали и дентина.

В связи с этим нельзя не упомянуть и о других на-

ходках — оббитых камнях, напоминающих каменные орудия, характерные для стоянок, так называемого арктического палеолита Скандинавии и Кольского полуострова.

Таких камней на острове обнаружено шесть. Один из них (№ 1) найден среди камней (плит) неподалеку от места, где лежали обломки зуба мамонта, другой (№ 2) на тундре в 30—40 метрах от берега моря в южной части острова, остальные в северо-восточной и северной части острова.

Других бесспорных следов пребывания человека на острове в древности, кроме находок, сделанных в свое время участниками Таймырской гидрографической экспедиции из экипажа «Норд», не оказалось.

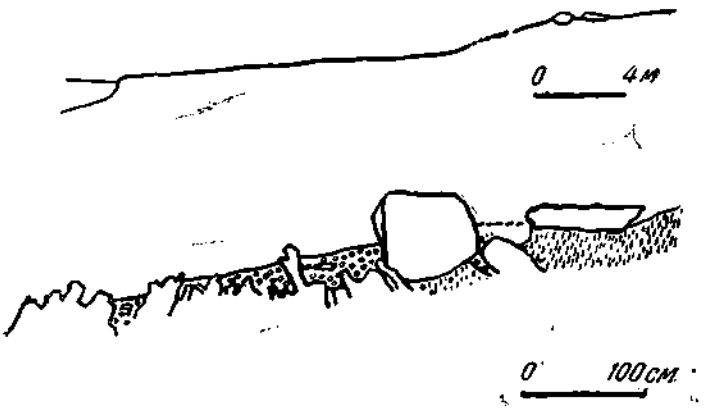
Место, где были обнаружены эти находки, расположено на северо-западном берегу острова и было отмечено гурием, сложенным участниками экспедиции в виде кучи камней высотою около 1 метра [1].

По описанию участников указанной экспедиции, находки встречены были «на выдающемся в море мысе, в 5—10 метрах от берега. «Берег, — писали они в своих отчетах, — скалистый, а место находки над уровнем моря, имеет высоту 5—6 метров. Во время сильного шторма возможно, что волны доходили до этого места, но только концом языка слизывали мелкую гальку».

Как выяснилось при посещении этого места, приведенное описание является в общем достаточно точным, хотя и не совсем полным. Мысок, о котором говорится выше, небольшой, скалистый, он состоит из остроугольных глыб сланца, представляющих собою части одного скалистого массива, растрескавшегося по вертикали, но не распавшегося, а сохранившего связь всех своих частей; последние выдаются из своего общего основания, как шипы спинного хребта гигантской рыбы. Рядом с этим мысом, в 100—150 метрах к западу от него, имеется второй мыс, совершенно такой же по размеру и общему виду. Между мысами — неглубокая маленькая бухта с пологим галечным берегом.

Далее к западу, за вторым мысом, расположена обширная бухта, ограниченная скалистыми выходами запад-

[1] Гурий оставлен нами на месте в том же состоянии.



Разрез раскопа экспедиции 1945 года на о. Фаддея.

ного мыса острова и окаймленная, за галечной полосой, довольно высоким береговым уступом.

Скалистые массивы обеих небольших мысов доходят до самой тундры, поверхность которой здесь не превышает 5—6 метров над уровнем моря и лишь слегка плавно повышается затем в глубь острова. Вдоль края тундры на узкой прибрежной полосе ее, шириной всего лишь только около 5—6 метров, изредка встречается старый выветрившийся плавник.

В настоящее время плавник откладывается на более низких уровнях, в пределах галечной полосы на берегу бухт.

Галечная полоса в пределах бухты между мысами заканчивается слегка окатанными водой плитами — остатками разрушенных скалистых выходов. Эти же плиты, но только значительно более крупные и не окатанные, в том числе несколько массивных блоков камня, находятся и в том участке первого мыса, где были обнаружены предметы, извлеченные гидрографическим отрядом судна «Норд» в 1941 году.

Осмотр этого места показал, что около гурия, где должен был находиться раскоп отряда, заложенный плитами, имеется углубление неправильных очертаний диаметром около трех метров. В середине этой ямы, оконтуренной неправильными, как бы «рваными» краями, торчали две большие глыбы и несколько более низких плит. Под

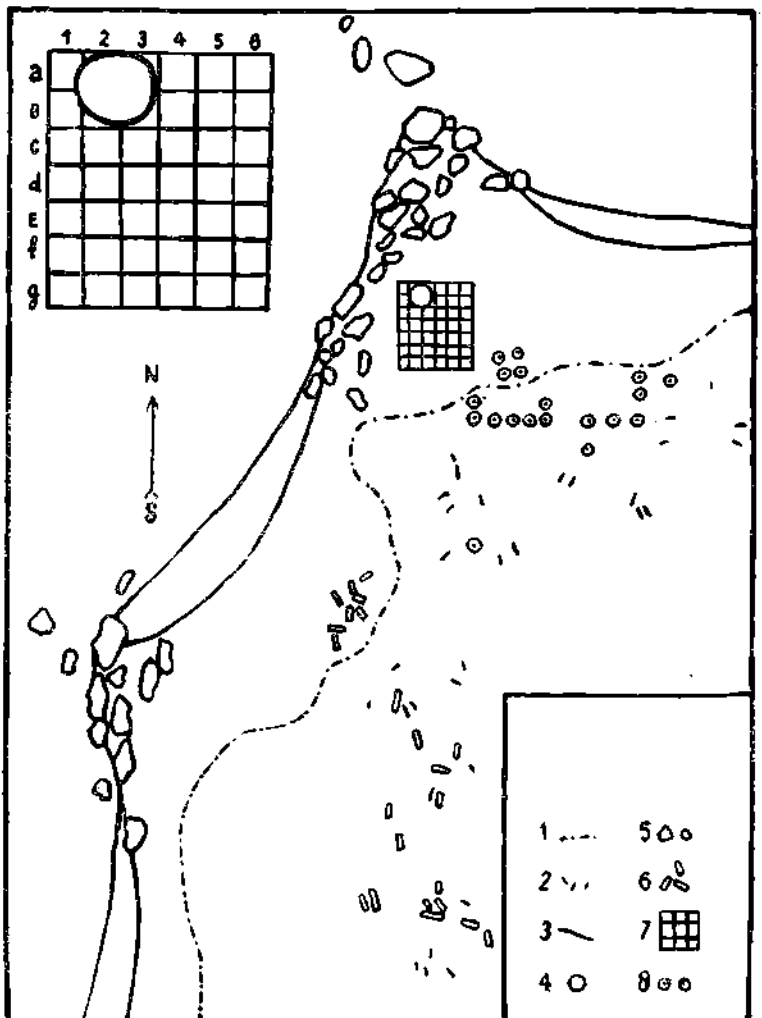
центральной из них видны были обломки довольно толстых жердей — рычагов, при посредстве которых пытались ее поднять, но видимо, безнадежно — многопудовая глыба оказалась слишком тяжелой.

Наибольшая глубина ямы достигала 0,5 метра. С западной стороны ямы, где она была наиболее глубокой, лежали выброшенные из ямы плиты. По восточной и юго-восточной сторонам ямы, вместе с кучками выброшенной из нее желтоватой глины и гальки, валялись клочки меха, обломки деревянных изделий, в том числе части какого-то небольшого бочонка, обрывки зеленой суконной ткани. С южной стороны ямы в груде глины также встречены обрывки меха, перержавевших и изломанных железных изделий, обломки деревянных стерженьков, круглых в сечении, должно быть, от древков стрел, кусочек оловянной тарелки или чаши, обрывки зеленого сукна. Поблизости валялись куски тонкого крепкого шнура из льна или какого-либо другого растительного материала, а также кожаного шнурка с плетеными изящными шариками на концах. Отдельные предметы встречались и довольно далеко от края ямы — между плитами мыска, на тундре. Это были деревянные изделия и некоторые железные поделки.

В 4 метрах к югу от центра раскопа, среди камней на глинистой почве найден точильный брус прямоугольной формы из песчаника, разбитый на две части, причем излом его был недавний, совершенно свежий. Одна из боковых сторон бруска была покрыта лишайником. Брус, следовательно, долгое время лежал на поверхности, ничем не закрытый сверху, затем был поднят кем-то из числа принимавших участие в раскопках, сломан и тут же брошен.

Несколько далее, в 2 метрах от раскопа, обнаружен в таком же положении железный топор, выброшенный из раскопа. Топорище, поражающее своей незначительной толщиной, было брошено среди камней, вывороченных из раскопа.

При осмотре прилегающего к мысу с находками пространства, в тундре, на расстоянии 25 метров от гурия, обнаружено изделие из хорошо выделанной тонкой и тщательно прошитой нитками кожи. По всем признакам, это верхняя часть кожаного колчана или налучья. Передняя сторона колчана была орнаментально вырезана в виде четырех дугообразно вогнутых выемок, разделенных по-



Район раскопа на о. Фаддея.

1 — граница тундры; 2 — древний плавник; 3 — границы древнего галечного вала; 4 — гурий; 5 — камни; 6 — остатки лодки; 7 — раскоп экспедиции 1945 года; 8 — поплавки.

средине стреловидным выступом с ромбическим завершением. Вырезки оторочены плотными стенками, образующими две параллельные орнаментальные линии.

Фрагмент колчана находился прямо на сырой поверхности тундры и был поднят во влажном состоянии. Он, несомненно, был выкинут из раскопа и, должно быть, переброшен затем ветром в тундру, где и лежал до нашего прихода.

Полагать, что этот кожаный предмет находился в тундре раньше 1941—1944 годов невозможно, ибо в таком случае он должен был полностью истлеть, тогда как сохранность его еще относительно хорошая.

Раскоп тт. Касьяненко и Линника около гурия был хорошо заметен в виде более глубокой ямы, из которой суглинок выбрасывали к востоку. Находки из своего раскопа гидрографы брали тщательно и довольно полно, так как яма оказалась пустой.

Нашей экспедицией было проведено более детальное изучение всего участка, прилежащего к гурию. Несмотря на то, что после гидрографов здесь хищнически рылся каюр Широких, на площади нашего раскопа, особенно в нижнем, не потревоженном слое, был обнаружен ряд ценных находок.

На квадрате *2e* в массе черной земли, смешанной с глиной и перегнившей шерстью, на разных уровнях, от 5 до 25 сантиметров глубиною, встречены фигурные деревянные стерженьки, лежавшие беспорядочной кучкой. Там же, около большого камня найден кусочек янтаря, обломки неопределенного железного предмета, костяная широкая игла с овальным ушком, свинцовая круглая пуля, кусок кожаного изделия, обломок деревянного поплавка для сети, бусы голубые стеклянные и пирамидальной формы слиток свинца, очевидно, предназначенный для отливки пуль.

Сверху лежали обломки досок, в том числе один, хорошо сохранившийся со сверленными дырами и забитыми в них деревянными гвоздями от лодки.

В противоположном углу квадрата, в рыхлой земле, перемешанной с галькой, обнаружено было второе скопление фигурных деревянных стерженьков, серебряные монетки, несколько синих больших бус и обломки маленького деревянного бочонка.

Квадрат *2d* — в перерытой глине с галькой обнару-

жены два поплавка от сети, бусы голубые стеклянные, куски выделанной и прошитой кожи, один деревянный фигурный стерженек и обломок резной поделки из кости с глазками (орнаментом), являющийся, вероятно, частью накладки на лук.

В углу квадрата *3с* нами было найдено много кусков перегнившего меха, обломки деревянных поделок, несколько свинцовых круглых пуль, кусочки литого олова или свинца, фигурные деревянные стерженьки, обломки деревянного миниатюрного бочонка, один деревянный поплавок от сети, кожаный шнурок с плетеной шишечкой, сохранившей остатки вплетенных в нее золотых нитей. Здесь же оказался более крупный, чем отмеченный выше и лучше сохранившийся фрагмент поделки (накладка на лук?), изготовленной из мамонтовой кости и орнаментированной глазками.

В соседнем квадрате — в центре ямы, лежали комки, местами же целые пласты слежавшегося и перегнившего меха. Они были заключены в черной землистой массе, образовавшейся из перегнившего органического вещества, — вероятно, того же меха, дерева и материи. Там же были сосредоточены и различные изделия: все те же стеклянные бусы, орнаментированный костяной предмет в виде половины набалдашника, кусок свинца — сырья для изготовления пуль, имеющий форму усеченной пирамидки, и довольно много монет. Мелкие, серебряные монеты лежали кучкой, на самом дне «культурного слоя», непосредственно на глинистом полу. Расчищая их, можно было убедиться, что монетки располагались прядкой, плотно прижатые одна к другой так, как они должны были бы помещаться, будучи зашитыми в поясе или в чем-либо другом. Никаких следов ткани тем не менее не было обнаружено.

Рядом найдено более десятка круглых свинцовых пуль, тоже залегавших на глинистой почве под черным «культурным» слоем плотным скоплением. Кроме того, здесь же оказался кусочек тонкого поверхностного слоя бересты со следами тисненого глазчатого орнамента, может быть, от исчезнувшего лука, оклеенного тисненой берестой.

На квадрате *2с* между небольшими плитами встречены обломки древков наконечников стрел (в количестве около пятнадцати), в том числе основание древка хорошей сохранности. Древко это было обмотано берестяной

лентой, здесь же было много кусочков меха и кусок позументной ленты.

Один из наконечников стрел, относящихся к обломкам древков из этого квадрата, находился на соседнем квадрате *3с*. На том же квадрате *3с* обнаружены куски кожи, дерева, меха и еще несколько наконечников стрел, лежавших кучкой; часть последних совершенно рассыпалась.

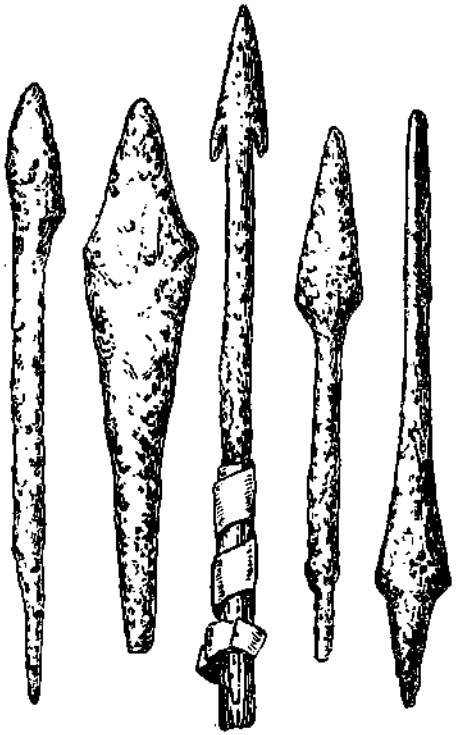
Все наконечники стрел находились рядом с обломками их древков. Всего, повидимому, здесь находилось четыре стрелы. Тут же, как отмечено выше, помещалась полоска кожи и стенка от бочонка. Таким образом, устанавливается с полной ясностью, что все эти вещи были разбиты, частично рассеяны по всей площади мыска еще в старину, задолго до раскопок, произведенных в 1941—1944 годах.

Этот вывод подтверждается и тем обстоятельством, что в щелях между камнями, где находились кусочки меха, рос мох, мхом были покрыты и некоторые кусочки меха; их следовательно, ничем не закрывали, а оставили прямо на поверхности между камнями.

В углу того же квадрата *2с*, неподалеку от позументной ленты, под большой плитой находилась медная, тщательно скрученная тонкая проволока, а несколько далее от нее в узкой щели около большой глыбы помещались два наконечника стрел. Узкая щель, где лежали наконечники, была сплошь заполнена довольно крупной галькой.

Когда приподняли большую лежавшую в середине раскопок плиту, то сбоку, под одной из ее сторон там же были обнаружены разные находки: стеклянные бусы синие, обычного типа, какая-то медная ложковидная бляшка с острым слегка загнутым кончиком, обломки древка стрелы, кожаный шнурок с парчевым шариком, несколько обрывков меха и серебряные монетки.

При дальнейшей расчистке квадрата *2с* выяснилось, что тут помещалось несколько железных наконечников стрел и обломки древков к ним. Наконечники эти группировались четырьмя скоплениями. Все они, в том числе наконечники, обнаруженные на соседнем квадрате, входили, очевидно, в состав одного колчана, остатки этого колчана, в виде деревянной дощечки с кожаной покрышкой сохранились тут же. Наконечники стрел были, очевидно,



Наконечники стрел с о. Фаддея.

рассеяны в тот момент, когда отлагалась покрывшая их галька. Колчан при этом был сломан, а уцелевшая часть его осталась в вертикальном положении. Вместе с наконечниками стрел в одном из скоплений поблизости от колчана обнаружен был еще один совершенно целый «набалдашник» грушевидной формы, искусно изготовленный из кости, внутри которого с узкого конца торчал деревянный стерженек.

Стерженек был переломлен на две части, а под ним лежал обычный железный наконечник стрелы. Это несомненно был томар.

На квадрате *3е* под большой плитой около северного скопления стрел, на глубине 30 сантиметров, в узкой щели, также был обнаружен хорошо сохранившийся грушевидный томар, изготовленный из мамонтовой кости,

по форме и орнаменту в точности повторяющий другие томары.

Квадраты *3с*, *3в* оказались непотревоженными. На одном из них (*3с*) обнаружены многочисленные куски меха, слегка перекрытые галькой, и фрагменты кожаной подошвы, прошитой вдоль края. Мех особенно плотно залегал между двумя плиточками. Тут же оказались кусочки железного кольца. Все это лежало без всякого порядка между вертикально торчащими плитами.

В одном случае мех находился в углу между двумя наклонными плитами, плотно свернутый и туго забитый в узкую щель. Это был, повидимому, мех от одной шкурки, плотно зажатой в щели при падении плит, ранее находившихся в вертикальном положении. Неподалеку найдено было железное изделие в виде дужки с одним швом, напоминающее подковы для обуви, употребляемой при хождении по скользкому гладкому льду.

На квадратах *4в*, *4с* помещался значительный запас, своего рода «склад», пушнины, к сожалению, в значительной своей части пострадавшей от действия сырости; только небольшая часть ее сохранилась относительно в целости, остальное погнило и превратилось в сплошную бурую массу. Это были большие комки меха, лежавшие между камнями, причем ближе к скале они уцелели лучше, отчасти даже сохранились и сами шкурки (кожа).

Интересно, что на восточном конце этого скопления пушнины обнаружены тонкие дощечки, лежавшие непосредственно над мехом и с боков по сторонам этого скопления. Возможно, что дощечки эти должны были предохранять и защищать мех. Комки и «пласты» меха лежали, вплотную прижатые к камню. Это был, по преимуществу, мех какого-то пушного зверя, обладающего очень мягкой шелковистой шерстью, может быть, соболя. Впрочем, вместе с ним встречен и мех с короткими волосками, напоминающий шерсть оленя.

С другой стороны этого же самого камня (на квадрате *4с*) в углу между ним и соседней плитой лежала изолированная кучка меха, в том числе один хорошо сохранившийся хвост. Там же помещался деревянный стерженек с тщательно обрезанной головкой и кусок выделанной кожи, но не обрывок, а явный обрезок, оставшийся от изготовления какого-то предмета. В 40 сантиметрах от этого места в глубокой щели, тоже около большого кам-

ня, оказалось восемь кусочков (слоев) каблука, две голубые бусины и обрезанная острым орудием, скорее всего топором, трубочная кость какого-то животного, вероятно, метакарпальная кость оленя.

На северо-восточном краю раскопа в щели у большой глыбы, около противоположного конца которой оказался «склад» мягкой рухляди, найдены между мелкими гальками кусочки меха, обрезки выделанной кожи, несколько фрагментов железных изделий и одно изделие из толстой кожи в виде половинки круглого футляра с ручкой, вероятно, служившего для хранения мореходного прибора—компаса или солнечных часов. Вторая половина этого футляра, как уже отмечалось выше, была обнаружена у большой плиты, находящейся на расстоянии 1,5 метра к западу от этого места в середине раскопа. Не может быть сомнения в том, что обе части футляра сначала находились вместе и лишь впоследствии были разъединены.

Костяной наконечник стрелы — томар (о. Фаддея).

На квадрате *Гс* в слое мелкой, хорошо окатанной гальки, совершенно чистой от примеси земли и каких-либо органических остатков, на глубине 30 сантиметров от поверхности обнаружена в целом состоянии одна костяная поделка в виде набалдашника грушевидной формы. Внутренность поделки полая и снабжена в верхней, расширенной части круглым сквозным отверстием. Снаружи она украшена тремя орнаментальными поясками, состоящими каждый из двух параллельных резных линий. Внутри поделки находились остатки сгнившего дерева, приобревшего коричневый цвет. Следы такого же дерева прослежены были и рядом со суженным ее насадом, откуда следует, что набалдашник был посажен на деревянный стержень.

Рядом с местом, где найдена эта поделка, имелись довольно крупные плиты, такие же камни залегали и под ней, оставляя окраинную часть скалистого выветрившегося массива, перекрытую галечным валом.

Будучи изолированной от всех остальных находок расстоянием около 1,5 метра, данная поделка, повидимому, попала сюда каким-то образом случайно и затем оказалась погребенной под галькой, набросанной морскими волнами во время штормов.

При расчистке нетронутого пространства на квадрате *1е* была убрана одна большая плита и три малые плиты, находившиеся в полулежачем положении. Повидимому, первоначально эти плиты стояли так же, как стоят другие плиты, образовавшиеся вследствие вертикального растрескивания сланцевых массивов, а затем свалились. После того как большая плита была поднята и удалена, выяснилось, что она боком налегала на другую, еще более крупную, но не плотно, а так, что между ними осталось небольшое пространство. В щели между плитами, прижатые верхней плитой и частично засыпанные мелкой галькой, лежали железные наконечники стрел, а рядом с ними железный скобель, сохранивший одну деревянную рукоять. Поблизости оказалось немного гнилого оленьего меха, засыпанного галькой.

Древки стрел располагались дальше — на протяжении около 80—90 сантиметров вдоль ребра большой глыбы сланца, плотно прижатые друг к другу, пучком, также перекрытые сверху слоем мелкой гальки, но еще более тонким.

Глубина залегания стрел и мощность покрывавшего их галечного слоя не превышала 15 сантиметров.

Наконечники стрел имели в большинстве V-образную форму; в месте прикрепления к древку они были плотно обмотаны полосками бересты. Кое-где на них сохранились следы раскраски в виде широких, поперечных полосок, нанесенных красной краской. Оперения стрелы не сохранили. Кроме обычных стрел с железными наконечниками здесь были, повидимому, стрелы-томары с деревянными утолщениями на поражающих дичь концах. Эти стрелы ориентированы были в обратном по отношению ко всем остальным стрелам направлении.

При окончательной разборке этого скопления стрел обнаружилось, что деревянное изделие в виде дощечки с уступом, напоминающее корытце, является частью деревянного футляра — колчаном, так как остатки его найдены около острий стрел в поперечном, по отношению к ним, положении. Стрелы лежали плотным пучком, наконечники их были еще закреплены в древках, хотя сами древки оказались в большинстве поломанными, расплющенными.

Часть стрел из этого же колчана была, очевидно, вымыта водой или переброшена ветром и находилась по-

этому на расстоянии 80—90 сантиметров от остальных, уцелевших в первоначальном положении. Судя по сохранившимся остаткам, колчан имел вид ящика, выдолбленного из дерева. Совершенно такие же, удлиненно-прямоугольной формы, закрывающиеся подобно пеналам вдвижной крышкой на одной из длинных его сторон, употреблялись недавно долганами и эвенками в низовьях Лены. В них хранили обыкновенно стрелы и другие принадлежности для самострелов.

Рядом с описанным скоплением стрел, на расстоянии 0,5 метра от них (квадрат *1f*), обнаружены были еще три железных наконечника стрел, полусгнившие остатки их древков и обломки того же самого деревянного колчана-футляра. Один из наконечников оказался согнутым посредине и лежал у ребра довольно массивной плиты. Он был, очевидно, смят тяжелым ребром камня при его падении или сползании.

На квадрате *1a* под отвесной гранью одной большой глыбы сланца и рядом со второй, несколько меньшего размера, сохранились в первоначальном положении остатки перегнившего меха обычного, красновато-бурого цвета, в котором найден один фигурный деревянный стерженек, большой кусок кожаного изделия и перегнившие кусочки дерева. Все это помещалось в глубокой щели между камнями на крупной гальке, но не покрытое ни галькой, ни плитами, образуя своего рода плотную поверхностную корку. Никаких следов позднейшего нарушения человеком этих остатков не заметно; они несомненно находятся в первоначальном положении или, во всяком случае, в том, в каком они находились вскоре после того момента, когда все предметы, обнаруженные здесь, оказались на скалистой площадке этого мыса.

На квадрате *2g* среди выступающих из-под слоя гальки ребристых остроугольных камней обнаружена медная плоскодонная кастрюля с полой железной ручкой, прикрепленной сбоку. Кастрюля стояла на днище, заполненная мелкой галькой и целиком перекрытая сверху галькой. Толщина галечного слоя над кастрюлей не превышала 10 сантиметров.

Особую группу находок составляют остатки лодки и рыболовной сети. От последней сохранились только деревянные поплавки и берестяная обертка для грузила — кибаса. Берестяная обертка—кибаса и несколько поплав-

ков были найдены нами вместе с остальными находками, но главная масса их оказалась рассеянной на обширном пространстве в полосе низменной сырой тундры к востоку от мыса с находками, на расстоянии до 16 метров к востоку от раскопа и в 5 метрах к югу от него.

Большинство поплавков лежало на поверхности тундры плашмя, некоторые же поплавки торчали вертикально, погруженные на $^3/_4$ и более в вязкую сырую почву.

Все эти поплавки тонкие, побелевшие от времени, сильно выветрившиеся.

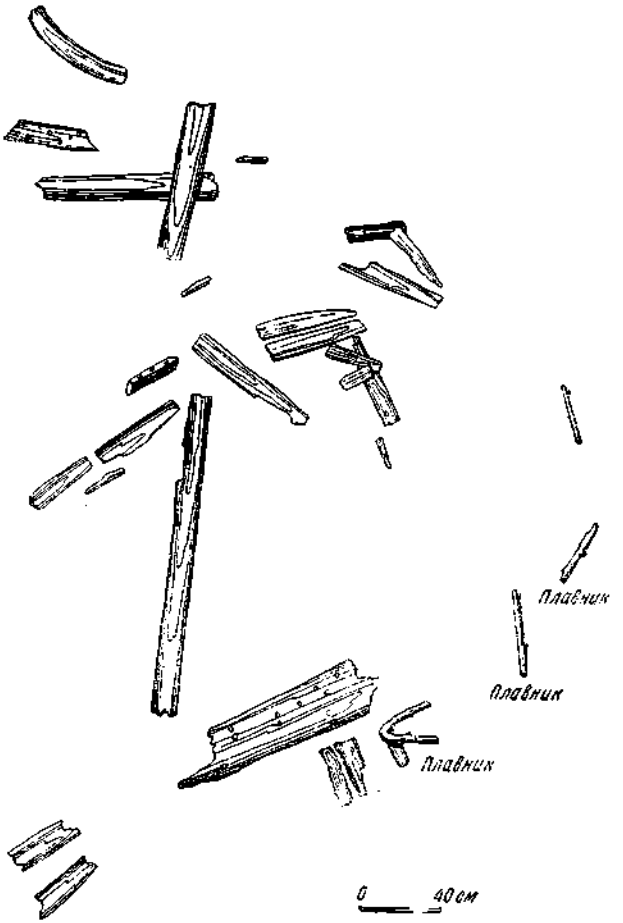
В той же самой полосе, где были разбросаны поплавки, находились и куски плавника, столь же сильно выветрившиеся, рыхлые и легкие, в большинстве небольшого размера.

Не исключено, следовательно, что и поплавки были частично разнесены водой или штормовым ветром.

Остатки лодки: обломки нескольких досок бортовой обшивки, обломки шпангоутов и киля оказались расположенными к западу от мыса с находками в излучине между ним и вторым скалистым мысом. Они находились в такой же узкой полосе прибрежной тундры и на той же высоте, как поплавки, хотя и отделенные от них расстоянием 5—25 метров.

Остатки лодки группировались двумя скоплениями (см. план находок). Одно такое скопление помещалось на поверхности, на расстоянии около 50 метров от галечного вала на площади 5 метров, другое же непосредственно рядом с валом на площади 4 метра, причем часть его была перекрыта галькой и слегка окатанными плитами — остатками разрушенного скалистого выхода, соединявшего когда-то оба скалистые мыска. Рассматривая на месте это последнее скопление, можно было допустить, что именно здесь находилось когда-то небольшое судно, вытащенное или выброшенное на берег волнами, а затем разбитое и занесенное наполовину галькой и плитняком.

Между первым и вторым скоплениями, тщательно измеренными, сфотографированными и нанесенными на план, располагались отдельные обломки досок. Но и в скоплениях общее количество обломков досок было невелико — около десяти в первом случае и девяти во втором. Величина обломков была равна, в среднем, 0,6—0,8—1 метр. Самая крупная доска имела в длину 1,5 метра.



Деталь расположения лодки (о. Фаддея).

но оказалась сломанной пополам. Все лучше сохранившиеся обломки досок были извлечены из грязи, просушены и упакованы для перевозки; то же самое сделано было с остатками шпангоутов и киля. Особо следует отметить, что поблизости от раскопа оказалось довольно свежее кострище, у которого уцелел один наиболее сухой обломок судна со следами недавних ударов

топором — кают Широких, должно быть, и здесь оставил следы своей «деятельности»...

Все уцелевшие доски судна и другие его части имеют явственный отпечаток глубокой древности, так же как и поплавки, отмеченные выше. Они в сухом состоянии очень легки, побелены с поверхности и, по всем признакам, сильно выветрились. Глубокой древностью отличаются они и с чисто технической, строительной стороны. Вместо металлических гвоздей здесь употреблены были только деревянные гвозди, для которых в досках обшивки были просверлены многочисленные отверстия. Особенно характерен и другой технический прием, при помощи которого обшивка лодки была скреплена с ее каркасом; на досках бортовой обшивки сохранились тщательно изготовленные сквозные ушки, через эти ушки пропущены были, очевидно, специальные, связывающие всю конструкцию веревки или шнурки, подобно тому, как это бывает на шняках русского Севера.

Материалом для изготовления судна послужило, по всем данным, тополевое дерево, отличающееся своей легкостью и вместе с тем удобством для обработки.

Последняя находка на острове Фаддея сделана была нами на противоположном берегу острова, в юго-западной его части, на месте стоянки участников Восточно-Таймырской экспедиции. Среди консервных банок, бутылок, поломанных ящиков и других отбросов оказалось одно грузило от сети или невода, изготовленное из оленьего рога, с просверленным в нем отверстием для подвешивания. По своей сохранности и общему виду грузило имеет значительную древность. Кроме того, на нем видны следы медной окиси, которая, вероятно, объясняется тем, что оно лежало в одном из медных котлов или рядом с ним, вместе с прочими находками XVII века, описанными выше, затем было перенесено сюда и здесь забыто.

Внимательное изучение как самих находок на острове Фаддея, так и способа их захоронения позволяет нам критически пересмотреть точку зрения на судьбу древних мореходов, предложенную Б. О. Долгих.

Повидимому, основной предпосылкой для Б. О. Долгих было предположение, что в 1941 году на острове Фаддея был открыт своеобразный «клад».

В самом деле, первые наблюдения открывших это местонахождение топографов привели их к выводу, что

здесь имеется археологический памятник особого рода, не следы обычного зимовья или какого-либо, хотя бы временного поселения, а, скорее, клад. К такому заключению их привело прежде всего обилие найденных там ценных вещей, включая множество монет, а вместе с тем и отсутствие каких-либо более или менее определенных следов жилища. Еще более укрепило их в таком мнении состояние, в котором найдены были эти вещи.

Во время первого посещения острова гидрографами значительная часть вещей оказалась наполовину перекрытой галечником или камнями. После раскопки, предпринятой во время вторичного посещения острова, они высказались еще более определенно в том смысле, что здесь «была сделана человеческими руками невысокая насыпь из мелкой гальки, сверху покрытая большими камнями, которые легко отделялись друг от друга». Н. И. Линник, в своем устном сообщении указал столь же определенно, что на острове имелась «искусственно сделанная насыпь, закрывавшая массу вещей, высотой не более 0,5 метра, причем он предположил, что «вещи были просто положены на поверхность земли, завалены галькой и сверху еще прикрыты каменными плитами».

Ясно, что в таком случае сразу же должен был встать вопрос о происхождении «клада», оказавшегося на этом пустынном острове. Исходя из опыта судна «Норд», сидевшего на камнях у острова Фаддея, можно было вполне законно ответить на этот вопрос предположением, что такую же судьбу испытало какое-то древнее судно, уничтоженное затем льдом, а люди, перешедшие с погибшего судна на остров, захоронили на нем свое имущество.

Дальнейшие предположения о судьбе этих людей точно так же были естественно связаны с наблюдениями гидрографов и с самой последовательностью их открытий в 1941 году. Перейдя с острова на материк, после того как им уже стал известен «клад», гидрографы наткнулись на избушку в заливе Симса. Само собой понятно, что наиболее простым и легким объяснением новых находок, столь сходных с ранее обнаруженными на острове, явилась мысль о том, что, захоронив свои лишние вещи на острове, древние путешественники, подобно самим гидрографам, пришли сюда и поставили здесь избушку из плавника.

Предположение, что избушка эта была поставлена для

самых слабых участников путешествия, а остальные ушли искать человеческих жилищ, было основано на найденных в избушке человеческих останках и на том обстоятельстве, что избушка имела очень малые размеры, и, следовательно, «была построена именно для двух человек».

Детальное исследование обоих памятников на месте не подтверждает, однако, как мы видели, исходного пункта в приведенной выше цепи умозаключений: реликвии, обнаруженные на острове Фаддея, отнюдь нельзя рассматривать как заботливо захороненный «клад», за которым его владельцы рассчитывали спустя некоторое время вернуться.

Раскопке была подвергнута в 1941 году только незначительная часть предполагаемой насыпи «радиусом в 1 метр» при общем размере ее «радиусом в 2—3 метра», остальное же пространство осталось неисследованным.

Кроме того, ряд предметов оказался вне «искусственной насыпи» — котлы и один топор, по словам Линника, находились на *поверхности* между скалами и тундрой». Это были те самые котлы, на которые впервые наткнулся А. Д. Кирин. Он заметил, как мы уже знаем, что котлы эти торчали между разрушенными каменными глыбами и тундрой. Но между камнями, около котлов оказались и другие вещи — топор, ножницы, сковородки, колокольчик, несколько голубых бусин и, очевидно, медная гребенка. В тот же день, то-есть до раскопок, при поиске на соседнем участке радиусом около 2—3 метров, члены отряда собрали сгнившие меха и кусок выделанной оленьей шкуры. О том, как были найдены последние, в рапорте Н. Линника и А. Касьяненко указано, что им «пришлось вывернуть большой камень, так как в этом месте обнаружили сгнившие меха и еще целую выделанную часть шкуры». Остальные вещи оказались беспорядочно разбросанными на расстоянии в 5—10 метров от берега, причем «часть их находилась *на поверхности земли*, а остальные природными силами или же вмешательством человека *наполовину* были закрыты галькой и камнями»... В таком положении оказалась и пищаль. Она находилась в границах предполагаемой насыпи, но не под слоем плит и гальки, как можно было ожидать, а прямо под одной из плит, закрывавших насыпь.

Таким образом, уже в первоначальных сведениях на-

лицо ряд данных, свидетельствующих о том, что значительная часть вещей лежала прямо на поверхности между камнями или была только наполовину прикрыта галькой или камнями. Эти данные позволяют сомневаться в наличии особой «насыпи над спрятанным имуществом», сделанной из гальки и перекрытой плитами. Обоснованность такого сомнения подтвердилась при детальном исследовании места находки 1940 года.

Никакого следа насыпи на деле не оказалось. На уцелевших нетронутыми участках нами была зафиксирована совершенно иная картина.

Вещи группировались одним большим скоплением на возвышенной каменистой и сухой площадке мыска у самой границы его с мокрой глинистой тундрой. Они были рассеяны без какого-либо строгого порядка и плана на площади около 40 кв. метров. Все, что можно было подметить правильного в их расположении:

1) охотничий инвентарь, стрелы и колчан, лежали в одном месте на краю раскопа, боевые стрелы на другом конце его;

2)остатки пушнины концентрировались около одного из самых крупных камней;

3) около второго такого камня и у соседних с ним плит помещались бусы, монеты, пули, кольца и, очевидно, найденные здесь же кресты и прочие вещи.

По всему раскопу были рассеяны куски и целые пласты сгнивших мехов, но не в столь большом количестве как у отмеченного выше большого камня. Почти так же широко и беспорядочно были рассеяны деревянные стерженьки и обломки деревянных изделий — дощечки, тоже обломанные. Большинство этих предметов располагалось, примерно, в одной плоскости, хотя некоторые из них и были углублены в щелях между камнями и помещались поэтому несколько глубже остальных.

Часть вещей, как отмечалось еще первыми наблюдателями с судна «Норд», оставалась прямо на поверхности между крупными камнями. Последние образовались на месте вследствие выветривания и распадения скалистого массива мыса на вертикальные отдельности — плиты и глыбы. В образованных соседними плитами глубоких щелях различной ширины и глубины, иногда частично заполненных мелкой галькой, и находились различные вещи,

в том числе охотничьи стрелы, уже не раз отмеченные выше.

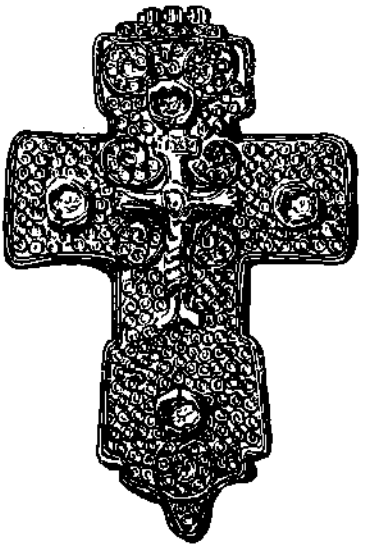
В средней части раскопа, где не было галечного перекрытия над вещами, они лежали в тонком темном слое, образовавшемся в процессе гниения меха, дерева, тряпок, а также мха и лишайника, которые нередко непосредственно перекрывали те или иные вещи, выдававшиеся из «культурного слоя». Другие вещи были слегка перекрыты галькой, накиданной морским прибоем. В древности такой галечный покров, однако, наблюдался не всюду, а только на определенных участках площадки, где действие прибоя сказывалось наиболее резко; не исключено, впрочем, что часть мелкой гальки была переброшена сюда и ветрами, достигающими в этом открытом месте нередко большой силы.

Часть вещей оказалась под двойным покровом — под тонким слоем гальки и под плитами. Плиты эти не были намеренно положены человеком; они либо свалились, либо слегка оползли в процессе разрушения массива каменистой площадки и при этом перекрыли находившиеся в щелях предметы. Вполне естественно, что последние в таком случае иногда ломались или перегибались; так, например, были согнуты ребрами тяжелых камней некоторые наконечники стрел. Такая же судьба постигла, несомненно, и пищаль, ствол которой оказался «переломленным на середине и перегнутым» приблизительно на 130 градусов, так как она найдена под тяжелой плитой, давления которой было вполне достаточно, чтобы изогнуть ствол пищали, особенно если он попал поперек щели.

Следовательно, с предположением о наличии специальной насыпи гальки, перекрытой плитняком, согласиться нельзя. За искусственную насыпь ошибочно был принят тонкий слой гальки, перекрывающий местами вещи и пространство между плитами, образовавшимися вследствие естественного распадания сланца. Процесс этот, кстати, во всех его стадиях — от начального растрескивания скалы и вплоть до образования щебенки — может быть отчетливо прослежен здесь же, на том же самом мыске.

Не противоречит сказанному и то обстоятельство, что «сгнившие меха и более ценные вещи — как констатировали Н. Линник и А. Касьяненко, — очевидно, были прикрыты или закиданы досками и кусками бревен, так как

Крест медный (о. Фаддея).



Серебряный с позолотой крест филигранной работы (залив Симса).

по всему участку встречаются сгнившие, превратившиеся в труху куски дерева». Такие же доски встречены были и нами, причем они оказались, как правило, обломками каких-то деревянных изделий, в том числе лодки, и не имели большого размера; бревен или их кусков не оказалось совсем.

Похоже, что все это были остатки того же самого имущества, различных поломанных вещей, а не специально подобранный для предохранения спрятанного добра материал. Если бы древние мореходы ставили целью укрыть ценные вещи, то с большим успехом могли бы использовать для этой цели куски плавника, чего, однако, сделано не было.

За этот вывод говорит и еще одно обстоятельство: по всему раскопу на разных его участках нередко встречались обломки одних и тех же предметов и вещи, которые должны были сначала находиться вместе. Не говоря уже о бусах или фигурных деревянных стерженьках, можно привести в качестве наиболее характерного примера части одного небольшого деревянного бочонка,

собранные почти полностью, но чуть ли не во всех квадратах, наиболее насыщенных находками, или столь же широко рассеянные кожаные шнурки с плетеными шариками, украшавшие одежду. Так могло получиться только при условии, что вещи долго лежали открытыми, их свободно трепал и разносил ветер, портила сырость, особенно морская влага, проникавшая вместе с галькой во время сильных штормов, растаскивали и ворошили звери.

В соответствии с изложенными данными общая картина памятника, от правильного освещения которой зависит разрешение главного вопроса о происхождении находок на острове Фаддея, существенно меняется. Перед нами уже не заботливо захороненный клад, не тщательно укрытое от чужих глаз сокровище, за которым должен был и надеялся возвратиться владелец. С первого взгляда можно было бы подумать, что человек вообще не принимал участие в распределении всех этих вещей: так беспорядочно и явно случайным образом они распределены, или, вернее, разбросаны. Рассматривая их на месте, мы невольно задавали себе вопрос — не результат ли это катастрофы, не море ли выбросило все это имущество вместе с плавником и обломками разбитого судна? Но в таком случае, соотношение находок было бы иным: вода вынесла бы далеко вперед легкие изделия из дерева и оставила близко к морю все металлические тяжелые предметы.

А на самом деле и легкие и тяжелые вещи совершенно беспорядочно перемешаны между собой. Расположение вещей, рассеянных на площади скалистого мыска, ближе к тому, какое должно было бы иметь место, если бы их разложили для просушки на первом же сухом клочке земли, встреченном среди окружающей влажной тундры, между ребристыми плитами и глыбами дикого камня.

На скалистом мыске у западной оконечности северного острова Фаддея, повидимому, находился временный лагерь промышленников, место настолько непродолжительной остановки, что на нем не было устроено никакого сколько-нибудь прочного жилища, хотя бы в виде легкого шатра с очагом из камней. Вместе с тем уже первых наблюдателей Н. Линника и А. Касьяненко поразили очевидная небрежность и спешка, с которой были разложены в этом лагере дорогие и нужные в хозяйстве вещи. «Все зарытые вещи, — писали они, — уложены очевидно наскоро и беспорядочно». В действительности они не были даже

зарыты человеком, как думали Линник и Касьяненко, а скорее всего покинуты на камнях и предоставлены свободному воздействию стихий, которые так и захоронили их частично под галькой или камнями.

Так могло случиться лишь вследствие какой-то катастрофы, не позволившей владельцам оставленного имущества взять его с собою или предохранить сколько-нибудь надежно от всяких случайностей и гибели, причем эти люди не могли впоследствии вернуться и воспользоваться оставленными вещами.

Итак, если раньше, основываясь на наблюдениях Линника и Касьяненко, можно было предполагать, что потерпевшие крушение в полном порядке высадились на остров, доставили туда свое имущество и обстоятельно захоронили его, а затем ушли в залив, то теперь общая картина в корне меняется. Вещи были в беспорядке свалены на скалистом мысу: для того же, чтобы более тщательно убрать их, путешественники, очевидно, не имели времени или просто не в силах были это сделать.

Между тем, если согласиться с точкой зрения Б. О. Долгих, то они должны были захватить с собой довольно значительный груз и протащить все свое имущество в трудных условиях по замерзшему морю на «саночках», что, разумеется, требовало много энергии и выносливости. Придя затем в залив, они оказались в состоянии прочно обосноваться там, натаскать плавника, срубить избушку, добыть тяжелых камней и сложить из них каменку.

Силы у них, следовательно, еще были, времени тоже было достаточно, так как между моментом предполагаемой гибели судна, шедшего по морю, и временем, когда стало возможным безопасное путешествие по льду с острова на материк, прошло, вероятно, немало дней.

Что же в таком случае помешало им еще в самом начале навести порядок в имуществе, оставленном на острове?

Вызывает далее недоумение в связи со сказанным и состав вещей, оставленных на острове и доставленных в залив. Путешественники захватили с собой в залив не только самый необходимый инвентарь, но и немало вещей, не представлявших какой-либо особой хозяйственной или товарной ценности, а в то же самое время непонятно, почему оставили много такого, что следовало бы

взять с собой. Так, например, они увезли в залив громоздкие медные котлы в количестве четырех, но оставили без призора на острове Фаддея и, вероятно, без надежды скоро вернуться туда обратно, такие бесспорные ценности, как серебряные деньги, составлявшие по тому времени значительный капитал, а вместе с деньгами бросили и не менее ценную пушнину, так же как множество других полезных вещей.

На острове остались даже порох и рог для пороха, пулелейки, пули и запас сырого свинца для изготовления пуль. На нем осталась даже и едва ли не самая необходимая для участников трудного северного путешествия, для промышленников, оказавшихся в стране белых медведей, часть их походного снаряжения — огнестрельное оружие, их единственная, быть может, пищаль. Любой промышленник, попавший в беду, несомненно бросил бы все, что имел, но оружие и боевые припасы, от которых зависела его жизнь, забрал бы и унес с собою.

Правда, по мнению Б. О. Долгих, на острове Фаддея было оставлено все относящееся к огнестрельному оружию по той причине, что при аварии ружья были испорчены, порох подмочен и «все это стало ненужным».

В пользу такого взгляда опять-таки свидетельствовали слова А. Касьяненко и Н. Линника, которые думали, что найденную ими пищаль древние путешественники бросили из-за непригодности ее для стрельбы. Но это невероятно, так как, во-первых, погнутый ствол пищали при желании можно было выгнуть обратно, а во-вторых — и это самое главное, — он был изогнут, всего вероятнее, не во время катастрофы, а много позже, когда подобно многим наконечникам и стрелам и другим изделиям, оставленным на скалистом мысу, пищаль попала под ребро свалившегося камня и была изогнута его тяжестью.

Порох, конечно, тоже мог испортиться, отсыреть, но сохранившиеся на острове в составе «клада» обломки маленького деревянного бочонка показывают, что о сохранности пороха очень заботились и намеренно держали его во избежание порчи от сырости в специальном бочонке. Поломан же был этот бочонок опять-таки не сразу, а всего вероятнее вместе со многими другими вещами и пищалью, то-есть много времени спустя после катастрофы.

Во всяком случае то, что наши путешественники, безусловно опытные и бывалые на Севере люди, сохранив-

шие еще достаточно энергии и силы, чтобы перебраться с острова на материк и прочно обосноваться там, бросили на острове свое оружие и наиболее ценные вещи, остается необъяснимым и никак не оправданным.

В связи с вопросом о судьбе вооружения, имевшегося у потерпевших крушение мореходов, следует подробнее рассмотреть остатки их охотничьего снаряжения.

Б. О. Долгих, отмечая в своей статье тот интересный факт, что на острове остались насторожки от промысловых ловушек, полагает, что, уходя с острова на материк, потерпевшие крушение не имели в виду где-либо задерживаться в течение долгого времени, а следовательно, и заниматься охотничьим промыслом. Найденные в заливе кости песцов, а также нарты показывают, однако, что им все-таки пришлось охотиться и что они имели необходимое для того снаряжение.

Вместе с тем обращает на себя внимание и то обстоятельство, что при отсутствии огнестрельного оружия, которое не было взято, как полагает Б. О. Долгих, на материк по причине его порчи, на острове остались также и боевые стрелы, найденные нами в 1945 году, которые могли пригодиться не только во время охоты на белого медведя, но и при встрече с враждебными туземцами на материке, с «кровавой самоядью».

Также недостаточно обоснован общий вывод, что «наиболее ценные и необходимые из бытовых предметов, как то: одежда, кортик, обувь, ложки, естественно оказались там, куда перешли путешественники, то-есть на берегу залива Симса».

Если речь идет в данном случае не о таких предметах, которые могли быть употреблены для обмена, а о бытовой и хозяйственной утвари, то как в заливе, так и на острове она представлена одинаково полно и одинаковыми по характеру предметами. Остатки одежды, обуви, ножи, топоры, котлы и прочая посуда найдены как в заливе, так и на острове; кремень, струг, нитки, фрагмент солнечных часов, которые Б. О. Долгих отмечает как вещи, взятые только на материк, обнаружены были в 1945 году и на острове.

Сравнение инвентаря, обнаруженного в заливе Симса и на острове Фаддея, приводит, напротив, к неожиданному выводу не о коренном различии, а о поразительном совпадении в составе находок, о чем, впрочем, уже гово-

рилось выше, когда речь шла о синхронности обоих памятников и принадлежности их к одной и той же группе людей.

Особенно наглядным с этой стороны является тот факт, что деньги, найденные в избушке на берегу залива Симса, по общей их ценности и количеству монет почти равны деньгам, оставленным на острове.

Во всяком случае, разница в количестве монет, обнаруженных в том и другом пункте, небольшая. Так, из общего числа доставленных в 1941 году в г. Красноярск 3324 русских монет XVII века на острове Фаддея было найдено 1353 монеты, а в заливе Симса 1971 монета. В 1945 году сверх этого на острове Фаддея найдено еще около 70 монет, а в заливе Симса около 25 монет.

Эта разница может быть еще уменьшена, если учесть, что каюр Широких и геодезист Высоцкий тоже нашли серебряные монеты на острове Фаддея, количество которых не учтено, и что вообще некоторая часть монет, обнаруженных здесь, разошлась по рукам различных любителей редкостей.

Таким образом, создается определенное впечатление, что деньги сначала находились в общем артельном владении, а затем их разделили на две части, причем одну половину монет оставили в заливе, а другую доставили на остров.

Не исключено, впрочем, и другое, менее вероятное предположение, что деньги, найденные в каждом из двух пунктов, принадлежали с самого начала различным лицам, которые сперва находились вместе, а потом разошлись, имея каждый при себе свое имущество и в том числе самое ценное — деньги.

Но и в том и в другом случае наличные факты одинаково противоречат предположению о том, что мореходы, владельцы оставленного имущества, сначала высадились на острове Фаддея, а затем перешли в полном составе на материк.

Непонятно, наконец, в данном случае и то, что следы оставленного ими зимовья оказались не вблизи островов, не около мыса Фаддея или на каком-либо соседнем с ним пункте, а далеко к северо-западу от острова — в заливе Симса. Если путешественники шли морем с запада и после крушения стремились выйти к ближайшим человеческим жилищам, они должны были знать, что позади

их, на северной оконечности Таймыра, осталось мертвое пространство, арктическая пустыня, лишенная не только постоянного, но и кочевого оленеводческого населения, так как там отсутствует сколько-нибудь обильный корм для оленей.

Пересмотра требует, естественно, и попытка Б. О. Долгих разъяснить дальнейшие события, происшедшие, по его мнению, на материке, куда перешли путешественники. Догадкам его о том, что избушка была выстроена специально для двух наиболее слабых участников путешествия, которые не могли уйти с остальными, а потому и жили в ней, питаясь песцами, а затем погибли, противоречат новые обстоятельства, вскрытые работами 1945 года. Три человека, чьи кости обнаружены в избушке и рядом с ней, несомненно жили там не одни, а вместе с другими лицами.

Небольшие размеры жилища не могут при этом объясняться тем, что она была сооружена только для двух (или трех) человек. Люди могли тесно располагаться в ней на нарах и на полу, а также и на полатях, о которых рассказывал Г. Жероховский со слов каюра Широких. Это была обычная промысловая избушка того самого типа, который дожил на Севере, как уже отмечалось выше, вплоть до современности.

В ней древнерусские полярные путешественники и встретили ожидавшую их трагедию.

События, должно быть, развивались так. Люди пришли морем в залив Симса еще полные энергии и сил. Их было, вероятно, около десяти человек [1]. Оставшись в заливе на зимовку, которой был прерван их путь, они с толком выбрали подходящее место, сумели своевременно построить избушку, изготовили нарты для зимних поездок за топливом и на охоту. Но в дальнейшем дела зимовщиков пошли неудачно. Их постигло самое страшное несчастье — муки голода. Кроме человеческих костей, в избушке оказались кости одних только песцов, которых ели обитатели зимовья. В избушке, впрочем, оказался рог одного северного оленя, но костей других особей северного оленя там найдено не было. Вполне возможно,

[1] Судя по количеству кожей и нательных крестов, Б. М. Житков полагает, кстати, что на коч приходилось именно десять человек или около того (Б. М. Житков, Мангазея и Мангазейский уезд, стр. 8).

что этот рог принадлежал оленю, сбросившему его в тундре, а не добытому охотниками.

В результате трагически погибли по крайней мере трое зимовщиков, из них, повидимому, одна женщина, волосы которой видели в 1944—1945 годах члены экипажа «Якутии».

Перед уцелевшими к весне стояла, разумеется, только одна задача: поскорее вырваться из этого погибельного места, уйти в лучшие места и тем спастись от смерти.

Поразительное сходство находок, обнаруженных в зимовье, с остатками, оказавшимися на острове, а также и то обстоятельство, что самое ценное в них — монеты оказались как бы поделенными поровну, дает право сделать вывод, что зимовщики разделились на две группы. Иначе, уходя с островов в полном своем составе, они забрали бы с собой и весь денежный запас, а не половину его.

Оставшиеся в заливе, очевидно, погибли. За это говорит вся обстановка мертвого зимовья, с сохранившимся в нетронутом состоянии имуществом. Что касается их товарищей, попавших на остров Фаддея, то уже наличие у них лодки показывает, что они пришли туда, когда море вскрылось и очистилось от льда, а это не могло быть ранее июля — августа.

Почему ими был избран путь на острова Фаддея, то-есть в открытое море, а не вдоль берега материка — неизвестно. Следует учитывать, однако, что острова Фаддея лежат к востоку от залива Симса. Если считать, что потерпевшие бедственную зимовку мореходы шли с самого начала на восток, а не с востока на запад, переход на острова Фаддея окажется соответствующим общему направлению их пути.

Более того, выбор пути мог быть оправдан стремлением избежать лишнего и крайне трудного похода вдоль изрезанного бухтами и заливами материка, желанием сократить путь переходом по открытому морю, срезая лежавший по дороге и глубоко вдавшийся в сушу залив Фаддея.

Зимуя в заливе Симса, промышленники во время своих охотничьих экскурсий могли узнать о существовании залива и о том, как глубоко он вдался в материк, а потому и пошли с места своей зимовки—из залива Симса—прямо на восток, к хорошо видимым с берега островам Фаддея, чтобы затем выйти снова к материку за мысом

Игнатия. Могли они пройти на острова и с промышленными целями, для рыбной ловли или для охоты на моржа, лежбища которого имеются на самом южном из островов Фаддея. Может быть даже, вопреки собственному желанию, их занесло сюда бурей.

Нужно полагать, что они оказались здесь уже после того, как вскрылось море, то-есть, поздней весной или, скорее всего, летом. Нам известно также, что они захватили с собой и доставили на остров свое имущество: обменный фонд, пушнину, деньги, оружие и промысловое снаряжение, в том числе рыболовную сеть, которая могла обеспечить их в дороге рыбой. Не исключено, что именно для рыбной ловли они и остановились на западном берегу северного острова Фаддея, около бухты, обладающей удобным для вытягивания тони отлогим галечным берегом.

Сломанная лодка, покинутые на произвол судьбы ценности и отсутствие следов каких-либо жилищ на острове не оставляют сомнения в том, что остановка промышленников в этом лагере оказалась непродолжительной и закончилась новым несчастьем. Лагерь на острове Фаддея, должно быть, стал последним лагерем этих людей, и здесь окончилась их отчаянная борьба за жизнь.

Может быть, они потонули в море во время неудачной вылазки, а может быть, стали жертвой голода.

Во всяком случае, трудно допустить, чтобы, имея хоть слабую надежду на спасение и возможность уйти с острова, промышленники навсегда расстались со своим добром, в особенности таким портативным, а вместе с тем ценным, как серебряные монеты, или же со столь же легкой и ценной мягкой рухлядью, которая, собственно, и влекла их в неизведанные дали Севера.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТАЙМЫРСКИХ НАХОДОК

Перед нами, следовательно, памятник трагедии, подобные которой нередки в истории арктических путешествий, начиная хотя бы с наиболее близкой к описываемым событиям начала XVII века зимовки 1594 года на Новой Земле известной полярной экспедиции Баренца [1].

[1] Г. де-Фер. Цит. соч. См. также Б. В. Милорадович. Посещение зимовки В. Баренца в Ледяной гавани на Новой Земле. «Arctica», 1934, № 2, стр. 187—190.

Если бы не трагические события, разыгравшиеся три века назад в районе Восточно-Таймырского побережья моря Лаптевых, мы не имели бы этого драгоценного собрания разнообразных предметов XVI—XVII века, всей этой единственной в своем роде коллекции, значение которой невозможно переоценить.

Находки на острове Фаддея и в заливе Симса как по своему происхождению и древности, так и по выразительности в известной мере напоминают остатки зимовки Баренца у мыса Спорый Наволок на Новой Земле. Они, однако, безусловно превосходят последние тем, что предметы, найденные в руинах жилища Баренца и его спутников, только дополняют и иллюстрируют сохранившиеся письменные источники, в том числе подробный дневник участника зимовки Г. де-Фера. Остатки же зимовья и лагеря промышленников у северо-восточных берегов Таймыра являются единственной документацией, освещающей связанные с ними замечательные страницы в истории освоения нашего Севера.

Особое значение этих вещественных документов определяется именно тем, что события, с которыми они связаны, до сих пор оставались неизвестными в истории Арктики, а между тем находками в заливе Симса и на острове Фаддея впервые выясняется факт исключительной важности для всей истории географических открытий на севере Азии арктического мореплавания вообще и для истории первоначального освоения Северного морского пути в особенности.

Как известно, стремясь найти прямой беспрепятственный доступ к Индии и Китаю, минуя южные морские пути, захваченные Испанией и Португалией, англичане и голландцы еще в XVI веке заинтересовались поисками морской дороги с запада на восток через Северный Ледовитый океан. Имена С. Баррю, В. Баренца и многих других западноевропейских мореплавателей, настойчиво искавших северо-восточный проход из Европы в Азию, пользуются издавна широкой известностью.

Вместе с тем до последнего времени оставались в тени безвестные русские люди XVI—XVII веков, от которых западноевропейские путешественники в первую голову и получали разнообразные сведения о странах, лежащих на севере России и в соседних с ним областях Азии, тех самых людей, которые нередко в качестве

«вожей» — лоцманов — вели корабли иностранцев по новым для них, но хорошо известным русским мореходам морским путям — к Новой Земле и Ямалу.

Между тем сама мысль о плавании на восток вдоль северных берегов Европы и Азии с целью достичь Китая и других южных стран была, как теперь бесспорно установлено, высказана в западной литературе в связи с теми сведениями, которые доставили в Европу русские люди и прежде всего посланник великого князя московского в Риме Дмитрий Герасимов. Став при посредстве ряда западных ученых достоянием европейцев, мысль эта оказалась одним из побудительных поводов к практическим мероприятиям по организации поисков северо-восточного морского пути в Китай и Индию.

Когда иностранцы, прежде всего англичане и голландцы, стали предпринимать попытки пройти северо-восточным проходом мимо северных берегов России в Китай и Индию, им пришлось постоянно прибегать к помощи русских. Барро, например, засвидетельствовал, что в 1556 году один из русских «ловцов» (зверобоев), житель Колы по имени Гавриил, вместе с другими русскими оказал ему большую помощь. В дальнейшем Барро пользовался указаниями и советами русского шкипера по прозвищу Лошак, который простодушно поделился с ним ценными сведениями о районе Оби и обитавших там самоедах. Сам Лошак намеревался плыть с целью моржового промысла от Вайгача, где моржи попадались редко, к Оби или «к устью реки Нармезай, где жители не так дики, как самоеды по Оби», рассчитывая, очевидно, на более удачный лов морского зверя в этих районах. Он согласился, чтобы Барро плыл вместе с ним к Оби [1].

Русские мореходы не раз приходили на помощь участникам экспедиции Баренца.

Встретив в августе 1595 года русское судно, шедшее на север с Печоры, голландцы подошли к нему, чтобы подробнее разузнать о море, лежащем к востоку от Вайгача. Русские дали им все необходимые разъяснения [2]. Посетив русских на другой день, голландцы вновь встретили с их стороны то же дружеское отношение.

В июне 1597 года, когда голландцы возвращались об-

---

[1] А. Е. Норденшельд. Цит. соч., стр. 214—215.
[2] Г. де-Фер, Плавания Баренца. Л., 1936, стр. 101.

ратно после бедственной зимовки, они встретились с двумя русскими кораблями у залива св. Лаврентия или мыса Шанц. Как пишет Г. де-Фер, его спутники обрадовались, что они наконец-то добрались до обитаемых мест, но, с другой стороны, их смущало, что людей было так много и, кроме того, оставалось неизвестным, как они к ним отнесутся. Но встреча с русскими рассеяла все сомнения: русские встретили голландцев с искренним участием и сочувствием к их судьбе.

«Сблизившись друг с другом, мы с почтением поздоровались, они по своему обычаю, мы по нашему, затем жалостно смотрели друг на друга, причем некоторые признали нас, равно как и мы узнали в них тех, кто в прошлом году, когда мы проходили пролив Вайгач, были на нашем корабле. Тут мы могли легко заметить, что внушает им удивление и беспокойство, так как в тот раз они видели нас на большом, великолепном и богато снабженном корабле, приводившем их в восхищение, а теперь мы прибыли в самом жалком виде, в открытых лодках». Похлопав дружески по плечу капитана и г. де-Фера, двое русских, узнавших их по прошлой встрече, спросили: «Crabble pro pal?», на что был дан утвердительный ответ. Не зная языка русских, голландцы не смогли подробно побеседовать с ними, но русские тем не менее «всевозможными знаками показывали, что сочувствуют нам и жалеют о том, что раньше мы были с самым богатым корабельным снаряжением, а теперь находимся в столь жалком состоянии», — пишет Г. де-Фер. Они, в частности, пояснили эту мысль столь же простым, как и выразительным сравнением. Показав, что тогда на корабле голландцев пили вино, русские спросили их, какой у них теперь напиток. Когда один из голландцев в ответ на это зачерпнул воды и дал ее отведать спрашивающим, «они покачали головой и сказали «no dobbre».

В дальнейшем, 15 августа, голландцы встретили шесть русских кораблей в том месте, где, по их расчетам, уже был западный берег Белого моря, то-есть за Каниным Носом.

Русские, однако, объяснили им, что до западного берега Белого моря еще далеко, что они находятся не к западу, а к востоку от Канина Носа. «Затем, растопыривая руки, они хотели показать, что нам надо сначала пройти Белое море, что наша лодка очень мала и что нам грозит

большая опасность, если мы хотим на такой лодке плыть по морю».

Когда голландцы, не поверив этому сообщению, продолжали путь и снова встретили русское судно, то экипаж последнего, несмотря на незнание языка, также стал убеждать их в опасности, грозившей самонадеянным мореплавателям.

Заметив, что голландцы взяли неправильный курс и что прилив уже на исходе, русские «с корабля послали к нам двух своих людей в маленькой лодочке, которые преподнесли в подарок большой хлеб и предложили вернуться на их корабль, чтобы поговорить с нами и наставить нас... За это время, как они были у нас, люди на их корабле протягивали нам ветчину и масло, чтобы побудить придти к ним»[1].

От русских же, встреченных по пути к Канину Носу, голландские моряки узнали о судьбе своих семи товарищей, плывших на другой лодке, и о том, что русские снабдили их провизией.

20 августа, когда начался сильный противный ветер, голландцы нашли убежище в русском поселке, где «встретили очень ласковый прием. Они [русские] отвели нас в комнату, высушили мокрые одежды, принесли нам вареной рыбы и дружески предложили поесть ее».

Дружественное расположение русских к западно-европейским мореплавателям несомненно имело своим основанием то обстоятельство, что русские на своем личном опыте были хорошо знакомы с трудностями северных путешествий и искренно сочувствовали всем попавшим в беду полярным путешественникам. Они простосердечно доверяли иностранцам, вовсе не подозревая, сколько хитрости и коварства скрывается за личиной их «друзей», прокладывающих пути для колонизаторов-конквистадоров, заливших кровью земли всех континентов.

Особые же качества и способности самих русских жителей Севера как полярных мореплавателей и путешественников воспитывались веками смелой борьбы с суровой природой Арктики. Об этом в свое время хорошо сказал такой опытный в кочевой северной жизни человек, каким был А. Ф. Миддендорф.

«Чтобы проложить себе путь в глубину Севера при ус-

[1] Г. де-Фер, Плавания Баренца, стр. 288—289.

ловиях его природы... пускаясь в путешествие для открытий, надобно иметь на все готовую сноровку, неистощимую изобретательность на всякие извороты, не только быть в одном лице всем — и знатоком всякой сухопутной езды и всякого рода плавания, и звероловом, и рыболовом, портным, сапожником, плотником, кузнецом и т. д., но и во всех этих ремеслах должно уметь тотчас, по первому требованию минуты, взяться за выполнение дела самыми простыми орудиями полудикаря времен первобытных.

При этом случае я не могу отказать русскому человеку в самом решительном подтверждении свидетельства, которое уже не раз ему воздавали. Во всем свете едва ли найдется другой, кто мог бы померяться с ним в самой гибкой во всем находчивости, особенно с русским, выросшим в безлодных пустынях глубокого Севера. Для него, собственно, изобретена фраза: мастер на все, хотя она не одно и то же, что «во всем мастер». И если прибавить к тому неистощимое юмористическое добродушие, каким сопровождается эта находчивость, то можно решительно сказать, что именно русский по преимуществу создан быть «вояжором», в смысле этого слова в Северо-Американских компаниях меховой промышленности и торговли и в противоположность известным «commis voyageurs» на железных дорогах»[1].

Само собой разумеется, что все эти драгоценные качества с полной силой проявились и в полярных плаваниях русских мореходов.

Древнерусские полярные мореплаватели во многом практически опередили западноевропейских навигаторов XVI—XVII веков и достигли выдающихся результатов.

Давно уже известно, что русские мореходы задолго до норвежцев стали зимовать на Шпицбергене и открыли Новую Землю[2].

Мы знаем, что западное побережье Новой Земли и пролив, отделяющий ее от материка, а также полуостров Ямал были теми крайними пределами, которых сумели достигнуть западно-европейские мореплаватели XVI—XVII веков.

Далее же на восток они никогда не проникали. Зато там издавна и постоянно ходили морем русские морехо-

[1] А. Ф. Миддендорф. Цит. соч., ч. I, стр. 15.

[2] В. Ю. Визе. Моря Советской Арктики. Л., 1936, стр. 125.

ды, проложившие широкую морскую дорогу к устьям Оби, Таза и Енисея, а также с устья Лены на Яну, Индигирку и Колыму.

Об этих подвигах древнерусских полярных мореходов справедливо писал В. Ю. Визе:

«Роль русских промышленников в освоении Арктики чрезвычайно велика. Это они открыли Новую Землю, задолго до норвежцев стали зимовать на Шпицбергене: это они еще в XVI веке освоили морской путь на Обь.

Промышленные люди в XVII веке установили мореплавание между Леной и Колымой, впервые прошли пролив, разделяющий Азию и Америку» [1].

Был, впрочем, один только единственный участок этой колоссальной морской трассы, где приоритет в исследовании Арктики морем оставался как будто за европейцами, — район Таймырского полуострова.

Правда, еще в XVIII веке, во время Великой Северной экспедиции, Ф. Минин дошел морем до 75° северной широты, а Х. Лаптев в 1739 году до мыса Фаддея (76°47′) [2], но пространство между этими двумя пунктами, как думали раньше, впервые прошел в 1878 году морем швед Норденшельд на судне под норвежским флагом.

Намечая план своего знаменитого плавания вдоль северо-восточных берегов Сибири, сам Норденшельд с особым чувством важности своего достижения подчеркивал, что «вся обширная часть океана, простирающаяся на 90° долготы от устья Енисея мимо Челюскина мыса, прежде называвшегося Табиным, за исключением береговых объездов, никогда еще не была проходима ни одним кораблем, не носила на своих волнах ни одного корабля».

Дойдя до мыса Челюскина, он взволнованно воскликнул: «Мы достигли великой цели, к которой стремились в продолжение столетий! Впервые судно стояло на якоре у самой северной оконечности Старого Света!»

Однако спустя семьдесят два года находки на острове Фаддея и в заливе Симса показали, что еще за два с половиной века до «Веги» у суровых северных и восточных берегов Таймырского полуострова проходило другое судно, и судно это было русским.

---

[1] В. Ю. Визе, Три года на острове Беличева, «Советская Арктика», 1940, № 4.

[2] А. И. Андреев, Экспедиции В. Беринга. Известия Всесоюзного географич. общ., т. 75, вып. 2, 1943, стр. 27—28.

Так блестяще оправдалась смелая догадка Ломоносова, утверждавшего в свое время, что берега «Сибирского океана от Вайгача до Ленского устья... по большей части промышленниками обойдены были».

Как предполагают, М. В. Ломоносов опирался на устную традицию земляков-поморов, сохранявших смутные воспоминания о древних плаваниях своих предков на восток. Сам Ломоносов, однако, высказал эту мысль намеренно кратко и со всей сдержанностью осторожного ученого. Сейчас же мы впервые располагаем в находках с острова Фаддея и из залива Симса документальными данными, которые раскрывают картину смелого похода русских мореплавателей начала XVII века вдоль берегов Таймыра в таких наглядных и выразительных формах, каких нельзя было ранее ожидать.

Данные эти категорически подтверждают естественный и законный приоритет русских людей в открытии и освоении Северного морского пути на всех его участках, не исключая наиболее северного и самого трудного — таймырского.

Морское путешествие, следами которого являются остатки зимовья в заливе Симса и лагеря на острове Фаддея, как мы видели, должно было состояться в промежутке между 1610 годом, когда в устье Енисея и на Пясине появились русские кочи двинянина Куркина с товарищами[1], и указами о запрещении плаваний Северным морским путем, последовавшими в 1616—1619 годах. По данным И. Г. Спасского, экспедиция скорее всего имела место в 1617 году и была, очевидно, связана с тем оживлением в исследовании новых земель к востоку от Енисея в 1610—1616 годах, результатом которого явилось открытие мангазейскими людьми пути на реки Пясину и Хатангу, а затем и приведение в ясачный платеж тамошних самоедов и «тунгусов».

В нашем распоряжении нет еще пока прямых указаний письменных источников на какое-либо определенное путешествие русских в это время к востоку от устья реки Пясины — вокруг Таймыра. Но тем большего внимания заслуживает краткое известие Исаака Массы об экспедиции под начальством некоего Луки, снаряженной еще во время смуты, воеводой сибирским, которая нашла

[1] М. П. Алексеев, Цит. соч., стр. 217.

«много различных и редких островов, рек, птиц, диких зверей — все это далеко за Енисеем» [1]. Известие И. Массы о походе Луки относится еще к 1609 году и, следовательно, это замечательное путешествие состоялось до 1610 года.

Может быть, этот Лука, умерший дорогой, и в самом деле тогда проник морем дальше устья Пясины, то-есть севернее тех мест, куда достиг «двинянин Куркин с товарищами» в 1610 году. Во всяком случае русские знали в это время, как свидетельствует ряд источников, не только о реке Пясине, но и о Хатанге. Неоднократные попытки русских мореплавателей пробиться морем на восток от устья Енисея и Пясины имели место и позднее, вплоть до самого конца XVII века. Витзен знал, что было шесть или семь попыток объехать морским путем из реки Енисея вокруг Таймырского полуострова, но смелые мореплаватели каждый раз или погибали, или, встречаясь с массами льда, возвращались домой, ничего не сделав. Последняя такая попытка, о которой слышал Витзен, произошла в 1686 году [2]. Вещественное подтверждение ее обнаружил А. Ф. Миддендорф.

«Ныне я успел, — пишет он, — указать и следы одного из этих предприятий, отыскав в рукописном дневнике Минина заметку о том, как он, под 72° с. ш. (у села Крестовского), посылал людей на берег, чтобы своими глазами видеть крест, поставленный в 1687 году в память судна (кочи), отплывшего к Пясине и пропавшего без вести.

Между тем современник этого памятника неустрашимой предприимчивости, Ремезов, не знал даже названия Таймыра. Напрасно ищешь на его карте реку или озеро этого имени» [3].

Одной из первых после экспедиции Луки подобных попыток достичь морем тех отдаленных мест, с которыми были связаны различные волнующие известия и надежды еще в 1609—1620 годах, и должна была, очевидно, явиться морская поездка, закончившаяся около 1617 года катастрофой у восточного побережья Таймырского полуострова.

---

[1] М. П. Алексеев, Цит. соч., стр. 260.

[2] А. Ф. Миддендорф, Цит. соч., ч. I, стр. 64.
А. Е. Норденшельд, Путешествие вокруг Европы и Азии на пароходе «Вега». СПб., 1881, стр. 259.

[3] А. Ф. Миддендорф, Цит. соч., стр. 64.

Мы не имеем о ней, как и о всех остальных таких путешествиях, сколько-нибудь отчетливых известий только лишь по одной главной причине, в свое время указанной Норденшельдом. «В XVI и XVII столетиях, — справедливо пишет он, — на берегах Белого моря жило много отважных мореплавателей, но среди русских не было Гаклюйта [1], и поэтому имена этих моряков и предания об их путешествиях давно уже забыты, за исключением относившихся к сравнительно позднему времени» [2].

Тем больше и тем важнее для истории русского арктического мореплавания ценность новейших археологических открытий на острове Фаддея и в заливе Симса, раскрывающих историю этого замечательного подвига русских полярных мореходов в начале XVII века, о котором молчат письменные источники.

ДРЕВНЕРУССКАЯ МОРЕХОДНАЯ КУЛЬТУРА В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ НА ТАЙМЫРЕ

Археологические открытия на далеком Таймыре вносят существенные изменения и в обычные представления о тех реальных практических возможностях, которыми располагали древнерусские мореходы, а также об уровне их культуры как общей, так и специальной, морской.

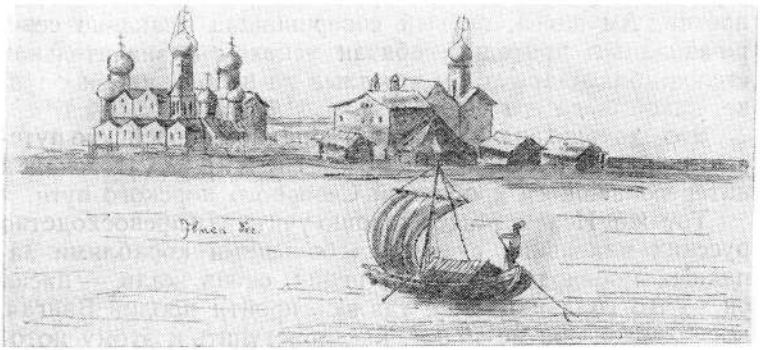
Еще М. В. Ломоносов указывал как на одну из важнейших причин, определявших неудачи прежних попыток пройти северо-восточным морским проходом, на низкий уровень общей и мореходной культуры русских мореплавателей до XVIII века. «Суда употреблялись, — пишет он, — шитые ремнями, снасти ременные, паруса кожаные. Каковы сии орудия против мокроты и стужи!» [3].

Судно, остатки которого найдены на острове Фаддея, действительно вполне соответствует характеристике Ломоносова и является хорошей иллюстрацией к его сло-

[1] Гаклюйт — известный английский историк, собравший документальные данные о древних плаваниях англичан, в том числе и в полярные страны. — *Ред.*

[2] А. Норденшельд, Плавание на «Веге», стр. 303—305, 462.

[3] М. В. Ломоносов, Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в восточную Индию. См. «Проект Ломоносова и экспедиция Чичагова», СПб., 1854, стр. 129. см. также И. Э. Фишер. Сибирская история. СПб., 1774, стр. 204—206, 373, прим. 41.



Русское небольшое судно XVII века.
Из альбома Мейерберга.

вам о древнерусских судах. Оно и в самом деле, как все другие, было сбито деревянными гвоздями, сшито даже не ремнями, а вицами, то есть просто прутьями.

Тем не менее было бы ошибкой полагать, что Ломоносов считал описанные им древние суда совершенно непригодными к мореплаванию. Он только лишь сравнивал их с большими кораблями XVIII века с точки зрения требований, предъявляемых плаваниями по арктическим морям в новых условиях — далеко от берега. Но сам Ломоносов далее настойчиво советовал иметь в арктических плаваниях как раз такие небольшие суда — «в судах требуется, чтобы они были невелики, легки, крепки, поворотливы» [1]. О том, что именно в этих особенностях заключались не только достоинства, но и прямые преимущества русских судов XVI—XVII веков над более крупными иностранными, в полном согласии друг с другом писали впоследствии и такие знатоки истории северного мореплавания, как А. Е. Норденшельд и В. Ю. Визе.

«Суда, употреблявшиеся в то время (XVI век) русскими и финнами, не были плохи в сравнении с судами западных европейцев, — писал Норденшельд, ссылаясь на свидетельство участников экспедиции Баренца. — Скорость их при попутном ветре даже превосходила скорость

[1] М. В. Ломоносов. Цит. соч., стр. 109.

английских судов». Они, как отмечает В. Ю. Визе, «могли проходить у берегов, местами недоступными для иностранных экспедиционных судов с большой осадкой; напротив, Амундсен, первый совершивший плавание северо-западным проходом, обязан успехом в значительной степени благодаря тому, что плыл на небольшой скорлупке, какой была его «Йоа».

Это хорошо знали, кстати, и западно-европейские путешественники, посещавшие Россию в XVI—XVII веках и интересовавшиеся проблемой Северного морского пути.

Тот же Исаак Масса хорошо учитывал превосходство русских маленьких судов над большими кораблями западных мореходов. «Без сомнения, очень жаль, — писал он, — что голландцам не удалось пройти пролив Вайгач, но, конечно, они не знают, как приступить к этому потому, что если они даже сто раз будут пытаться пройти его на кораблях, им это не удастся. Если они хотят тщательно исследовать эти страны, они должны провести два или три года около Печоры и Вайгача, где нет недостатка в хороших гаванях и съестных припасах. А оттуда они должны послать кого-нибудь на маленьких лодках для исследования более отдаленных местностей. По примеру русских, с которыми им следует подружиться, они легко отыщут проводников на суше и на море. Таким образом, в конце концов, все эти берега будут тщательно исследованы»[1].

В свою очередь, Оливер Брюнель, который в конце XVI века ездил по поручению Строгановых на Обь сушей и морем, ободренный опытом русских мореходов уверенно брался провести судно, погруженное товаром, «киль которого не сидел бы слишком глубоко в воде», в гавань св. Николая в России[2].

Но если русские суда в XVI—XVII веках по их небольшой величине и простоте конструкции оказались вполне соответствующими условиям полярных плаваний того времени, то, по общему мнению, этого нельзя все-таки было сказать о мореходных познаниях и специальном мореходном вооружении русских людей того времени.

«Морские походы казаков, — писал В. Г. Богораз, —

---

[1] М. П. Алексеев, Цит. соч., стр. 260—261.
[2] Там же, стр. 179.

Русский коч в изображении тунгусов XVII века.
Писаница, вырезанная на скале вблизи д. Каринга — неподалеку от Верхоленска (на левом берегу р. Лены).

являются почти баснословными. Они шли как слепые, без компаса, без карт, без всякого морского опыта, на неуклюжих кочах, сшитых из грубо отесанных досок древесными корнями и как бы заранее предназначенных для кораблекрушения» [1].

«Уже в первой четверти XVII века, — писал Буцинский, — русские промышленники выплывали из устья Енисея и Лены, плавали по Ледовитому океану, открывали на нем острова и занимались там промыслами. Удивительно в данном случае то, что русские мореплаватели совершали свои плавания по Ледовитому океану без всяких морских карт, даже без компаса и притом на небольших судах, так называемых кочах. «Поговоря с товарищами да помолясь богу, государь, мы поплыли». Куда же и на чем? В Ледовитый океан, и на своих утлых ладьях, — необыкновенная смелость! Ведь достаточно было одной ничтожной льдины, чтобы превратить эти суденышки в щепы» [2].

Известный же сибирский историк Словцов от удивления перед подвигом Дежнева, прошедшего на кочах морской путь протяжением около двух тысяч километров, счел этот поход просто «несостоявшимся».

Даже Оглоблин, тщательно изучивший подлинные архивные материалы о смелых подвигах восточно-сибирских полярных мореходов XVII века, и тот считал, что их вело к успеху одно только слепое счастье, а не мореходный опыт и уменье» [3].

---

[1] В. Г. Богораз, Новые задачи этнографии, стр. 21.
[2] П. П. Буцинский, Цит. соч., стр. 92.
[3] Н. А. Оглоблин, Семен Дежнев (1638—1671). Журнал Мин. нар. просвещ., 1890, ч. 272, стр. 279.

Компасные солнечные часы (о. Фаддея).

Тем неожиданнее с точки зрения таких взглядов, что как на острове Фаддея, так и в заливе Симса в составе снаряжения древнерусских промышленников-мореходов оказались совершенные мореходные приборы: солнечные часы и компас. Промышленники XVII века, вопреки традиционным мнениям об их полном невежестве в сложной науке морского кораблевождения, оказывается, хорошо знали, что такое компас («маточка») и для чего служат морякам солнечные часы.

Повидимому, эти мореходы знали основы штурманского дела своего времени и умели употреблять необходимый для этого специальный инструментарий.

Что так было и на самом деле, подтверждает такой авторитетный свидетель, каким является участник плаваний Баренца — Геррит де-Фер.

12 августа 1597 года Г. де-Фер записал в своем журнале, что они встретили русский корабль, идущий на всех парусах. Желая определить свое местоположение, капитан голландцев поднялся на русский корабль и спросил, далеко ли Кандинес (Канин Нос). Русские в ответ на это выставляли пять пальцев, желая, очевидно, указать, что речь идет о Канином Носе, где имеется пять крестов, а затем, продолжает де-Фер, «они принесли также свой небольшой морской компас и стали показывать, что Кандинес находится к северо-западу от нас; это же самое показывал и наш компас, и мы сделали тот же расчет» [1].

Понятно, что исключительное значение должен был иметь и сам по себе мореходный опыт русских людей XVII века, прекрасно знавших родные места и превосходно приспособившихся к их условиям

[1] Г. де-Фер, Плавания Баренца, стр. 283.

«У поморов в XIX веке сохранилось, кстати и собственное название компаса — «маточка». Так его называли, очевидно, и в XVI—XVII веках (К. Свенске, Новая Земля в географическом, естественно-историческом и промышленном отношениях. СПб., 1866, стр. 47).

Тот же О. Брюнель ставил вторым непременным условием успешного северного плавания, чтобы в его команду были «наняты некие хорошо известные русские, которые в совершенстве говорят на языке самоедов и знакомы с рекой Обью, так как ездили туда из года в год»[1].

Кто эти «некие русские», нам теперь хорошо известно. По словам С. В. Бахрушина, в XVI—XVII веках это были выходцы из поморских городов и уездов, прилегающих к великому Печорскому пути, в первую очередь приморское население восточного Поморья, живущее близ моря или на реках близ их впадения в море: пинежане, мезенцы, кеврольцы, колмогорцы. Из среды последних выходили те «бесстрашные мореходы, ходившие из года в год на морские моржовые промыслы, которые открыли Новую Землю и на своих плоскодонных кустарных кочах не боялись огибать берега Северной Европы и Азии»[2].

Таков упоминаемый в мангазейских делах Мотька Кирилов, который был «по морю староходец и знатец», или пинежанин Микитка Стахеев Мохнатка, которому «морской ход за обычай» и который «морем итти знает», таков и Левка Плехан, пинежанин, который ходил морем в Мангазею еще при царе Борисе, а также постоянно бывал в Мангазее в царствование Михаила Федоровича, или сын его Клементий Плеханов, упоминаемый в 1633 году.

Чтобы надлежащим образом оценить качества этих людей как полярников, достаточно сравнить их с западными мореплавателями того времени, начиная хотя бы со спутников. В. Баренца и Барро.

В то время как чуть ли не каждая страница дневников Г. де-Фера насыщена всякими «полярными ужасами» и, в частности, страхом перед белыми медведями, русские поморы запросто и ловко обходились с этими чудовищами Арктики[3]. Своей смелостью, ловкостью

---

[1] М. П. Алексеев, Цит. соч., стр. 179.

[2] С. В. Бахрушин, Мангазейская морская община в XVII веке.

[3] Г. де-Фер. Плавания Баренца, стр. 53, 107, 124, 129, 137—138, 173, 206.

Спутники Баренца, между прочим, собирались охотиться на моржей, стреляя в них из пушек, что, вероятно, привело бы в изумление наших поморов XVI века, которые бесстрашно промышляли моржа, подчас вооруженные одной лишь рогатиной.

и искусством в охоте на белого медведя они настолько поразили Барро, что это было особо отмечено в описании его путешествия [1].

Именно таких бывалых полярных мореходов, лучших торосовщиков поморских, рекомендовал Чичагову Ломоносов в далекое арктическое плавание. Он советовал брать в Арктику «особливо тех, которые бывали в зимовьях, в заносах, привыкли терпеть стужу и нужду; притом таких иметь, которые мастера ходить на лыжах, бывали на Новой Земле и лавливали зимою белых медведей», а также знали языки «тех народов, которые живут по восточно-северным берегам Сибирским» [2].

Как справедливо указывал в свое время академик С. Ф. Платонов, главным условием для воспитания таких полярных мореплавателей в Поморье были особые условия начала XVI—XVII веков, сложившиеся на севере европейской России.

Поморские области в ходе истории оказались на особенно бойком в экономическом отношении месте, более выгодным, быть может, чем даже некоторые центральные области Московского государства. Здесь развертывались торги с Западной Европой и Сибирью; сюда шел поток драгоценной пушнины и ответный поток зарубежных товаров, развивались соляное дело и разные морские промыслы, в том числе рыболовство и добыча дорогого «рыбьего зуба» — моржовой кости.

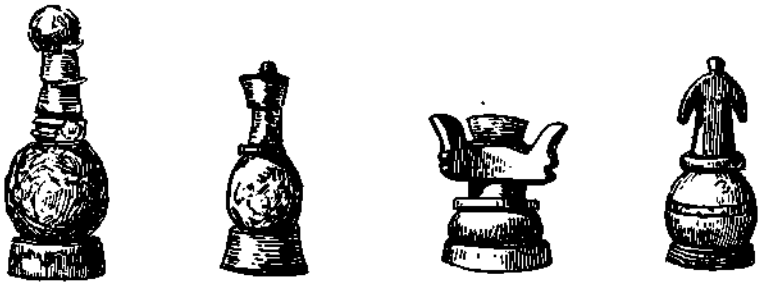
Таким образом, само по себе своеобразно исторически сложившегося хозяйственного уклада жителей русского Севера и общее направление его развития способствовали новым географическим открытиям и росту вольной стихийной колонизации новых пространств и частной инициативы. Вместе с тем складывался их бурный и неукротимый характер, росла неудержимая предприимчивость поморов, которые влекли их вдаль от родных берегов, в неизведанные морские просторы Севера [3]. И никакие опасности на этом трудном морском пути, ни его «немерные погоды», ни «бедность, ни напасть,

---

[1] А. Е. Норденшельд, Плавание на «Вере», т. I, 1936, стр. 256.

[2] М. В. Ломоносов, Краткое описание, стр. 111.

[3] Ср. С. Ф. Платонов, Очерки по истории смуты, стр. 7—8. Его же, Прошлое русского Севера. Очерки по истории колонизации Поморья. Петербург, 1923.



Шахматы (о. Фаддея и залив Симса).

и убойство и смерть от иноземцев, и голод и осквернение — ничто не могло остановить, — по словам С. В. Бахрушина, — бесстрашных мореходов» [1].

Типичными представителями этих потомственных русских мореходов Севера в начале XVII века и были наши неведомые путешественники, заплатившие такой дорогой ценой за достигнутые ими успехи в продвижении морем к восточному побережью Таймыра.

Ценность новых археологических находок в Арктике не ограничивается, впрочем, только тем, что они раскрывают в новом свете героический подвиг и чисто техническую, мореходную, культуру русских XVII века.

Эта замечательная, поистине уникальная коллекция, столь же выразительными штрихами рисует и общую культуру простых русских людей того времени, их интелектуальный уровень. Нельзя не отметить, поэтому, хотя бы еще один факт. Как уже говорилось выше, рукоятки двух ножей, обнаруженных в заливе Симса, покрыты тончайшим резным узором и такими же резными орнаментализованными надписями славянской вязью. Надписи на ножах обнаруживают не только руку искусного резчика, но и уверенность опытного писца — грамотного каллиграфа.

На одном из ножей узор отличается особенной свежестью и не заполнен инкрустацией. На нем видно только несколько отдельных капель олова. Следовательно, надпись и орнамент, украшающие ножи, мастер резал на зимовке, в заливе Симса. Он терпеливо довел резьбу до конца и начал уже заполнять узор расплавленным оловом, но именно в этот момент прекратил свою работу.

[1] С. В. Бахрушин, Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII веках. М., 1928, стр. 120.

В связи с этими надписями на ножах нельзя не вспомнить о старом обычае русских мореходов воздвигать в память спасения от бед благодарственные кресты с надписями. Такой крест, который был «с удивительным искусством украшен русскими письменами», еще в 1594 году поразил голландских мореплавателей на Мединском Завороте полярной Мезени[1]. Надписи эти резал, должно быть, такой же помор-грамотей, как и резчик из залива Симса.

В свое время Ломоносов, развивая мысль о несовершенстве древнего русского мореплавания, вслед за цитированной выше характеристикой судов старинных русских мореходов воскликнул: «Сверх сего был ли кто среди них хотя человек грамотный, не токмо знающий мореплавание?!»

Сейчас мы вправе ответить на его вопрос не отрицательно, как вынуждены были делать в те времена, когда лишь с великим трудом и оговорками приходилось восстанавливать забытую историю русских плаваний в Арктике, а утвердительно. Да, мы можем теперь утверждать, что были среди русских мореплавателей XVI—XVII веков люди грамотные, и не только грамотные, но и достаточно знающие мореплавание!

В связи с этим следует напомнить, что русское Поморье XVII века известно как область, где широко развивалась общерусская церковная и гражданская письменность, а также возникла своеобразная рукописная литература раскольников-старообрядцев, выдвинувших своих местных писателей и даже своего рода философов.

Отнюдь не случайно то, что из черносошного Поморья вышел сам Ломоносов, в характере которого нашли такое яркое выражение отличительные черты северного крестьянина-помора.

После этого не покажется, вероятно, удивительной и другая замечательная находка на острове Фаддея — набор искусно вырезанных из мамонтовой кости шахмат.

Древнерусские полярники, оказывается, готовились провести долгую полярную ночь на самом краю тогдашнего света не в одном только повседневном труде и промысле. Они готовы были заполнить медленно текущие

[1] Н. П. Загоскин, Водные пути и судовое дело в допетровской России. Историко-географическое исследование. Казань, 1909, стр. 163.

ледяные сумерки и ночи глубокого Севера издавна и хорошо знакомым русскому человеку высоким наслаждением шахматной игры. И это были простые русские люди, рядовые промышленники XVII века!

НАХОДКИ НА ТАЙМЫРЕ И ВОПРОС О ПРОГРЕССИВНОЙ РОЛИ РУССКОГО НАРОДА НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ

С находками на острове Фаддея и в заливе Симса связан еще один вопрос первостепенного для истории нашего Севера значения. Он касается не только русских мореплавателей XVI—XVII веков, но и коренного населения северных областей Советского Союза.

Как уже говорилось вначале, многое указывает на некоторую связь находок с туземной культурой Крайнего Севера, и притом на такую связь, которая выходит за пределы простого обмена русских товаров на меха пушных зверей.

Б. О. Долгих с полным знанием дела указывал, например, на то, что сохранившиеся на острове Фаддея сухожильные нитки чужды земледельческой русской культуре, но характерны для племен тайги и тундры.

Еще ярче свидетельствует о такой связи наличие в коллекции предохранительного щитка для пальца обычного арктического типа, который показывает, что в стрельбе из лука люди с острова Фаддея пользовались чисто туземными приемами и приспособлениями. У них были также предметы оленеводческой упряжи (кукарки) и, как будто, части собачьей упряжки. Эти вещи показывают, что наши мореходы умели ездить на оленях и собаках.

Некоторые украшения, в том числе замечательная круглая бляха, по своему общему типу представляющая металлическое зеркало с изображением кентавра (Китовраса), могут быть истолкованы как прямое указание на присутствие среди мореходов туземной женщины.

Следует поэтому принять во внимание тот важный факт, что русские на Севере никогда не отгораживались какой-то непроходимой стеной от коренного населения тайги и тундры, но, напротив, охотно сближались с ним и даже с готовностью воспринимали многие элементы его культурного достояния, оправданные местными

условиями. Такое сближение не ограничивалось простым внешним усвоением тех или иных отдельных черт материальной культуры северных племен, вроде отмеченного щитка для стрельбы из лука.

Еще в половине XVI века многие русские по словам С. Ф. Платонова, знали не только лопарский, но и самоедский язык [1]. А на Ангаре и Енисее уже в 1616 году, впервые столкнувшись с тунгусами, многие русские овладели и тунгусскими наречиями. Таков был, например, уже упоминавшийся выше Филат, который в то время ездил дальше остальных русских в глубь тунгусской земли [2].

В XVIII же веке сержант Попов встретил на Подкаменной Тунгуске русских крестьян-торговцев, тянувших вверх по реке свои лодки с товарами, не только бойко говоривших по-тунгусски, но даже одетых в тунгусские «мукалканы».

Местами же, где немногочисленные русские поселенцы, отрезанные от постоянного общения с метрополией, были окружены более многочисленным коренным населением, стойко сохранявшим свою культуру и бытовой уклад, они через несколько поколений вообще переходили на язык своих соседей. Так произошло на средней Лене — в Якутии, где в 40-х годах XIX века даже у чиновников-старожилов якутский язык, по словам Н. Щукина, «заменял французский».

Наиболее глубоко и всесторонне в этом взаимодействии двух культур отразилось, разумеется, прогрессивное влияние передовой культуры великого русского народа.

Внимательное рассмотрение находок на острове Фаддея и в заливе Симса дает ряд интересных данных для освещения и этой проблемы, данных тем более важных, что они относятся к столь раннему времени.

Первый такой факт — наличие у русских мореходов ножей, рукоятки которых инкрустированы оловянными узорами.

Известно, что такая инкрустация в быту туземцев Сибири уцелела до настоящего времени, как элемент национальной культуры.

Но в таймырской коллекции русское происхождение ножей не вызывает никаких сомнений. Русские мореходы

[1] С. Ф. Платонов, Прошлое русского Севера, стр. 74.
[2] М. П. Алексеев. Цит. соч., стр. 275.

везли с собой также и олово, которое употреблялось для заливки узора. Коренные же жители Таймыра и соседних с ним областей, разумеется, собственного олова не имели. Уже одно это обстоятельство дает право поставить возникновение оловянной инкрустации у народов Крайнего Севера в прямую зависимость от торговых операций русских купцов, при посредстве которых олово стало впервые поступать на Север в сколько-нибудь значительных количествах. Очевидно, до распространения олова не могло быть и оловянной инкрустации!

Ножи, украшенные оловянной инкрустацией, были личной собственностью русских путешественников, а вместе с тем они несомненно являются и самыми древними образцами изделий подобного рода, потому что все остальные этнографические образцы, известные в настоящее время, не старше XIX века, то-есть на двести лет моложе их.

Есть, следовательно, основания считать, что инкрустированные ножи из таймырской коллекции — являются одними из тех исконно русских образцов, которым впоследствии стали широко подражать все остальные жители Севера, воспринявшие русскую моду XVI—XVII столетий.

Не менее ярким примером влияния русской культуры на племена Севера является и один из самых замечательных предметов нашей коллекции — литое бронзовое зеркало, или «медаль», как его называет Б. О. Долгих. Оно заслуживает поэтому особого внимания.

Подобные изделия давно уже встречались в разных местах Сибири. Особенно часто находили их в низовьях Оби, где они обнаруживались в инвентаре старинных могил ненцев (самоедов) и хантэ (обских остяков). В ряде случаев их встречали и в живой этнографической действительности у тех же хантэ и ненцев, у которых они имели важное значение как ритуальные по смыслу принадлежности одежды.

Встречались они также в области распространения тунгусов (эвенков) и ламутов (эвенов), юкагиров, якутов и даже бурят. Не было найдено таких зеркал с изображением кентавров только у приморских племен крайнего северо-востока Азии — чукчей и коряков, да и у амурских племен, где в то время казалось ничего не могло конкурировать с широко распространенными китайскими изделиями. Одним словом все колоссальное пространство тайги и тундры от Магадана на Востоке и до

Зеркало с кентавром. Орнаментированная сторона (о. Фаддея).

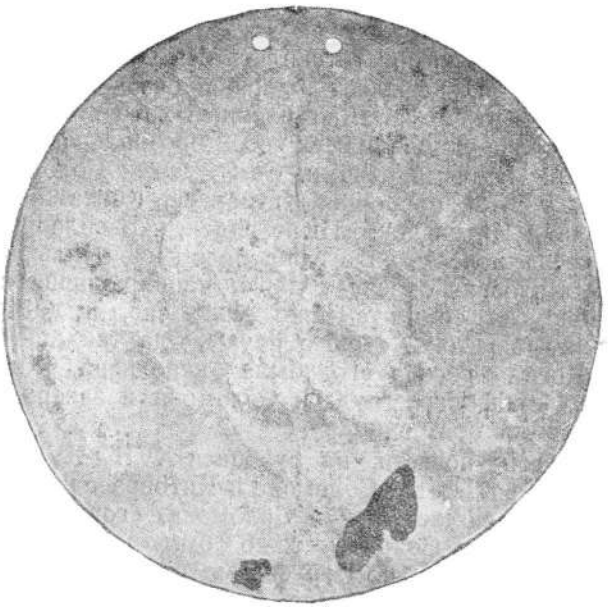
Урала на Западе, от Ледовитого океана и до Байкала, то-есть почти вся Сибирь, — составляет область распространения зеркаловидных блях с кентаврами.

При такой необычайной популярности и широкой распространенности в Сибири этих изделий они, казалось бы, должны были иметь какие-то глубокие корни в туземной почве, в искусстве и культуре сибирских племен и народов.

На самом же деле, здесь наблюдается совершенно иная картина.

Центральный образ кентавра, украшающий зеркало с острова Фаддея, сразу же обнаруживает свое происхождение из того мира несравненно более высокой культуры, откуда шли смелые мореходы, оставившие свое снаряжение на острове Фаддея и в заливе Симса.

Образ кентавра пользовался, как известно, широкой популярностью в мифологии и искусстве классической древности, в Греции, в Риме, на почве которых он, в свою



Зеркало с кентавром. Гладкая сторона
(о. Фаддея).

очередь, был генетически связан с древней культурой Переднего Востока, где в религии и искусстве важное место занимали образы фантастических чудовищ смешанной природы.

Из культурного наследия классической древности вместе с другими персонажами языческой мифологии образ кентавра заимствовало христианское искусство средних веков, и здесь он уже в значительной мере утратил свою былую мифологическую непосредственность и конкретность и обычно имел условное, аллегорическое значение.

На Руси в древности образ кентавра был одним из самых излюбленных в рукописной литературе и устном народном творчестве, где он под именем Китовраса (кентавроса) выступает в сочетании с другим, не менее популярным образом царя Соломона.

В памятниках древнерусской литературы о них говорится, что мудрый царь Соломон, желая отстроить свой

храм так, чтобы камни готовились без употребления железных орудий, посылает боярина своего «лучшаго с отрокы» по Китовраса. Доставленный хитростью к Соломону Китоврас удивляет всех своей прозорливостью и загадочными мудрыми речами. Сам мудрый Соломон убеждается в этом, вопрошая Китовраса. Когда же Соломон молвил Китоврасу: «Ныне видех, яко сила ваша аки человеческа, и несть сила ваша боле нашея силы, яко аз ях тя». Китоврас отвечает царю: «аще хощеши видети силу мою, да соими с мене оуже сие, и даждь ми жюковину (перстень) свою с роукы, да видиши силу мою». Когда просьба его была исполнена, Китоврас «простер крило свое, оудари Соломона и заверже и на конець земля обетованная».

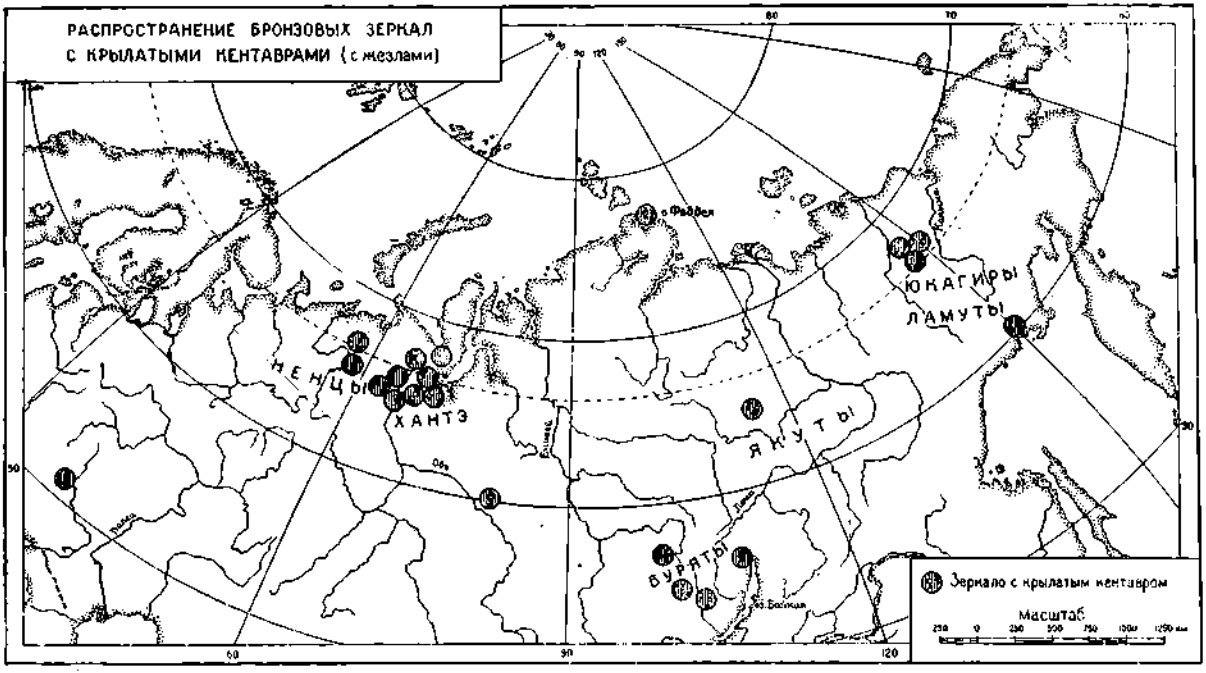
В другой повести, из рукописи XVII—XVIII веков, где снова речь идет о Соломоне и Китоврасе и о том, как последний похищает жену Соломона, говорится, что Китоврас, как и Соломон, тоже был царем подобно Соломону. «Бысть во Иерусалиме царь Соломон, а во граде Лукорье царствуя царь Китоврас; обычай же той имея царь: во дни царствует над людьми, и в нощи обращашеся зверем Китоврасом, и царствует над зверми, а по родству брат царю Соломану».

В дальнейшем посланец Китовраса, волхв, совращает жену Соломона, когда же Соломон является за ней в его царство, нечестивый царь Китоврас велит повесить своего брата царя Соломона. Рассказ кончается победой Соломона, приказавшего повесить Китовраса в красную петлю, его жену в желтую, а волхва в лычную, людей китоврасовых побить, а царство его огнем выпалить.

Бородатый кентавр, изображенный на Васильевских вратах Новгородской Софии, поднявший в одной руке человеческую фигурку в короне, и есть, как полагают, царь Китоврас, готовящийся бросить своего «брата» Соломона на край земли, об этом свидетельствует и надпись: «[Ки]товрас мете братом своим на обетованную землю зр[я?] [1]».

Дом, охваченный пожаром на заднем плане этой сце-

[1] А. Н. Веселовский. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872, стр. 211—224.



Распространение бронзовых зеркал с крылатыми кентаврами (с жезлами).

ны, вероятно, символизирует выжженное Соломоном после наказания Кентавра Китоврасово царство.

Таким образом, кентавр нашего зеркала, бесспорно является Китоврасом русской народной словесности и древней рукописной литературы. Об этом с полной убедительностью свидетельствуют как крылья, так и атрибуты этого существа, указывающие на его царственную природу: корона и жезл[1]. В стилистическом отношении он также полностью входит в число известных нам ранних древнерусских изображений кентавров. Такие изображения известны на различных памятниках древнерусского искусства, начиная с XII века.

Наиболее близки к кентавру фаддеевского зеркала фигуры кентавров на замечательных осветительных приборах типа паникадил — «хоросов» XV—XVI веков из Новгорода и Псковской земли.

Отсюда они, очевидно, и перешли на бронзовые зеркала, прототипы которых возникли еще в XII—XIII веках под влиянием китайских зеркал в Средней Азии.

Общим историческим фоном для этого процесса было расширение на восток границ русского государства и рост культурных связей с Востоком, странами Средней Азии и Ираном в XV—XVI веках.

Искусные русские мастера, художники и литейщики XV—XVII веков, при изготовлении бронзовых зеркал использовали между прочим такую специфически восточную деталь, как ушко на оборотной стороне зеркала, служившее у китайцев вместо ручки для привязывания его к поясу. На этих зеркалах сохранилась также и специфическая тамга на крупе кентавра, заимствованная с древних среднеазиатских и иранских бронз. Внутри этой тамги уцелел даже и образ мифического существа древней иранской мифологии, «собаки — птицы» — сэнмурва.

Русские литейщики, однако, заменили центральную фигуру всадника или чудовища излюбленной на Руси фигурой кентавра-китоврас — героя рукописной литературы и народной словесности, в полной мере проявив при этом высокое композиционное мастерство, яркую живописность трактовки и тонкое художественно-декоративное

[1] Корона на зеркалах с китоврасом типично царская—зубчатая. Жезл — то же.

(см. А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры. Изд. МГУ, 1944, стр. 9, 114—118, 194, 205).

Зеркало китайского типа с фигурой всадника (Иран) VIII—XIV вв.

чутье, характерные для этого этапа в истории русского искусства [1].

Широко используя весь имевшийся в их распоряжении богатый запас декоративных форм и элементов, русские мастера-литейщики создавали совершенно самобытные высокохудожественные произведения.

По живописности, декоративности, а также по композиционному совершенству фаддеевское зеркало, как и все остальные близкие к нему по типу зеркала, отличающиеся растительным узором на фоне и характерной фигурой кентавра, представляют бесспорно более высокую ступень по сравнению с восточными зеркалами.

Особенно искусно справились русские мастера XVII века с трудной задачей разместить в круге фигуру кентавра. Используя опыт своих предшественников, уже вписавших кентавра в круг на хоросах, они блестяще разрешили

[1] В. Н. Перетц. О некоторых основаниях для датировки древнерусского медного литья. Известия ГАИМК, в. 73, 1933, стр. 53.

эту задачу: широко раскрытые крылья кентавра уравновешивают все внутреннее пространство круга; передняя нога коня, гордо поднятая вперед, согнута ровно настолько, насколько требует этого круглое обрамление. Не оставили русские мастера без внимания даже и мелких второстепенных деталей своих зеркал, в том числе их орнамента или каймы. Крестовидно расположенные узоры приобрели, например, в их руках совсем новый характер, они стали пышными и разветвленными — в духе русской орнаментики этого времени.

Внимательно всматриваясь в эти изделия, нельзя не обратить внимания и еще на один принципиально важный момент — на полноту знаний и широкую осведомленность, которая требовалась, чтобы создать такое оригинальное и яркое произведение литейного искусства, как эти зеркала. Изготовлявшие их мастера одинаково хорошо разбирались как во вкусах туземных племен Сибири, так и в законах ваяния. С замечательным мастерством они создавали художественные детали и орнаментальные мотивы своих произведений. Они, следовательно, обладали не только верным художественным чутьем и умелыми руками, но располагали также и необходимой общей культурой.

Какие именно русские художники и где именно впервые выполнили эту работу, — сказать трудно, но ясно, что это были старые древнерусские мастера литейного дела, те самые литейщики, работы которых позднейшая традиция из уважения к старине приписывала легендарным «корсунским» мастерам.

Не исключено, что это были те мастера, чьими руками выполнены Васильевские врата 1336 года и «свеча Великого Новгорода», — безымянные новгородские художники XIII—XIV веков. Кроме уже отмеченной полной тождественности изображений кентавров софийского хороса с изображениями на фаддеевском и других зеркалах, косвенным указанием на это может служить и то обстоятельство, что именно Новгород издавна состоял в тесной связи с Югрой и другими народами азиатского Севера, что именно на русском Севере эти традиции существовали на протяжении веков.

О том, что именно здесь, на Севере России, первоначально должны были выделываться подобные вещи, свидетельствует и относительно позднее известие (XVIII век)

Кентавр из собора в Юрьеве-Польском (резьба по камню), XII в.

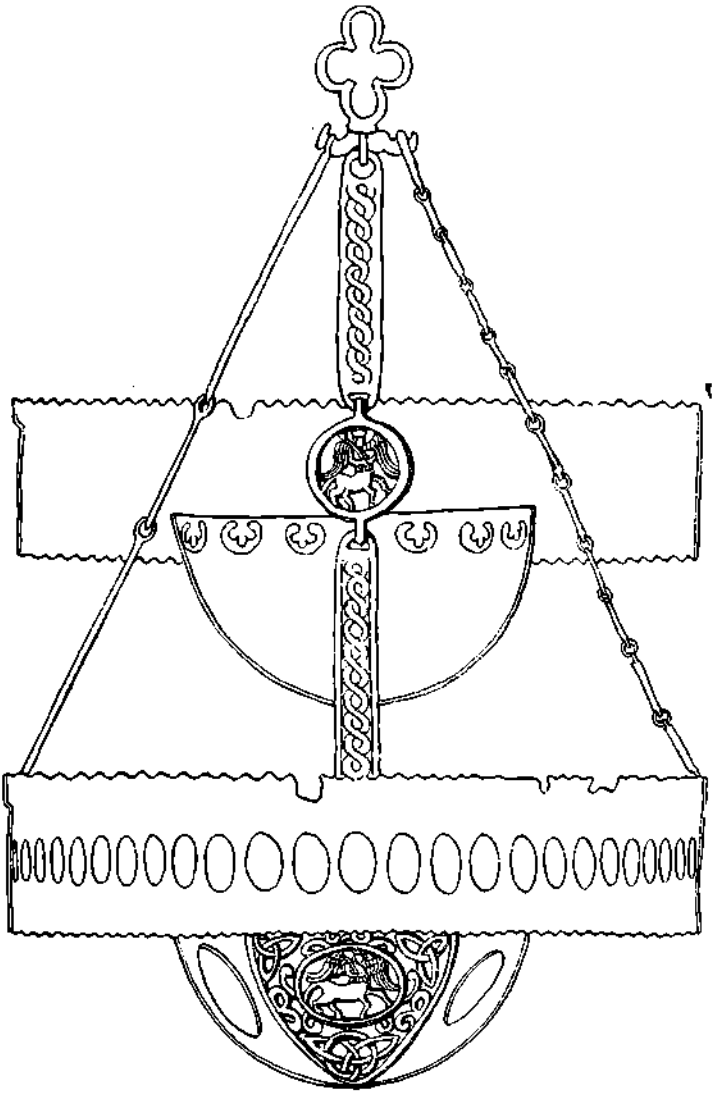
о том, что самоеды подвязывают штаны и сапоги ремешками, застегивая их «медными, из города Архангельска получаемыми пряжками» [1].

Из сказанного следует, что возникновение зеркал «фаддеевского» типа и, во всяком случае, их широкое распространение имели в качестве общей социально-экономической предпосылки развитие экономических, преимущественно торговых, связей русских с северными племенами, следствием чего и было освоение Севера русскими мореплавателями и землепроходцами.

Не случайно поэтому, что самое раннее из числа известных нам датированных зеркал с кентаврами, а вместе с тем одно из наиболее совершенных в художественном отношении изделий этого рода, найденное на острове Фаддея, оказалось в составе инвентаря русской торгово-промысловой экспедиции начала XVII века.

Как показывают более поздние находки, изделия данного типа вполне удовлетворяли тех, на кого они были рассчитаны. Со временем они нашли сбыт не только в северной части Европейской России, не только в западном и восточном Приуралье, но и далеко к востоку от

[1] Кабинет Петра Великого, отделение 2-е, СПб, 1800,г, стр. 187.



Новгородский хорос (паникадило) с изображением кентавра. Вид сбоку.

Новгородский хорос с изображением кентавра.
Вид снизу.

Урала: на Енисее, Ангаре, Лене, даже на Колыме и Чукотском полуострове, у самоедов — ненцев, вогулов-маньси, остяков-хантэ, бурят, якутов, ламутов, юкагиров, одним словом — у всех почти коренных племен Западной и Восточной Сибири. Более того, со временем местные литейщики, «ювелиры» тайги и тундры, даже сами стали отливать по готовым образцам бляхи с кентаврами, размножая их в бесчисленном количестве. Такая широкая их популярность объясняется главным образом тем, что дисковидная форма металлического зеркала ассоциировалась здесь с наиболее распространенным и древним у народов Сибири культовым символом в виде диска, изображающего солнце. Юкагиры так и называли эти бляхи «грудным солнцем».

Бурятские шаманы ценили их наравне со своими священными зеркалами — толи, которые, по их верованиям,

чудесно спускались к ним с неба, как дар светлых небесных божеств.

Изображения кентавра на зеркалах точно так же вполне соответствовали местным верованиям; их повсюду осмысливали по-своему. У бурят это были изображения небожителя — тенгерина; у племен Приуралья — их собственного конного божества солнца — Мир-Суснехума.

В свою очередь, шахматы и фрагменты орнаментированных резных изделий из мамонтовой кости с острова Фаддея дают право вспомнить ту богатую художественную резьбу по кости, основным центром которой на протяжении столетий являлось русское Поморье, и главным образом Холмогоры. Вместе с русской колонизацией Северо-Востока это искусство проникает в Якутию, где оно уже в XVIII веке находит себе вторую родину и до сих пор живет в изделиях якутских мастеров-резчиков.

Об этом свидетельствуют как формы и ассортимент резных костяных изделий якутских мастеров (ларцы, шахматы), так и характер орнамента, в котором преобладают мотивы русской народной орнаментики Севера.

В домашней утвари якутов и других северных племен имеются и другие элементы, которые в силу консервативности быта сохраняют до нашего времени черты древней русской культуры XVI—XVII веков. Таковы, например, старинные якутские топоры с их узким обухом и лезвием, повторяющие тип топоров с острова Фаддея, а также и «алы», то есть своеобразные якутские лодки, ныне совершенно исчезнувшие, но, судя по рисунку Серошевского в его известной монографии «Якуты», в общем повторяющие русские «шитики» глубокой старины.

Отмеченные выводы из области материальной культуры и техники подтверждаются многочисленными примерами из области интеллектуальной культуры якутов, особенно из их языка, где столь же определенно вскрывается четкий пласт заимствований из архаического русского языка XVII века. В якутском языке, например, наряду с многими другими архаическими терминами и выражениями, чуждыми нашей современной речи, уцелело такое древнее, слово как «доведь» (як), «дуобатоиуу (то есть «узор, шахматы») [1].

---

[1] W. Iochelson, The Jakut. N-J., 1933, p. 217.

Рассматривая культуру наиболее северного племени Якутии, обитающего к западу от Лены — долган, исследователи давно заметили в ней некоторые элементы, на первый взгляд противоречащие их аборигенному укладу быта.

Долганы, как известно, по образу жизни являются полубродячими оленеводами, охотниками и рыболовами тундры. Тем не менее они издавна строили свои зимние жилища в виде четырехугольных срубов с печью и нарами-лежанками внутри [1]. Аналогичные постройки были раньше широко распространены среди жителей нижней Лены, во многом этнически близких долганам. Постройки эти настолько сходны со старинными русскими зимовьями, что первая мысль, которая пришла мне в голову при взгляде на жалкие остатки избушки в заливе Симса, была воспоминанием о таких же заброшенных срубах в глухой тайге на Лене, ниже Жиганска, и по впадающим в нее мелким рекам.

С другой стороны, в долганском фольклоре, в отличие от якутского, едва ли не самым популярным героем, как это ни странно на первый взгляд, является русский «пашенный» крестьянин — «пасынпай» — или «сын пашенного» [2].

Государевыми «пашенными» крестьянами в XVII веке назывались государственные крестьяне Сибири, обязанные нести оброк («пятый сноп» и т. д.) или отбывать барщину в царском хозяйстве, подобно помещичьим крестьянам Европейской России.

Такие глубокие остатки старинной русской культуры у долган, может быть, даже еще более сильные, чем у якутов, постоянно имевших дело с русскими, несомненно имеют серьезные основания в их прошлом.

На первом месте следует отметить влияние многочисленных русских промысловых зимовий и целых колоний, рассеянных в старину вдоль берегов Ледовитого моря, в районах, занятых долганскими кочевьями.

Одно из таких зимовий и, может быть, очень близкое по времени к находкам на острове Фаддея, обнаружил известный полярный путешественник Бегичев на острове, названном его именем. Он нашел там железное оружие

[1] А. Миддендорф. Цит. соч., ч. II, стр. 693, рис. на стр. 694.

[2] А. А. Попов, Долганский фольклор. Изд. «Сов. писатель», Л., 1937.

странной формы, типа алебард, а также шахматы из мамонтовой кости и другие вещи [1]. Сюда же по времени следует, вероятно, отнести и старые находки Санникова на Котельном острове [2].

Как могли возникать подобные зимовья, можно судить по преданию, сохраненному известным автором описания Туруханского края П. И. Третьяковым. «Лет за сто тому назад, — пишет Третьяков, — или, может быть, более одно судно, плывшее из Архангельска, было затерто льдом, и команда, которой было немало, выбравшись на берег, осталась тут же на постоянное жительство» [3].

Целый ряд таких зимовий существовал во времена Х. Лаптева в районах, близких к Таймыру, начиная с устья Оленека на востоке и до Туруханска на западе. Лаптев отмечал в своих журналах: «На устье реки Оленека, в зимовьях, живут русские промышленники издавна, семей около 10, которые чрез жен своих соединились многие с новокрещеными якутами, и на их природу и обычаи схожи. Берег от реки Оленека пошел к западу крутой и ровной також безлесной, по которому состоят, меж собою около 30 верст, балаганы маленькие оленекских промышленников, для промыслу песцового и таким состоянием до устья реки Анабары» [4].

На Хатанге, по словам Лаптева, были «коренные зимовья русских и новокрещеных якутов». На Хете — тоже [5]. «По западному берегу Хатангской губы от моря к реке Хатанге, — писал он далее, — состоят зимовья енисейского жителя промышленника Василия Созоновского» [6].

«На устье реки Пясинги жители русские, из г. Туруханска, — продолжает Лаптев, — имеют свои коренные

---

[1] В. Ю. Визе, Три года на острове Бегичева. «Советская Арктика», 1940, № 4, стр. 84.

Устимович. Остров Бегичева. Труды Полярной Комиссии АН СССР, 18, 1932.

(Бегичев). Из записок боцмана Бегичева. «Сибирские огни». Н.-Сиб., 1935, № 2, стр. 154.

В. Попов-Штарк, Полярные находки. Изд. ГУСМП, 1940.

[2] В. Ю. Визе, Моря Советской Арктики, стр. 377.

[3] Третьяков, Туруханский округ, стр. 333.

[4] «Записки Гидрографического департамента», ч. IX, СПб., 1851, стр. 10.

[5] Там же, стр. 39—40.

[6] Там же, стр. 14.

зимовья, около которых в зимнее время промышляют песцов, а иногда и белых медведей, питаются рыбою и дикими гусями»[1]. «От устья реки Пясины к западу» и далее «до заворота земли к югу» тоже имелись «частые зимовья у малых речек, — живут промышленники песцовые»[2].

Следует добавить, что остатки таких зимовий неоднократно отмечались в литературе и различных статьях наших полярников. Исследование их является неотложной задачей.

Существование на протяжении по крайней мере полутора-двух веков прочных и постоянных форпостов русской передовой культуры на берегах самого Ледовитого моря помогает, таким образом, разъяснить указанные выше следы глубокого и вместе с тем раннего русского влияния в культуре долган, выраженного в ее весьма древних и архаических чертах.

Замечательные археологические находки у восточного побережья Таймырского полуострова, как показано выше, ставят и освещают по-новому ряд важнейших принципиальных вопросов прошлого нашего Севера и в особенности относящихся к истории русского полярного мореплавания.

Они впервые показывают в наглядном и отчетливом, вещественно-конкретном виде славные подвиги безыменных русских землепроходцев XVI—XVII веков, о которых А. М. Горький с чувством гордости за наш народ писал:

«Он, народ этот, без помощи государства захватил и присоединил к Москве огромную Сибирь, руками Ермака и понизовой вольницы, беглой от бояр. Он, в лице Дежнева, Крашенинникова, Хабарова и массы других землепроходцев открывал новые места, проливы — на свой счет, за свой страх.

Этим народом сделано много дела, у него есть большая история!»[3].

Вспомнить об этом в связи с находками на острове Фаддея и в заливе Симса тем более уместно, что кичливые иностранные гости нередко клеветнически изобра-

---

[1] Записки Гидрографического департамента, ч. IX. СПб., 1851, стр. 26.

[2] Там же, стр. 29, 47.

[3] «Литературный критик», М., 1938, № 6, стр. 59—60.

жали гостеприимных русских того времени, чьей помощью они так широко пользовались и в море и на суше.

Известное пренебрежение к истории древнего русского полярного мореплавания, к сожалению, отразилось и в русской исторической литературе. Теперь, наконец, благодаря новейшим археологическим открытиям, восстанавливается историческая справедливость, выясняются забытые заслуги безвестных деятелей древнерусского арктического мореплавания.

Не может быть сомнения в том, что советские полярники, под руководством большевистской партии практически осуществившие завещанную Ломоносовым идею Северного морского пути, в полной мере воздадут должное своим далеким предшественникам — «Колумбам России» XVI—XVII веков — и по справедливости оценят их труды и вклад в дело завоевания Арктики.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПЛАВАНИИ РУССКИХ СЕВЕРНЫМ МОРСКИМ ПУТЕМ В XVII ВЕКЕ [1]

Б. О. ДОЛГИХ

I

12 сентября 1940 года на северном острове Фаддея [2] для производства топографических работ был высажен с судна «Норд» отряд Гидрографического управления Севморпути в составе топографа Н. И. Линника, гидрографа А. С. Касьяненко, матроса П. Я. Кирина и моториста Е. В. Истомина.

Северный остров Фаддея небольшой (4,5 кв. километра) и покрыт тундрой с весьма скудной растительностью (на 1 кв. метр приходится не более 15—20 корней мха и растений, похожих на щавель). Поверхность острова ровная. Самое высокое место острова возвышается над уровнем моря на 21 метр. В середине остров пересекается небольшой лощиной, делящей его на две, примерно одинаковые, обособленные возвышенности. Берега острова частью галечные, частью скалистые. У северного берега острова много плавника. С острова хорошо виден берег материка, горы на нем, а также соседние острова: восточный и южный Фаддея и остров Большой из

[1] Перепечатано из сборника «Проблемы Арктики» № 2 за 1943 год. Примечания, сделанные А. П. Окладниковым, отмечены инициалами «А. О.».

[2] Остров Фаддея расположен в море Лаптевых, в 130 километрах юго-восточнее мыса Челюскина, почти у входа в залив Фаддея, в 17—18 километрах от мыса Фаддея.

группы островов «Комсомольской Правды». На острове встречаются песцы, гуси, гаги, чайки и кулики.

14 сентября 1940 года высаженный на острове отряд производил рекогносцировку для ознакомления с его берегами. Когда отряд прошел от своей палатки на западном берегу острова около 2 километров на северо-восток, П. Я. Кирин заметил на узком пространстве земли между разрушенными каменными глыбами и тундрой торчащие из земли медные котлы. Сначала на находку не обратили никакого внимания, предположив, что эти вещи оставлены членами экспедиции Амундсена в 1919 году. Отряд двинулся было дальше, но затем решили вернуться и обследовать находку внимательнее.

Между камнями, около котлов, члены отряда обнаружили топор, ножницы, сковородки, колокольчик и несколько голубых бусин. Эти предметы, необычный и примитивный вид котлов, а также отсутствие консервных банок, характерных для покинутых стоянок современных экспедиций, побудили членов отряда начать систематические поиски на площади радиусом около 2—3 метров, примерно в 10 метрах от берега моря. Таким образом, были еще обнаружены сгнившие меха и кусок выделанной оленьей шкуры.

17 сентября отряд вернулся на судно, где Н. И. Линник и А. С. Касьяненко написали рапорт о находке заместителю начальника Восточно-Таймырской экспедиции т. Сенькювскому Л. И.

«14 сентября 1940 года нами с двумя рабочими Киряным П. и Истоминым Е. во время рекогносцировки и предварительного знакомства с характером рельефа одного из трех островов Фаддея (северный) в западной части острова (см. прилагаемую схему) были обнаружены медные котлы, кастрюли и сковородки разных размеров, беспорядочно разбросанные в 5—10 метрах от берега. Только часть их находилась на поверхности земли, а остальные природными силами или же вмешательством человека наполовину были зарыты галькой и камнями. При расследовании пришлось вывернуть большой камень, так как в этом месте обнаружили сгнившие меха и еще целую выделанную часть шкуры.

Среди находок обнаружили: старые поржавевшие ножницы, наполовине разрушившиеся от ржавчины, вернее остатки от ножниц, колокольчик медный, 2—3 монисты голубые от бус, медную гребенку. Детальному обследованию найденные вещи не подвергали, а потому ограничиваемся только кратким сообщением о находке и прилагаем ориентировочную схему расположения найденного.

Н. Линник
А. Касьяненко»

25/IX/40. г/с «Норд».

26 сентября отряд был снова высажен на остров в другом, несколько увеличенном составе. Перед ним были поставлены следующие задачи: 1) продолжение топографических работ, 2) заготовка моржового мяса для ездовых собак (моржи были особенно многочисленны на восточном острове Фаддея), 3) дальнейшее обследование места находки.

В тот же день, 26 сентября 1940 года, вторично было осмотрено место находки и были собраны все остальные предметы, доставленные впоследствии в музей Арктики, как найденные на острове Фаддея. Обстоятельства и порядок раскопок описываются в нижеприводимом рапорте:

«1940 г., сентября месяца, 26 дня.

Сего числа по Вашему распоряжению вторично пошли на обследование исторической находки на северном острове Фаддея. Кроме нас двух, при этом присутствовали старпом г/с «Норд» Высоцкий Л. А., завхоз этого судна Кузьмин П. Н., геодезист вверенного Вам отряда Ступак В. П. и рабочий Безбородов Е. В.

Придя на место и внимательно осмотрев его, приступили к обследованию. По нашему предположению, здесь была сделана человеческими руками невысокая насыпь из мелкой гальки, сверху прикрытая большими камнями, которые легко отделились друг от друга.

Выбрали небольшой участок — вся насыпь была размерами по радиусу 2—3 метра — и стали раскапывать и выбирать камни, тщательно снимая слой гальки и стараясь не смешивать ее с раскапываемыми вещами. Первыми извлекли медные изогнутые пластинки, затем оловянные тарелочки, дальше в сгнившем меху стали попадаться монеты, не круглой формы, а в виде эллипсиса, в 1 сантиметр длиной. Дальше стали попадаться мелкие безделушки (украшения): серьги, перстни, нательные кресты, бусы голубые разной величины, в том числе две штуки янтарные. На расстоянии 1 метра от добытых вещей разрыли пищаль (огнестрельное оружие); ложе настолько сгнило, что трудно было его сохранить совместно со стволом и дулом, которое было переломлено на середине и перегнуто.

Дальше раскапывать не стали и ограничились добытым, решив при этом, что весь участок подлежит детальному обследованию специалистами этого дела, так как по своей неопытности мы могли бы неправильно произвести всю раскопку. Совсем на поверхности земли или же частично зарытые природой или человеческими руками в разных местах были разбросаны медные котлы, миски, сковороды — из другого неизвестного нам металла. Все зарытые вещи, в том числе пищаль, уложены, очевидно, наскоро, а поэтому беспорядочно. Лишь сгнившие меха и более ценные вещи, очевидно, были прикрыты или закиданы досками и кусками бревен, так как по всему участку встречаются сгнившие, превратившиеся в труху куски дерева.

Ограничившись расколанными вещами, разрытое место прикрыли камнями, а ближе к берегу поставили гурий конической формы вышиной в 1 метр.

Место находки, как выше упоминалось, находится на северном острове Фаддея, в северо-западной его части, на выдающемся в море мысе, в 5—10 метрах от берега. Берег скалистый, а место находки над уровнем моря имеет высоту 5—6 метров. Во время сильного шторма возможно, что волны доходили до этого места, но только концом языка слизывали мелкую гальку и, безусловно, не тронули больших камней, о чем говорит до сих пор сохранившаяся насыпь над спрятанным имуществом.

Место находки отмечено гурием, а план и кроки приложены к рапорту.

Гидрограф А. Касьяненко,
Ст. топограф Н. Линник».

Впоследствии Н. И. Линник счел возможным сообщить следующие дополнительные подробности к написанному в рапортах. Котлы и первый найденный топор находились на поверхности между скалами и тундрой, в 8—10 метрах от берега моря. Искусственно сделанная насыпь, закрывавшая собой главную массу вещей, находилась несколько ближе к берегу, метрах в 5—8 от моря и метрах в 2—3 от котлов. Насыпь, радиусом в 2—3 метра, была раскопана лишь частью, радиусом около 1 метра. Кроме того, на расстоянии 1 метра от этой выемки была поднята одна из плит, закрывавших насыпь, под которой было найдено ружье. Ствол ружья был изогнут приблизительно на 130°, пользоваться им, разумеется, нельзя было, и, очевидно, поэтому оно и было оставлено на острове. Выемка при раскопке вещей была сделана глубиной не более 0,5 метра. Сама насыпь, в которой находились вещи, была высотой не более 0,5 метра. Таким образом, можно предполагать, что вещи были просто сложены на поверхности земли, завалены галькой и сверху еще прикрыты каменными плитами. Куски меха, среди которых были найдены монеты и бусы, были размером от 10 × 10 до 20 × 20 сантиметров и представляли гнилые неправильной формы обрывки. В общей сложности они могли составить 1—2 собачьи шкуры. Так как мех сильно сгнил, невозможно было различить, какие это части шкур.

После того как вещи были извлечены из выемки в насыпи, ее опять завалили и прикрыли плитой. На следующий день, 27 сентября, отряд занимался на острове своей основной работой по топографии, а 28 сентября

вернулся на судно. 29 сентября был составлен акт, содержавший в себе опись найденных на острове Фаддея вещей[1].

Вскоре судно «Норд» стало на зимовку около мыса Фаддея.

В марте 1941 года возобновились работы экспедиции по основным заданиям. Во второй половине апреля 1941 года Н. И. Линник, матрос И. Г. Малыгин и каюр Л. П. Рыкалов были направлены на побережье материка для заготовки дров. Здесь, на берегу залива Симса, в 70 километрах от мыса Фаддея (места зимовки «Норда»), они нашли остатки избушки. От нее сохранилось три венца; размеры ее около 2 × 2 метра. Избушка стояла на возвышении, насыпанном из береговой гальки, метрах в 40 от берега залива. Вход в нее был с востока, то-есть со стороны, противоположной заливу. В избушке, налево от входа, двумя бревнами, положенными одно на другое, было отгорожено пространство шириной в 60—70 сантиметров. Сразу направо от входа стояла печь, сделанная из каменных плит. По нашему предположению, эта галька толстым слоем лежала на потолке избушки, сделанном, как и вся она, из плавника, и когда потолок обвалился, галькой была засыпана вся внутренность избушки. К сожалению, никаких других данных о конструктивных особенностях этой избушки получить

---

[1] Впоследствии, когда проверялось наличие вещей по этому акту, выяснилось, что в него вписано далеко не все, что было доставлено в музей Арктики как найденное на острове Фаддея. С другой стороны, некоторых вещей, записанных в этом акте, не оказалось налицо. Из пяти числящихся по акту топоров не оказалось четырех, из восьми медных «котлов, сковород и мисок» не оказалось трех. Не оказалось и числящейся в акте, а также упоминаемой в рапорте Н. И. Линника и А. С. Касьяненко от 25 сентября 1940 года медной гребенки. Относительно медных «котлов, сковород и мисок» на акте от 29 сентября 1940 года есть пометка Л. И. Сеньковского, что они сданы на ледокольный пароход «Сибиряков». С «Сибирякова», по сообщению Л. И. Сеньковского, котлы были сданы в Архангельске в утиль.

Возможно, что котлов и другой медной посуды было найдено даже больше восьми штук. В составленной Н. И. Линником 11 ноября 1940 года на т/с «Норд» описи предметов находки на острове Фаддея, находящихся в бочке (забитых досками), числится 8 котлов и 1 сковорода. Следовательно, в утиль ушло 4 котла, так как 1 сковорода, 2 котла и 2 тазика (миски) были доставлены в музей Арктики.

не удалось, так как отрядом Н. И. Линника она была разобрана на дрова.

В конце апреля отряд Н. И. Линника, заготовивший необходимое количество топлива, покинул район избушки. Так как сама избушка и окружающая ее местность были покрыты еще толстым слоем снега и мерзлая почва была тверда, как камень, то никаких поисков и раскопок отряд Линника не делал. Было решено обследовать это место летом во время выполнения топографических работ.

30 июня 1941 года к месту, где стояла избушка, прибыли два топографических отряда — Н. И. Линника и А. С. Касьяненко. В отряд Н. И. Линника входили, помимо его самого, матросы И. Г. Малыгин, Е. В. Безбородов и П. Я. Кирин, в отряд А. С. Касьяненко — моторист Ф. В. Саблуков и еще три человека.

Утомленные пешим переходом и промокшие, участники экспедиции расположились лагерем в 200 метрах к северу от места, где стояла избушка, и начали сушить одежду и готовить пищу. Но обилие дичи (водоплавающей птицы) привлекло внимание охотников, и два человека, забыв про усталость, отправились на охоту. Один из них, моторист Ф. В. Саблуков, случайно пошел в том направлении, где стояла избушка, и тут, около входа в нее, заметил лежащие на земле котлы, аналогичные котлам, найденным на острове Фаддея.

При раскопке здесь оказались, как и на острове Фаддея, серебряные монеты, бусы, кресты, перстни, колокольчики и т. п. Кроме того, здесь были найдены компас, солнечные часы, огниво с кремнем и трутом и другие бытовые предметы.

1 июля 1941 года отряд А. С. Касьяненко отправился дальше по намеченному для него маршруту — на острова Вилькицкого. После его ухода раскопки продолжались членами отряда Н. И. Линника. В акте, датированном 2 июля и подписанном Н. И. Линником, И. Г. Малыгиным, Е. О. Безбородовым и П. Я. Киринym, была дана опись всего найденного. Но некоторые вещи, очевидно, найденные после 2 июля, не попали в акт и были обнаружены лишь впоследствии, при обработке коллекции в музее Арктики.

12 июля отряд Н. И. Линника закончил свои топографические работы близ места, где стояла избушка, и, вы-

полняя намеченный для него маршрут, перешел на полуостров Ласиниуса (на западный берег залива Симса), и больше в район избушки никто не возвращался.

Как уже сказано, избушка находилась на восточном берегу залива Симса, у самого входа в залив, на расстоянии около 100 километров от мыса Челюскина, на юго-восток от него и примерно в 60 километрах на запад от северного острова Фаддея, где была сделана первая находка. В залив впадает несколько маленьких речек, одна из которых протекает в 20 метрах от места, где стояла избушка.

Берег Таймыра здесь галечный, низкий. Ширина галечной полосы между линией берега и тундрой около 100 метров. Тундра возвышается над уровнем моря метров на 10. Сама тундра ровная, слегка заболоченная. Растительность — такая же скудная, как и на острове Фаддея. На юге и юго-западе вдали виднеются горы. На берегу около избушки (и вообще по берегам залива Симса) много плавника. Из животных в 1940—1941 годах встречались в большом количестве белые медведи и зайцы. Летом в тундре появлялись небольшие табуны диких северных оленей. Из птиц летом было много гусей, гаг и чаек.

Большая часть находок была сделана в избушке — в уже упоминавшемся месте, отгороженном двумя бревнами. Кроме вещей, доставленных в музей Арктики (которые будут перечислены ниже), здесь было найдено еще следующее:

1. Полозья изломанные шириной около 7 сантиметров. Один полоз длиной около 1 метра, другой — около 1,2—1,3 метра. По внешнему виду эти полозья напоминали лыжи, но в них были пазы для копыльев. Полозья лежали в 1—1,5 метра от входа в избушку и там оставлены.

2. Три медных котла, замеченные Ф. В. Саблуковым около входа в избушку, совершенно одинаковые с котлами, найденными на острове Фаддея. Они остались на берегу залива Симса, на месте палатки экспедиции, в 200 метрах к северу от места, где стояла избушка. Котлы не были вывезены потому, что собаки отряда Н. И. Линника были очень истощены и на берегу залива пришлось оставить даже часть экспедиционного имущества.

3. Мерзлый комок из перьев и пуха, найденный в упомянутом выше отгороженном месте избушки. Он был изрублен на куски топорами при раскопках. Возможно, что это была подушка.

4. Помимо вещей, на берегу залива Симса оказались кости людей и животных. Так, на расстоянии 1—1,5 метра от входа в избушку были найдены две черепные крышки людей. Вероятно, их вытащили из избушки хищные звери, так как в самой избушке также оказались человеческие кости, хотя и в небольшом количестве. В отгороженной части избушки, налево от входа, вместе с мерзлым комком перьев и пуха был найден обломок верхней челюсти с зубами.

Кости животных лежали в беспорядке, главным образом в свободном пространстве за печкой, правее перегородки. Кости эти мелкие и, по предположению Н. И. Линника, принадлежали песцам, которыми питались погибшие обитатели избушки.

Таковы обстоятельства, при которых были обнаружены находки на восточном берегу залива Симса. Поскольку письменных документов о работе по раскопкам на берегу залива Симса, за исключением акта описи от 2 июля 1941 года, не имеется, то настоящее описание основывается на устных сообщениях Н. И. Линника. По его утверждению, на берегу залива Симса собрано все, что было, и сейчас на том месте, где стояла избушка, остались лишь упоминавшиеся выше остатки саней и три медных котла.

II

Осенью 1941 года вещи, найденные на северном острове Фаддея и восточном берегу залива Симса, были доставлены в музей Арктики, находящийся по обстоятельствам военного времени в Красноярске. В начале 1942 года вещи были подвергнуты обработке и предварительному изучению.

Наиболее многочисленную группу предметов составили серебряные монеты. Все они неправильной овальной формы, около сантиметра в длину. На одной стороне у них изображен всадник с копьем (или, реже, с мечом), поражающий дракона [1]. На обороте — надпись с именем

[1] Изображение Георгия Победоносца, представлявшее герб Московского княжества. Иногда это изображение всадника истолковывается как образ самого великого князя Московского. Мо-

царя. За исключением некоторого количества стертых или дефектных монет, которые отнесены в рубрику «неопределенные», монеты из обеих находок распределяются по царствованиям следующим образом:

Цари и годы их царствования	Находка на острове Фаддея		Находка на берегу залива Симса		Всего		
	Количество монет	%	Количество монет	%	Количество монет	%	Монет на 1 год царствования каждого царя
Иван III (1462—1505)	1	0,1	—	—	1	—	—
Иван IV Грозный (1533—1584)	437	32,3	668	33,9	1105	33,2	21,7
Федор Иванович (1584—1598)	256	18,9	385	19,6	641	19,3	45,8
Борис Годунов (1598—1605)	385	28,5	492	24,9	877	26,4	125,1
Лжедмитрий (1605—1606)	48	3,6	86	4,4	134	4,0	134,0
Василий Шуйский (1606—1610)	139	10,3	189	9,6	328	9,9	82,0
Михаил Романов (1613—1645)	66	4,8	95	4,8	161	4,9	5,0
Не определенные	21	1,5	56	2,8	77	2,3	—
Всего . .	1353	100,0	19 1	100,0	34	100,0	324

неты с копьем являются копейками, а монеты с мечом, видимо, полкопейками («деньгами»).

По царствованиям монеты распределены согласно надписям на них. На монете, отнесенной нами к царствованию Ивана III, имеется надпись «Осп дар ея р» (то-есть «осподарь всея Руси»). На другой ее стороне, около изображения всадника, размахивающего мечом, можно прочесть: «льевич кнз». На монетах Ивана Грозного отчество царя нигде не указано. Не могла эта монета принадлежать отцу Ивана Грозного — Василию III, так как отчество последнего было «Иванович». Остается предположить, что это монета Ивана III, отчество которого было «Васильевич». От других монет обеих находок эта монета резко отличается очень крупным шрифтом надписи, расположением имени царя на одной стороне с изображением всадника, а также своими размерами — это самая крупная из монет с всадником, держащим вместо обычного копья меч [1].

На монетах Ивана Грозного надписи следующие: «Князь Великий Иван всея Руси», «Великий князь Иван всея Руси», «Царь и великий князь Иван всея Руси».

Часть монет Ивана Грозного имеет изображение всадника с копьем, другая (меньшая) — с мечом. Монеты, на которых изображен всадник с мечом, вообще меньше остальных. Исключение составляет описанная выше монета Ивана III. В находке на острове Фаддея оказалось 69 монет, в находке на берегу залива Симса—71 монета принадлежащие, несомненно, к царствованию Ивана Грозного. Эти монеты имеют надпись: «Князь великий государь всея Руси», то-есть не содержат имени царя. На некоторых монетах обозначены монетные дворы или имена мастеров («Москва», «ПС», «ГР», «ФС» и т. д.).

Монеты царя Федора Ивановича имеют надписи: «Князь великий Федор всея Руси» и «Царь и великий князь Федор Иванович всея Руси». Часть монет Федора Ивановича также имеет изображение всадника не с копьем, а с мечом. Этих монет меньше и сами они меньшего размера.

На монетах Бориса Годунова надпись: «Царь и великий князь Борис Феодорович всея Руси». На монетах Лжедмитрия написано: «Царь и великий князь Дмитрей Иванович всея Руси». На монетах Василия Шуйского

[1] Монета, отнесенная Б. О. Долгих ко времени царствования Ивана III, была впоследствии утрачена и в позднейший анализ Г. И. Спасского не попала. — *Ред.*

надпись: «Царь и великий князь Василей Иванович всея Руси». На монетах Владислава надпись гласит: «Царь и великий князь Владислав Жигимонтович всея Руси». На монетах Михаила Романова написано: «Царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси».

Что касается монет со стертыми и неразборчивыми надписями, то большинство из них относится, повидимому, к царствованиям Ивана Грозного и Федора Ивановича. На некоторых монетах поперек одной надписи вычеканена другая, что затрудняет чтение.

Из приведенной выше таблицы вытекают два вывода:

1. Монеты в обеих находках относятся к одним и тем же царствованиям, причем монеты разных царствований находятся примерно в одинаковых соотношениях. Естественно предположить, что обе находки принадлежали одной и той же группе лиц, которые в силу каких-то обстоятельств оставили одну часть вещей на северном острове Фаддея, а другую — на восточном берегу залива Симса, где двое из этих людей погибли.

2. Исходя из того, что самыми последними по времени являются монеты Михаила Романова, можно утверждать, что путешествие лиц, оставивших свои вещи на острове Фаддея и берегу залива Симса, происходило в царствование именно этого царя. Незначительность количества монет Михаила Романова как по отношению к общему количеству монет, так и по сравнению с продолжительностью царствования этого царя заставляет с большой долей вероятности утверждать, что путешествие началось в первые годы царствования Михаила Романова, вероятнее всего около 1620 года [1].

Приводим список всего найденного на острове Фаддея и на берегу залива Симса и доставленного в музей Арктики (см. стр. 128—135). При этом отметим, что железо сильно поржавело, медь покрыта патиной, дерево в значительной степени истлело.

Среди перечисленных вещей есть предметы, встречающиеся в обеих находках — с острова Фаддея и с берега залива Симса. Сюда относятся монеты, ложки, бусы

[1] В настоящее время уникальная коллекция монет с о. Фаддея и из залива Симса исчерпывающе изучена известным нумизматом Г. И. Спасским, который установил, что собирание этих монет было закончено их владельцами около 1617 года. См. выше статью А. П. Окладникова, стр. 8—9. — *Ред.*

С П И С О К

№ п/п	Наименование предмета	Количество	
		с острова Фаддея	с берега залива Симса
1	Куски сукна от одежды красного, зеленого, желтого, темносинего, темнозеленого и светлозеленого цвета, длиной от 18 до 42 см, шириной от 0,5 до 22 см	—	13
2	Ножи с ручками и без них; длина лезвий 13—14 см, рукоятей 10—11 см	1	7
3	Ножны от ножей кожаные, длиной в среднем около 25 см	—	5
4	Бусы голубые стеклянные, круглые, разной величины, диаметрами 0,5, 0,7 и 0,9 мм	167	403
5	Колокольчики медные разной величины, диаметром 4—6 см, высотой 3—5 см	3	1
6	Гребешки роговые, двухсторонние, частые, длиной 6,5—9,0 см, шириной 5—6 см	—	4
7	Кусочек серы горючей светло-желтого цвета	—	1
8	Клочки темнокорпчневого меха, повидимому, собачьего	1 комок	1 комок
9	Черепные крышки людей	—	2
10	Часть верхней челюсти человека с двумя коренными зубами	—	1
11	Стамеска полукруглая, длиной 15,5 см	—	1
12	Куски черной юфтовой кожи, в том числе одна полоска со швом. Размеры: 23×13, 40×22, 36×23 и т. д., видимо заготовленные для ремонта обуви	5	1
13	Створки деревянные от иконок-складней, длиной 5—6 см, шириной 4,8—6,0 см. Каких-либо изображений на них не сохранилось .	—	5
14	Медные однотипные кольца-перстни диаметром 1,8—2,0 см . .	—	18
15	Серебряные перстни разных типов	2	1
16	Медное кольцо-перстень диаметром 1,9 см, с голубой бусинкой в оправе	—	1

Продолжение

№ п/п.	Наименование предмета	Количество	
		с острова Фаддея	с берега залива Снмса
17	Бусы серебряные. золоченые, орнаментированные, в поперечнике около 0,9 см	1	2
18	Бусы стеклянные, удлиненной формы, темнокоричневого (янтарного) цвета, длиной 1.3 см, в поперечнике 1,0 см	2	1
19	Костяная прямоугольная пластинка с двумя отверстиями, орнаментированная. Размеры ее 4,3×2,1 см	—	1
20	Компас медный, распавшийся на свои составные части: обвод от коробки, дно коробки со шпеньком для стрелки, солнечные часы на медном круге и пластинка неизвестного назначения. Диаметр компаса по дну 4 см, высота 1,9 см. При компасе шерстяной шнурок (обрывок) . . .	—	1/4
21	Картушки бумажные от компаса с латинскими буквами, обозначающими страны света. Диаметр 2,8 и 3,4 см	—	2
22	Кресты нательные серебряные, размером 7×4,8; 4×2,6 см	1	2
23	Кресты нательные медные, размером 2,2×1,8; 3,2×2,6; 4,2×3,3; 6×5; 4,2×3,3 и 3,2×2,6 см	2	4
24	Кортик морской с костяной ручкой в оправленных медью ножнах из кожи. Длина лезвия. 16 см, длина ручки 9,5 см, длина ножен 22,5 см	—	1
25	Бумажка, находившаяся в ножнах кортика и представляющая обрывок документа, от которого уцелело лишь заглавие „Жалованная грамота". Ширина листочка 4,6 см	—	1
26	Наконечник копья или гарпуна, длиной 9 см	—	1
27	Поясок, сплетенный из шелковой тесьмы красного цвета, длиной 183 см	—	1

Продолжение

№ п/п	Наименование предмета	Количество	
		с острова Фаддея	с берега залива Симса
28	Топоры без рукоятей, длиной от передней части обуха до конца лезвия 14,5 и 14,8 см	1	1
29	Головки кожаной обуви от двух разных пар	—	2
30	Струг с двумя ручками для тесания дерева, сдирания коры и т. п.	—	
31	Солнечные часы в деревянных футлярах с арабскими цифрами на циферблате. Размеры коробочек футляров: 1) длина 3,4 см, ширина 2,5 см, высота 1,2 см; 2) длина 3,3 см, ширина 2,3 см, высота 0,8 см	—	2
32	Ключ от замка длиной 5 см . . .	—	1
33	Замок висячий в виде гири . . .	1	—
34	Сумка кожаная типа бумажника для шил, длиной в развернутом виде 30 см, шириной 14 см	—	1
35	Шилья сапожные (одно без острия); длина острия до ручки 4,9 и 7,7 см, длина ручек 9,0, 6,8 и 9,2 см	—	3
36	Деревянная коробочка с иглами, размером 6,7×2,6 см; средняя длина игл 4,5 см	—	1
37	Сумка из ткани с двумя пачками игл в ней. К сумке пришиты шнурки для ношения ее на шее. В каждой пачке по 12 игл	—	1/2
38	Клубок суровых ниток, диаметром около 3,5 см	—	1
39	Медная изогнутая и помятая трубка неизвестного назначения, длиной 13 см, диаметром 1,1—1,2 см	—	1
40	Копьевидный наконечник для стрелы к луку-самострелу, длиной 8,5 см	—	1
41	Ложка-поварежка с отломанной ручкой, диаметром около 10,5 см .	—	—
42	Разные железки, длиной от 4 до 13 см, частью, возможно, из		

Продолжение

№ п/п	Наименование предмета	Количество	
		с острова Фаддея	с берега залива Симса
	механизмов ружей, частью заготовок для разных поделок	27	1
43	Шелковые нитки (спутанный комок) красноватого цвета	—	1
44	Медные пластинки с суконной подкладкой на левую руку для предохранения ее от удара стрелы при стрельбе из лука, длиной 11 и 10 см, шириной 6,0 и 4,5 см .	1	1
45	Куски оленьей шкуры, выделанные. К одному из них (с острова Фаддея) привязана железная гирька. Размеры кусков 30×16 см . .	1	1
46	Сумка суконная, типа бумажника, с огнивом, кремнем в нижнем кармане и трутом в верхнем. Длина сумки в развернутом виде 21 см, ширина 9,5 см. Сумка складывается втрое. Орнаментирована черными треугольниками с красными узорами	—	1/4
47	Массивная медаль низкопробного серебра с изображением на ней крылатого центавра[1]. Диаметр медали 11 см, толщина 0,4 см . .	1	—
48	Медные инкрустированные оловом пластинки прямоугольной формы, слегка изогнутые, размером 18,2×2,9 см	13	—
49	Куски свинца общим весом 970 г	4	
50	Оловянные тарелки, диаметром 16 см, весом 180—190 г каждая. На них фабричная марка ZVOL . .	3	—
51	Коровий или бычий рог для пороха	1	—
52	Кожаный пояс с мелкой пряжкой и костяной скобкой для засовывания в нее топора. Длина пояса 115 см	1	—
53	Безмен, состоящий из медного набалдашника весом 535 г и мед-		

[1] Речь здесь и ниже идет о литом бронзовом украшении типа зеркала. См. выше, стр. 101—112. — *Ред.*

Продолжение

№ п/п	Наименование предмета	Количество	
		с острова Фаддея	с берега залива Симса
	ной трубки с делениями, надеваемых на деревянный стержень, и медного же приспособления, в которое вставляется стержень безмена при употреблении	1	—
54	Трубки-игольники из листовой меди, длиной 7,5—13,5 см, диаметром 0,6—0,8 см, с пропущенными сквозь них ремешками	16	—
55	Медаль медная тонкая, диаметром 4,5 см	1	—
56	Кольца медные, диаметром 2,3,— 3,5, 5,0 см	8	—
57	Серьги с подвесками из низкопробного серебра	3	—
58	Бисер белый и черный, нанизанный прядками на медные проволочки. На одной проволочке (прядке) 170—190 бисеринок в последовательности: одна белая—две черных, одна белая—две черных и т. д.; длина пряди 25—30 см	7	—
59	Пряжка медная от пояса или погона сумки	1	—
60	Пуговицы от одежды круглые, оплетенные позеленевшими нитями медной проволоки, диаметром 1 см	3	—
61	Пули свинцовые круглые диаметром 1,0—1,2 см	94	—
62	Картечь свинцовая, диаметром 0,6 см	7	—
63	Орнаментированные трубочки из низкопробного серебра, насаженные в количестве 6—10 штук на медные проволочки; длина каждой проволочки 1 см	4	—
64	Витая медная проволока, сложенная в 4 ряда и скрученная, длиной 13,5 см	1	—
65	Долото стальное, длиной 23,4 см	1	—

Продолжение

№ п/п	Наименование предмета	Количество	
		с острова Фаддея	с берега залива Симса
66	Замки от кремневых ружей (упоминаемый в акте от 29 сентября 1940 года ствол ружья в музей Арктики доставлен не был). Вес одного замка, более целого, 390 г	2	—
67	Ножницы железные больших размеров. Концы их обломаны. Длина лучше сохранившихся ножниц 21 см	2	—
68	Котел медный	1	—
68а	Котел медный	1	—
69	Таз медный	1	—
69а	Таз медный	1	—
70	Кастрюля медная, типа глубокой сковороды, с короткой ручкой, помятая и сплющенная. Диаметр дна около 13 см, высота 6 см, вес 0,4 кг	1	—
71	Медная подвеска в виде колеса, диаметром 4,8 см	1	—
72	Наконечник мотыги железный, длиной 15 см	1	—
73	Цепь железная из 12 звеньев, длиной около 60 см	1	—
74	Скобы-пробойники, длиной 16 5 см	2	—
75	Железный инструмент с изогнутым лезвием, напоминающий нож, для выделки деревянных ложек, длиной 17,5 см	1	—
76	Гвоздь железный от судна, длиной 6 см (конец обломан), диаметр шляпки 3,5 см	1	—
77	Массивный железный круг, длиной 9,5 см	1	—
78	„Кукарки" (деталь от упряжки передового оленя), медная и железная, длиной 18 и 19 см	2	—
79	Пулелейки железные, длина с ручкой 14,5 и 10,5 см	2	—
80	Медная орнаментированная ручка от ящика или чего-нибудь подобного, длиной 13 см	1	—

Продолжение

№ п/п	Наименование предмета	Количество	
		с острова Фаддея	с берега залива Симса
81	Блок от судовых снастей, железный, диаметром 5,6 см	1	—
82	Обломок рыболовного крючка; длина острия до зарубки 1,2 см . .	1	—
83	Медные щипчики для выщипывания бороды и усов, длиной 5,5 см	1	—
84	Остатки бочонка, высотой 14,5 см, диаметром по дну 8,3 см. На одной дощечке вырезан знак вроде буквы Н. Вероятно, в бочонке хранился порох	1	—
85	Деревянные части насторожек к промысловым ловушкам в виде колышков, длиной 5—8 см, с зарубками и продольными щелками	31	—
86	Кусок дерева от судна, потерпевшего аварию у острова Фаддея, длиной 35 см. В него забит деревянный гвоздь и имеется отверстие для двух других гвоздей, диаметром 0,9 см	1	—
87	Деревянный гвоздь, хорошо подходящий к отверстиям в куске дерева № 86, длиной 5,3 см	1	—
88	Медные полые круглые пуговицы, диаметром 1 см	5	—
89	Оловянные полые круглые пуговицы, диаметром 1,5 см	2	—
90	Шахматные фигуры из кости, все белые, можно узнать пешки, слонов, ладьи. Высота их 2,0—3,2 см	22	—
91	Голубая бусина, оплетенная тонкой медной проволокой, диаметром 0,7 см	1	—
92	Костяной шарик с гранями и сквозным отверстием, диаметром около 1 см	1	—
93	Мелкие медные скобочки, колечки и т. п., оторвавшиеся, по-видимому, от разных предметов . .	5	—

Продолжение

№ п/п	Наименование предмета	Количество с острова Фаддея	Количество с берега залива Симса
94	Неизвестного назначения приспособление или прибор, от которого сохранился костяной круг (диаметром 11 см) с двумя отверстиями. В одно из них вставляется костяная же полая втулка, в которую в свою очередь вставляется деревянная палочка. Другое отверстие закрывается медным колечком и костяной же втулкой. Кроме того, к этому прибору имеется еще одна полая втулка . .	1	—
95	Маленькие косточки животного или птицы, длиной 2,7 см	1	—
96	Кусочек дерева с симметрично расположенными дырочками и ямочками, повидимому, обломок от какого-то инструмента или прибора	1	—
97	Кость трубчатая, длиной 5,5 см, диаметром 1 см	1	—
98	Костяная пластинка неправильной формы, орнаментированная ямочками, длиной 7,8 см, шириной 2,2 см	1	—
99	Костяная ручка, орнаментированная, полая, длиной 0,5 см, в поперечнике 2,7 см. В нее была вставлена деревянная палочка	1	—
100	Обломок перламутрового креста размером 2,8×2,5 см	1	—
101	Кусочек какого-то вещества (трут?)	1	—
102	Маленькая оловянная медаль с ушком, диаметром 1,7 см	1	—
103	Подковки железные к каблукам сапог, с сохранившимися в них остатками гвоздей; длина 6,7; 6,5 и 5,5 см	3	—
104	Обломки стекла, покрытого с одной стороны серебристым веществом. Возможно, остатки круглого зеркальца	3	—
	Итого	496	504(512)
105	Монет серебряных (см. выше) . .	1 386	2018
	Всего	1 882	2 522(2 530)

голубые, колокольчики, шерсть (мех), кожа, серебряные перстни, серебряные бусы, бусы янтарного цвета, кресты нательные (серебряные и медные), топоры, разные железки, предохранительные пластинки на левую руку для стрельбы из лука и куски оленьей шкуры.

Относительно монет мы уже указывали, что они представляют полную аналогию в обеих находках. Одинаковы также в обеих находках бусы всех типов, топоры и, несмотря на некоторую разницу в размерах, предохранительные пластинки для руки при стрельбе из лука.

Единственный нож, довольно плохой сохранности, с острова Фаддея по своему размеру и типу также приближается к ножам с берега залива Симса. Единственный колокольчик с берега залива Симса по своим размерам аналогичен одному из колокольчиков с острова Фаддея. Шерсть (мех) из обоих пунктов хотя приблизительно и одинакового коричневого цвета, но между шерстью с острова Фаддея и шерстью с залива Симса есть некоторая разница: мех с залива Симса имеет более густой и светлый подшерсток. Куски кожи на острове Фаддея разного качества и раскроя; кусок кожи с залива Симса тоже имеет свои особенности, поэтому сопоставление здесь довольно затруднительно. Куски оленьей шкуры из-за их плохой сохранности так же не дают материала для сравнения, как и разные железки, многочисленные среди вещей с острова Фаддея и представляющие в главной своей массе, повидимому, поковки-заготовки, которые везлись для сбыта коренному населению в расчете на то, что местные кузнецы уже будут перековывать их на наконечники стрел и т. п. Серебряные перстни и кресты — все разного типа и поэтому также не дают материала для выводов. Но среди медных крестов имеются два почти совершенно одинаковых крестика размером 3,2 × 2,6 сантиметра. Как текст надписи, так и остальные главнейшие детали обоих крестов совпадают до такой степени, что, несомненно, оба креста сделаны одним мастером. Разница между обоими крестами только в том, что на одном подписи «ИС» и «ХС» обведены кружками, а на другом — четырехугольниками. Один из этих крестов оказался на острове Фаддея, а другой — на берегу залива Симса.

Наличие в обоих пунктах находок одинаковых бус, ножей, колокольчиков, топоров и двух медных крестов

является дополнительным подтверждением вывода, сделанного после ознакомления с монетами из обеих находок, а именно: вещи с о. Фаддея и вещи с берега залива Симса принадлежали одной и той же группе лиц, первоначально потерпевшей аварию около о. Фаддея и затем перебравшейся с частью вещей на материк к заливу Симса.

Остановимся на некоторых предметах кратко (номера соответствуют номерам списка).

1. Кусок темносинего тонкого сукна имеет петлю, обметанную красным шелком; около петли сохранились следы пришивки кусочков сукна или кожи для предохранения петель от разрыва. Кусок темнозеленого поношенного сукна представляет верхнюю часть правого борта кафтана. На расстоянии 4,5 сантиметра друг от друга к борту пришиты две петли, длиной 11 сантиметров каждая; обе петли сделаны из тоненьких полосок кожи, сложенных втрое и прошитых. Полоски кожи на обоих концах петли сплетены в виде шариков. До половины своей длины петли пришиты к кафтану, другая — остается свободной для застегивания. Судя по отпечаткам петель на сукне, кафтан был застегнут и долгое время лежал в таком виде. (См. рисунок на стр. 25. — *Ред.*).

2. Ручка одного ножа, сохранившегося лучше других, сделана из корневища дерева и покрыта вырезанным на ней орнаментом. Первоначально эта ручка была инкрустирована оловом по линиям орнамента, но сейчас от него остался лишь один небольшой кусочек. Рукоять у лезвия сверху и снизу также была залита оловом. Точно такое украшение ножей применяют до сих пор долгане и нганасаны Таймыра, причем есть сходство не только в технике, но и в самом стиле орнамента ножа с залива Симса и современных ножей долган и нганасан. Нижняя часть орнамента у лезвия представляет, повидимому, надпись вязью. (См. рисунки на стр. 16 и 17. — *Ред.*).

4. Голубые бусы частью были рассыпаны, частью нанизаны на плетеные нити или тоненькие ремешки. Точно такие же бусы до сих пор часто употребляются нганасанами, которые украшают ими кисеты, нанизывают на ремешки, на которых висит огниво и т. д.

5. Колокольчики такого же типа, как обычно встречаются на шаманских одеяниях и бубнах нганасан, долган, эвенков и других народностей, а также на нганасанской женской погребальной одежде.

7. Серу сибирские охотники скармливают собакам, когда они теряют чутье.

14. Такого типа кольца-перстни попадаются в эвенкийских могилах-лабазах. Но на печатях перстней с залива Симса отштампованы буквы «ТЕИ» или рисунок в виде дерева с ветвями, а на перстнях из могил — рисунок в виде лука со стрелой.

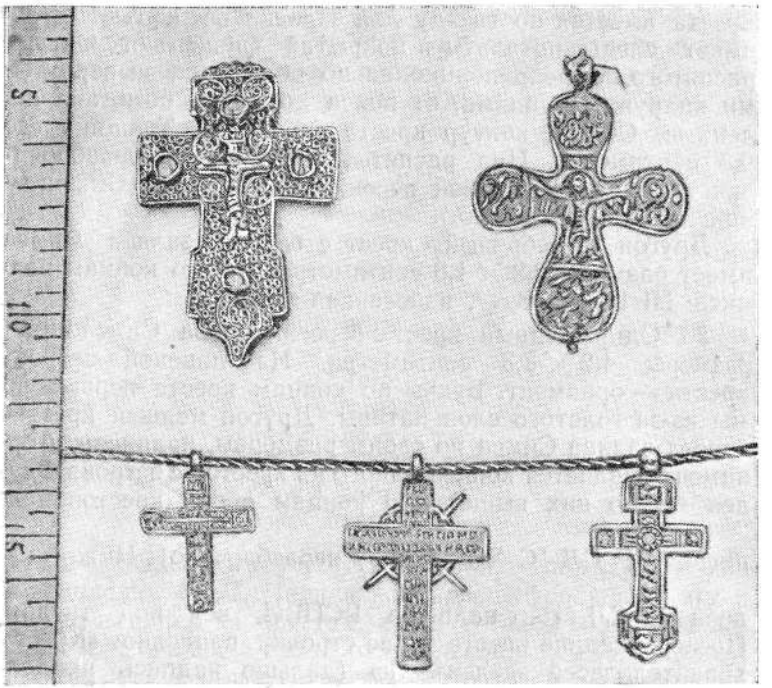
15. Один из серебряных перстней с острова Фаддея имеет диаметр 2,2 сантиметра, ширина кольца 0,7 сантиметра. К кольцу припаяна круглая печать диаметром 2 сантиметра. В середине печати вычеканено стилизованное изображение какого-то животного (коня?). Кольцо-перстень и края печати орнаментированы.

Другой перстень с острова Фаддея имеет диаметр 2,1 сантиметра, ширина его 0,7 сантиметра. По кольцу нанесен орнамент из переплетающихся линий посредине и выпуклых параллельных — по краям. К кольцу припаяна высокая позолоченная оправа для камня, который утерян. Гнездо для камня имеет диаметр 0.6 сантиметра, глубину 0,7 сантиметра. Возможно, впрочем, что это гнездо было залито финифтью. Оправа орнаментирована, диаметр ее основания 1,7 сантиметра, высота 1,3 сантиметра. (См. рисунок на стр. 26. — *Ред.*).

Перстень из избушки на берегу залива Симса имеет кольцо с незамкнутыми концами, идущими от печати. Диаметр кольца 1,5 сантиметра, печати 1,2 сантиметра. На печати в круге вырезано изображение хвостатого животного с длинной шеей (дракон?).

20. Солнечные часы были на компасе сверху и представляют собой медный круг, который был, очевидно, припаян к ободу, образующему борт футляра компаса. На круге солнечных часов нанесены деления, означающие время с 4 до 20 часов. Полночь обозначена латинскими буквами RO. На круге укреплен вращающийся по оси равнобедренный треугольник. В поднятом положении он отбрасывает тень на циферблат, и таким образом, при соответствующей ориентировке по компасу, узнается время.

21. На картушках, находящихся на дне компаса и имеющих отверстие посредине для иглы, на которую надевалась стрелка компаса, латинскими буквами обозначено: NNO, ONO, O, OEO, EEO, E, EEW, WEW, W, WNW, WNN. Север обозначен значком, обычным на старинных



Медные и серебряные кресты с о. Фаддея и залива Симса.

компасах, напоминающим лилию Бурбонов. Северо-восток, юго-восток, юго-запад и северо-запад не имеют буквенных обозначений и показаны тремя соединяющимися тонкими линиями.

22. Крест из низкопробного серебра с острова Фаддея имеет размеры 4,0 × 2,6 сантиметра, восьмиконечный, с одной стороны орнаментирован и тиснен. На нем надпись: ЦРЬ ИС ХС (внизу креста надпись неразборчива).

Из двух серебряных крестов с берега залива Симса один внутри полый, спаянный и имеет размеры 7,0×4,5 сантиметра. В ушке креста сохранились остатки ремешка. Сверху крест орнаментирован зубчатыми кружками и семью тонкими спиралями. На концах

креста имеется по гнезду для заливки финифтью. Крест имеет следы позолоты и покрытия финифтью. Фигура распятого, с непропорционально большими, вывернутыми кнаружи ступнями, от пояса до колен обмотана пеленами. Общий контур креста фигурный. Толщина его 0,5 сантиметра. Над распятым краткая малоразборчивая надпись по верхней перекладине креста. (См. рисунок на стр. 73. — *Ред.*).

Другой серебряный крест с берега залива Симса имеет размеры 2,2 × 1,8 сантиметра. По его концам надпись: НІ ІС ХС КА [1], нанесенная чернением.

23. Один медный крест с берега залива Симса имеет размеры 4,2 × 3,3 сантиметра. На лицевой стороне креста — орнамент. Буквы по концам креста неразличимы из-за толстого слоя патины. Другой медный крест с берега залива Симса по своим размерам, надписям и орнаменту является копией одного из крестов с острова Фаддея (см. о них выше). По концам обоих крестов надпись: ЦР СЛ ІС ХС (внизу неразборчиво). Ниже надписи ЦР СЛ стоит надпись: РСПВИ, вся под титлом. По перекладине креста в две строчки написано: «Крестъ хранитель всей вселенъи к» (дальше надпись продолжается ниже перекладины, но там она малоразборчива).

Третий медный крест с берега залива Симса имеет размеры 2,2 × 1,8 сантиметра. По его концам буквы: ЦРЬ ІС ХС ИКЛ.

Четвертый медный крест с берега залива Симса имеет размеры 6 × 5 сантиметров. На одной стороне креста вытеснено распятие, другая покрыта плохо различимыми изображениями. По концам креста — «лики святых». Около распятия надпись: ІС ХС ЦРЬ Ю. Концы креста закругленные, расширяющиеся от места скрещения.

Самым интересным оказался один из медных крестов с острова Фаддея. Размеры его 4,4 × 3,3 сантиметра. Место скрещения охвачено кругом с четырьмя рукоятями (одна из них отломлена) — все это напоминает штурвальное колесо (диаметр его 2 сантиметра). На лице-

[1] Все надписи на вещах воспроизведены нами буквами современного русского алфавита.

вой стороне креста надпись по концам ЦРЬ ІС ХС (внизу неразборчива). Кроме того, на лицевой же стороне имеются мелкие неразборчивые надписи по перекладине и столбу креста. На обороте креста написана цитата из 67-го псалма.

Даво
съкр
есне
тъбг
ъираизыдиртъсявразиегои
дабежатъ отъ лица его вси
неня
вид
яще
ихе'
гояк
още
зает
ъымъ

По сообщению научного сотрудника Института языка и мышления С. Л. Чернявской[1], расшифровавшей эту и другие надписи на крестах, крест с такой надписью давался или брался с собой отправляющимися на войну, в поход или в дальнее трудное путешествие. По особенностям надписи С. Л. Чернявская датирует крест как самое позднее XVI веком. Надпись не совсем точно воспроизводит канонический текст псалма. В ней есть лишнее слово «вси» и, повидимому, другое, неразобранное слово «ъираизыд».

25. Бумажка, найденная в ножнах кортика, представляет собой остаток жалованной грамоты. Она была сложена в несколько раз и засунута в ножны вместе с кортиком. Ржавчина, изъевшая лезвие кортика, уничтожила и весь документ, кроме той его части, которая была ближе к ножнам и отделена от ржавчины лезвия несколькими слоями бумаги. Видимо владелец кортика (№ 24 по списку) был тем же лицом, которое имело жалованную грамоту.

28. Топоры по своим размерам и типу вполне анало-

[1] Пользуюсь случаем выразить С. Л. Чернявской благодарность за ее деятельную помощь в расшифровке надписей на крестах.

гичны топорам, бывшим в употреблении у населения Таймыра до последнего времени, представляя нечто среднее между топором и легким колуном. Как мы уже отмечали, на острове Фаддея было найдено пять топоров, но судьба четырех из них неизвестна. Ни у одного топора не оказалось признаков того, что они были посажены на рукояти.

29. Головки кожаные от мягкой обуви из черной юфтовой кожи с такой же подошвой. Верхняя часть обуви сшита мездрой внутрь, подошва — мездрой кнаружи. Скроены головки из трех частей: подошвы, полоски шириной около 6,5 сантиметра, к которой пришита подошва и концы которой у носка немного не сходятся, и вставки от носка к подъему между концами этой полоски. Длина подошвы 29 сантиметров, ширина 18,5 сантиметра, сшита рубцом кнаружи. Около щиколоток — следы шва, которым к головкам были пришиты опашни (короткие голенища). Тип их несколько отличается от сибирских чирков и напоминает обувь, употребляемую на Печоре и вообще на севере Европейской части СССР. Вторая головка обуви значительно меньше по размеру первой (точно ее длина не может быть определена, так как у нее нет пяточной части, ширина ее подошвы 8,5 сантиметра) и напоминает сибирский крестьянский чирок. Сшита она рубцом внутрь, подошва двойная. Очевидно, для утепления союзки чирков подшиты вязаной белой шерстяной подкладкой, которая продолжается в виде опашней выше щиколоток.

Судя по размерам, этот чирок принадлежал женщине или подростку.

31. Солнечные часы находятся на внутренней стороне крышки небольшого компаса. При открывании крышки между ней и компасом натягивается нить. Тень от нити падает на внутреннюю сторону крышки, на которой находится циферблат, и при соответствующей ориентировке часов по компасу указывает время. В вертикальном положении крышка удерживается при помощи крючочка. Коробочки часов полированные, мелкие детали и прокладки из меди. (См. рисунок на стр. 94. — *Ред.*).

44. Такие предохранительные пластинки на левую руку (при стрельбе из лука) были в употреблении на севере Красноярского края до последнего времени, только они делались обычно из кости. Но форма и размеры их

Бронзовое зеркало с кентавром с о. Фаддея (справа) и медаль из коллекции Красноярского музея, принадлежавшая якутскому шаману из Мархинского улуса (слева).

совершенно аналогичны найденным на берегу залива Симса и на острове Фаддея.

45. Кусок оленьей шкуры сшит из двух частей оленьими нитками и, повидимому, служил в качестве стельки в обуви. Назначение другого куска с острова Фаддея с привязанной к нему гирькой неясно.

47. Медаль из низкопробного серебра с изображением кентавра в короне, вооруженного булавой и четырехугольным щитом, имеет две пары отверстий по краям для прикрепления ее к упряжи или одежде [1]. К нижней паре отверстий сохранились ровдужные ремешки. Изображения на этой медали представляют полную аналогию с изображениями медали, хранящейся в Красноярском краевом музее (инвентарный № Э177-1) и принадлежавшей когда-то якутскому шаману Мархинского улуса Витейского округа (поступила в музей в 1930 году среди предметов, собранных у населения Таймырского национального округа). Медаль музея медная, несколько меньших размеров (диаметр ее 10,5 сантиметра) и имеет иной орнамент между ногами у хвоста кентавра.

[1] См. по вопросу об этой находке (бронзовое украшение типа зеркала) текст А. П. Окладникова, стр. 101—112. — *Ред.*

Сама же фигура кентавра совпадает на обеих медалях вплоть до мельчайших деталей, за исключением тавра на крупе, которого на медали с острова Фаддея нет. Медаль с Мархинского улуса производит впечатление более искусно сделанной, а медаль с острова Фаддея кажется копией, которая была отлита в форме, сделанной по медали типа бывшей в пользовании в Мархинском улусе.

48. Эти пластинки завозились, очевидно, на север Сибири для сбыта коренному населению и служили, с небольшими переделками, для украшения шаманских и женских одеяний, а также в качестве поделочного материала для разных изделий из меди и олова. Медные орнаментированные пластинки, правда не прямоугольной формы, а в виде полумесяца, но таких же размеров и также несколько выгнутые, до сих пор служат необходимой принадлежностью женского национального костюма нганасанов и энцев Таймыра. Чтобы быть превращенными в пластинки («баса») с женских нганасанских комбинэ, найденные на острове Фаддея пластинки должны быть вырезаны вдоль одной из сторон, и у них следует немного подрезать углы.

50. Клеймо на оловянных тарелках имеет вид испанского щита, на котором нанесены в два ряда буквы. Как известно, олово «в блюдах и тарелях» являлось одним из самых ходовых товаров, которые сбывались коренному населению Сибири в XVII веке. Такие тарелки назывались тогда «брабантскими».

54. На концах ремешков, пропущенных через трубки, привязаны куски медных пластинок, обломки медных подвесок в виде колесиков и т. п. До сих пор такие трубки представляют необходимую принадлежность костюма нганасанских женщин, которые носят их на бедрах спереди, где они, вместе с подвешанными к ним кольцами и колесиками, образуют целые гирлянды. Такие трубки находятся в коллекциях Красноярского музея (например, № Э110-19). Они имеют длину 7,5—9,5 сантиметра, диаметр 0,6—0,7 сантиметра. Совершенно несомненно, что люди, потерпевшие аварию у острова Фаддея, везли такие трубки для сбыта.

56. Такие медные кольца и сейчас в Таймыре вшиваются в пояса (телеги) и служат для привязывания к ним обуви, ножей, сумочек и т. п.

66. Один из ружейных замков сохранился полностью,

хотя покрыт толстым слоем ржавчины. В курке сохранился даже кремень. Обычно считалось, что кремневые ружья стали появляться в Московском государстве с середины XVII столетия. Но так как путешественники, потерпевшие крушение на острове Фаддея, видимо были передовые люди, знакомые с техникой Западной Европы, то они имели возможность приобрести и эти новинки в области техники огнестрельного оружия, какими для этого времени являлись кремневые ружья. Вполне естественно, что для такой далекой и опасной экспедиции было взято с собой самое лучшее по тому времени оружие.

67. Одна пара ножниц имеет изогнутые лезвия и, несомненно, предназначалась для подстригания шерсти на оленьих шкурах перед пошивкой из них одежды, нюков и т. п. Они могли везтись и для сбыта и для собственного употребления.

68. Котел имеет следующие размеры: диаметр дна 26 сантиметров, диаметр по верху 31 сантиметр, высота 14 сантиметров. Ручка котла сделана из массивного четырехгранного прута, в поперечнике около 1,5 сантиметра. Общий вес котла (с ручкой) 2600 граммов. Котлы такого типа до сих пор в употреблении у коренного населения Таймыра и, в частности, нередко встречаются на «ледовках» (наземных могилах) нганасан. В них приносят воду или снег и лед; такие котлы употребляются для варки мяса и рыбы в небольших семьях. Дно котла выпуклое, ушки, в которые вставлена ручка, сделаны из приклепанных к котлу медных круглого сечения прутов.

68 а. Этот котел был без ручек, лишь с ушками для нее. Ушки составляли одно целое со стенками и были вырезаны в форме треугольников. Диаметр дна 19,5 сантиметра, диаметр по верху 26 сантиметров, высота боковой стенки 13 сантиметров. Вес 1450 граммов.

69. Таз (миска) без ушков. Диаметр дна около 17 сантиметров, диаметр по верху около 19 сантиметров, высота 6,5 сантиметра, вес 530 граммов. Наружная поверхность дна и стенок орнаментирована параллельными кругами. Другой таз (69а) таких же размеров и также орнаментирован, но более массивный (вес 625 граммов). В таких тазиках подается пища на стол (мясо, рыба, жир, юкола, порса и т. п.), замешивается тесто и т. д. Напомним, что медь «в котлах и тазах» была самым ходовым товаром в Сибири XVII века.

71. Такие подвески до сих пор встречаются у нганасан на женской и шаманской одежде. В XIX веке они еще изготовлялись в Сибири специально для сбыта «самоедам», то-есть нганасанам и энцам.

73. Такие цепи употребляются в оленьей упряжи на Таймыре, для соединения наголовника коренного оленя с поясом передового. Эти цепи очень ценились, и Миддендорф пишет, что цепь производила у нганасан большее впечатление роскоши, чем бриллиантовая диадема на великосветском балу у европейцев.

78. «Кукарка» — медный или железный стержень, прикрепленный вертикально к поясу передового оленя—служит для того, чтобы вожжа, протянутая между поясом и «кукаркой», не волочилась по земле. «Кукарки» в настоящее время бывают самых разнообразных типов — от простой деревянной или костяной пластинки до сложного изделия из меди или железа с инкрустацией из серебра и снабженного погремушками в виде колец. Встречаются и круглые медные «кукарки» в виде зубчатых колес на оси, вставленной во втулку, прикрепленную к поясу оленя. «Кукарки» с острова Фаддея не совсем обычного типа, но единственное, рационально допустимое назначение этих изогнутых в форме вопросительного знака стержней было служить в качестве «кукарок». Такое предположение тем более вероятно, что «кукарки» имеют отверстие, как нельзя более подходящее для прикрепления их к поясу оленя при помощи ремешка.

79. Пулелейки имеют вид щипцов. Форма для пули представляет собой закрытую полость, когда ручки щипцов сжаты. Через небольшие отверстия в нее наливался расплавленный свинец. Раздвигая ручки, открывали тем самым форму, и из нее выпадала готовая пуля.

83. Щипчики для выщипывания бороды и усов совершенно аналогичны таким щипчикам в одной из коллекций Красноярского музея, собранной в Манчжурии в 1900-х годах.

Ознакомление с предметами из обеих находок дает право сделать следующие выводы.

1. Люди, плывшие в XVII столетии на погибшем у острова Фаддея судне, были прекрасно знакомы с условиями и вкусами сибирского рынка, и значительное количество вещей везли именно в целях сбыта.

2. Несомненно, что путешественники были русские, знакомые с передовой техникой Западной Европы.

3. Путешествие было тщательно подготовлено и обеспечено совершенным для того времени снаряжением. Предположение о том, что судно случайно зашло к северной оконечности Таймыра, таким образом исключается.

4. Среди путников был человек, имевший одежду (кафтан) из тонкого сукна, обладавший какой-то жалованной грамотой [1], кортиком и значительным количеством денег. Путешественники умели играть в шахматы.

5. Путники занимались не только торговлей, но и пушным промыслом и имели с собой собак.

6. Среди путешественников была женщина (или подросток).

7. Путешественники имели связи с коренным населением Севера, что доказывается куском оленьей шкуры, сшитой нитками из жил.

Все предметы, найденные на острове Фаддея и на берегу залива Симса, можно распределить на несколько групп в зависимости от их назначения. Самую многочисленную группу представляют товары. Сюда можно отнести бусы всех типов, колокольчики, ножи, перстни, топоры, иглы, поделочное железо, кожи, пластинки, предохраняющие руку при стрельбе из лука, медали, медные пластинки, оловянные тарелки, медные трубки-игольники, медные кольца, серьги, бисер, серебряные украшения в виде трубок, котлы и тазы, подвески, цепь, «кукарки», щипчики для выщипывания волос. Вероятно, что и часть крестов тоже везлась для сбыта (русским промышленным людям). Из всех этих вещей большая часть осталась на острове Фаддея. На берег залива Симса были унесены лишь ножи, часть бус, иглы, перстни, одна из пластинок на руку, гребешок, один колокольчик и 3 из 11 (считая и недоставленные в музей Арктики) котлов и тазов, то-есть было взято то, что могло служить самим путникам и кое-что более портативное, на случай встречи с коренным населением.

Из снаряжения все, что относилось к огнестрельному оружию, было оставлено на острове Фаддея ружейные замки и, как мы знаем, одно поломанное ружье, свинец,

[1] Вопрос о наличии «жалованной грамоты» остается открытым, так как подобная трактовка остатков документа, писанного на бумаге, условна и встречает ряд возражений. — *Ред.*

пулелейки, пули, картечь, рог для пороха). Очевидно, при аварии ружья были испорчены, порох подмочен, и все это стало ненужным. Зато такие предметы, как огниво с кремнем и трутом, шила, нитки, струг, стамеска, сера, были взяты с собой. По вполне понятным причинам был оставлен на острове Фаддея безмен, поскольку торговая цель экспедиции после аварии сама по себе отпала. Исключительно на острове Фаддея найдены предметы, служившие частями и снаряжением судна (пробон, гвоздь, крюк, блок, а также кусок от самого судна). Следовательно, авария, без сомнения, произошла именно у этого острова. Компас и солнечные часы, необходимые и при сухопутном путешествии в неизведанных странах, были взяты потерпевшими крушение с собой на материк.

Наиболее необходимые и ценные из бытовых предметов, как то: одежда, кортик, обувь, ложки, естественно, оказались там, куда перешли путешественники, то-есть на берегу залива Симса. Понятно, что люди XVII века захватили с собой и часть крестов и икон, а также такой ценный документ, как жалованная грамота. Но целый ряд предметов бытового обихода, не являющихся предметами первой необходимости, как пуговицы, пряжки, зеркало, часть крестов, замок и т. п., были оставлены у места крушения. Там же были оставлены шахматы. Менее понятно оставление долота, кожаного пояса и кожи — вещей, во всяком случае не бесполезных для потерпевшего крушения; возможно, что это было вызвано спешкой, а, может быть, этих вещей было в излишке, и потому часть их была оставлена на месте аварии.

То, что на месте аварии были оставлены насторожки от промысловых ловушек, очевидно, объясняется тем, что, уходя с острова на материк, потерпевшие крушение не имели в виду где-либо задерживаться в течение долгого времени. Поэтому можно предполагать, что постройка избушки на берегу залива Симса не входила в первоначальные планы путешественников и была вызвана лишь последующими обстоятельствами. Также не совсем понятно оставление на острове части - может, не представлявших особой тяжести. Вероятнее всего, что потерпевшие крушение имели намерение впоследствии вернуться на место аварии и забрать все остальное, но им это сделать не удалось.

Таково содержание находок, сделанных в 1940 и

1941 годах на острове Фаддея и на берегу залива Симса. В них мы видим инвентарь русской торгово-промысловой экспедиции XVII столетия, потерпевшей аварию около северного острова Фаддея. Оставшиеся в живых путешественники перебрались на материк, где на восточном берегу залива Симса ими была построена маленькая избушка, в которой двое из них погибли [1].

III

Рассмотрев вопросы о времени и целях путешествия и национальности мореплавателей, нам остается сказать о направлении путешествия и об обстоятельствах аварии и судьбе путешественников.

Вопрос о направлении путешествия может быть разрешен двояко: путешественники огибали Таймыр, плывя или с запада на восток или с востока на запад.

При первом предположении путешественники могли плыть прямо из Белого моря, Холмогор, или Пустозерска, или даже Колы и могли плыть из устья Енисея. Второе направление допускает возможность плавания либо из устья Лены, либо из устья Хатанги, куда путешественники могли попасть с того же Енисея южнотаймырским водным путем.

Наличие значительного количества нереализованных товаров, по нашему мнению, исключает предположение о плавании из устья Лены, ибо было бы нерационально везти товары, с большим трудом доставленные через всю Сибирь в Якутию, обратно, огибая Таймыр. На восточное побережье Таймыра легче всего было попасть из устья Хатанги. Но торговым людям, уже находившимся в устье Хатанги, совершенно незачем было плыть в пустынный район у мыса Челюскина. Зимой во время промысла пушного зверя население Таймыра кочует по северной границе лесной растительности, а не в безлесных тундрах полуострова Таймыр. Район устья Хатанги скорее мог быть целью для судна, огибавшего Таймыр с запада, но никак не исходной точкой для торговой экспедиции, отправившейся в направлении к мысу Челюскина.

Предположение о том, что плавание было совершено из устьев Лены на запад якутскими казаками, сомни-

[1] Иную трактовку этих событий дает А. П. Окладников в работе, опубликованной выше. — *Ред.*

тельно, потому что вещи иностранного происхождения едва ли могли находиться в инвентаре якутских казаков, но вполне объяснимы в снаряжении торгового коча, плывшего от северного побережья Европейской России, из одного из тех городов, которые в конце XVI и начале XVII столетий были в оживленных торговых связях с Англией и Голландией.

Предположение о плавании в обход Таймыра из устья Енисея сомнительно по следующим соображениям. Если путешественники находились на Енисее, то они могли попасть туда только из Мангазеи, причем должны были волоком попасть на реку Турухан и по последней спуститься на Енисей. Путь от Мангазеи на Енисей можно было проделать лишь по небольшим рекам на речных судах и местами волоком. Но путешественникам, располагавшим на Енисее речными судами (каюками), если они имели намерение попасть в район устья Хатанги, гораздо проще было избрать южнотаймырский водный путь, чем перегружаться на морские суда и подвергать себя риску морского путешествия. Южнотаймырским водным путем русские служилые люди ходили на Анабар уже около 1643 года [1], а начальный его этап, путь на Пясину, был известен еще раньше, так как в 1614 году уже были обложены ясаком кочевавшие по Пясине нганасаны или энцы.

Плавание вокруг Таймыра по сравнению с южнотаймырским водным путем имело для торговых людей главным образом то преимущество, что избавляло их от вымогательств служилых людей на таможенных заставах. Но для того, чтобы попасть на Енисей, торговые люди все равно должны были пройти мангазейскую заставу. Таким образом, у лиц, вышедших на Енисей из Мангазеи, этого стимула для обхода Таймыра с севера быть не могло. Но зато этот стимул был весьма существенным для судна, отправившегося из какого-либо пункта северного побережья Европейской России.

Наиболее вероятным нам кажется предположение, что торговые люди, потерпевшие аварию около острова Фаддея, плыли прямо из поморских городов и слобод Европейской России в обход всяких застав и вопреки последовавшему в 1619 году, то-есть незадолго до предпола-

[1] А. А. Романов, Описание карты Ленско-Хатангского края, Л., 1933.

гаемой даты этого плавания, запрещению плавать Северным морским путем в Сибирь. Целью этого плавания, повидимому, был район устьев Хатанги и Анабара, где можно было рассчитывать сбыть товары местному населению (в том числе и многочисленным на севере Сибири XVII столетия русским промышленным людям), заняться промыслом в течение зимовки и затем вернуться тем же путем обратно.

Есть много свидетельств, что русские поморы XVII столетия были прекрасными мореходами, для которых, например, морское путешествие в устье Оби было обычным делом. Весьма вероятно, что наиболее смелые из них плавали и дальше на восток — в Енисейский залив. Находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса говорят о том, что отдельные морские путешествия русских мореходов XVII столетия простирались даже дальше Енисея — в обход Таймыра — к устьям Хатанги и, возможно, других якутских рек.

Весьма вероятно, что и ранние поселения русских промышленных людей на побережье моря Лаптевых[1] объясняются именно тем, что уже в XVII столетии, а может быть, и раньше русские поморы знали Северный морской путь в обход Таймыра.

Интересно отметить, что среди коренного населения севера Сибири — от Енисея до Индигирки — бытует в разных вариантах одна любопытная легенда.

Охотник (эвенк или якут) около берега моря встречает заросшего волосами человека. Человек знаками показывает охотнику, чтобы тот не следовал за ним. Но охотник не обращает внимания на знаки и идет по следу волосатого человека. На берегу моря (иногда на полуострове) стоит изба, в которую и уходит волосатый человек. Через некоторое время в избу входит и охотник.

---

[1] Уже в 1653 году мангазейский служилый человек Иван Сорокин пишет про анабарских «тунгусов», что «они ходят на Хатангу-реку и побивают русских людей» («Колониальная политика Московского государства в Якутии», стр. 121). Х. П. Лаптев сообщает о реке Хатанге: «По ней коренными зимовьями живут русские и новокрещеные якуты, начав с вершин, от 72° ширины и по самое устье»; об Оленеке: «На устье р. Оленека, в зимовьях, живут русские промышленники издавна, семей около 10...». Сообщения Лаптева относятся к 1739 году (Записки Гидрографического департамента Морского министерства, ч. IX, СПб., 1851, стр. 1—58).

В сенях он видит много медведей разного цвета [1], сложенные, как поленница дров, клыки мамонта [2]. В самой избе на нарах спит несколько волосатых мужчин большого роста и белолицая, красивая женщина. Женщина просыпается, но охотник упрашивает ее не поднимать тревогу. Женщина дарит охотнику мешок (в котором оказывается драгоценная пушнина) и просит скорее уйти. Если ее братья проснутся и застанут его здесь, то убьют, так как они здесь живут, скрываясь от остальных людей. Охотник уезжает, но один волосатый человек все-таки выбегает из избы и хватается за нарты. Олени (или собаки) охотника делают рывок, в руках преследователя остаются лишь задние копылья нарты, и охотник благополучно уезжает [3].

Весьма возможно, что в этой легенде (повторяем, чрезвычайно распространенной и популярной) нашел свое отражение факт очень раннего появления русских на северном побережье Сибири к востоку от Таймыра, пришедших туда Северным морским путем. Впоследствии, когда северное побережье восточной Сибири было официально присоединено к России, эти промышленные и торговые люди, обосновавшиеся на берегу Ледовитого океана, были не особенно заинтересованы в том, чтобы о них и их промыслах знали воеводы и таможенные целовальники, и тогда в сюжет легенды был, очевидно, внесен мотив скрытности и замкнутости волосатых обитателей побережья.

Есть и другие предания, повествующие о первона-

[1] То-есть ездовых собак, конечно.

[2] Здесь верно отмечена одна из отраслей хозяйственной деятельности русских на севере — добыча мамонтовых клыков.

[3] Отмеченная здесь Б. О. Долгих легенда о «бородатом народе» на островах Ледовитого океана имеет очень древнее происхождение и весьма сложный характер. В основе ее лежат мифологические представления о божествах охоты и хозяевах леса, даятелях охотничьего счастья, широко распространенные у многих лесных охотничьих племен Сибири. На этот древнейший мифологический комплекс наслоились элементы различного происхождения, в том числе реальные черты из быта приморских оседлых зверобоев Арктики и даже обрывки раскольничьего фольклора, а также средневековых легенд о чудесных странах на островах северных морей.

Предполагаемое Б. О. Долгих объяснение этих легенд и утверждение что поводом для их возникновения явилось раннее заселение северных берегов русскими — искусственно и мало вероятно (*А. О.*).

чальном приходе русских (с торговыми целями) на судах с моря в устье Оленека, Анабара, Хатанги. Находки на острове Фаддея и берегу залива Симса подтверждают наличие реального зерна во всех этих преданиях. Как известно, это — не единственные находки, свидетельствующие о плаваниях русских в море Лаптевых в XVII столетии. Известны кресты на острове Столбовом, зимовье, крест и другие вещи на острове Котельном [1]. Но лишь эти находки не могли служить доказательством плавания русских непосредственно из Европейской России, а письменных данных о том, что кто-либо до Норденшельда огибал морским путем полуостров Таймыр, никаких не было. Находки на Новосибирских островах поэтому, казалось, правильнее истолковывать как свидетельство о местных плаваниях сибирских промышленников уже после присоединения всей восточной Сибири к России. Только В. Ю. Визе было высказано предположение о том, что «северное побережье Таймырского полуострова посещалось русскими еще до Челюскина» [2]. Это предположение основывалось на сообщении Логана (фактора, агента английской торговой компании, посетившего в 1611 году Пустозерск. — *А. О.*) о камнях, похожих на золото и серебро, на полпути между Пясиной и Хатангой.

Теперь, после находки на острове Фаддея, мы имеем все основания утверждать, что еще до присоединения побережья восточной Сибири к Российскому государству русские мореходы плавали в восточную Сибирь Северным морским путем, огибая Таймыр. Вероятно, многие пункты северного побережья восточной Сибири в это время уже были местом деятельности русских торговых и промышленных людей из северных поморских областей Европейской России.

События на острове Фаддея и на берегу залива Симса в 20-х годах XVII столетия протекали, видимо, следующим образом. Морское судно (коч), шедшее на восток в обход Таймыра, было около северо-западного берега северного острова Фаддея раздавлено льдами или погибло, налетев на камни [3]. На этих камнях в 1940 году сидело

[1] В. Ю. Визе, Моря Советской Арктики, стр. 373, 375.

[2] Там же, стр. 87.

[3] Неожиданный напор льдов, пригнанных северным ветром, на сидевший на камнях коч, по нашему мнению, явился ближайшей причиной гибели судна и высадки экипажа на о. Фаддея.

судно «Норд», но последнему удалось благополучно сойти.

Люди переходят с судна на остров, успев спасти часть вещей. Дождавшись когда море замерзло, они переходят на материк. Часть вещей они оставляют на острове, засыпав их галькой и закрыв каменными плитами, часть увозят с собой на саночках. Пройдя на запад до залива Симса, они строят здесь из плавника избушку, в которой остаются двое, в том числе одна женщина (или подросток). Остальные потерпевшие крушение уходят дальше в надежде добраться до человеческого жилья. Оставшиеся двое живут в избушке, питаясь песцами, но в конце концов гибнут.

Такая схема развертывания событий кажется нам наиболее вероятной по следующим соображениям.

На морском судне, отправившемся в такое далекое путешествие, несомненно находилось не двое, а больше людей, во всяком случае не менее шести—десяти. Нет основания предполагать, что все они погибли при аварии, если удалось спастись двоим и спасти значительное количество вещей, в том числе и такие, которые отнюдь не были предметами первой необходимости, как, например, не менее 11 котлов и тазов, медные пластинки и т. п. Высадились на остров Фаддея, вероятно, не менее пяти-шести человек. Среди них была женщина или подросток. И женщина и подросток вряд ли могли выдержать далекий пеший путь. Поэтому вполне понятно, что решено было выстроить на материке избушку для более слабых членов экспедиции, с тем чтобы остальные отправились за помощью. Размеры избушки указывают, что она была выстроена именно для двух человек.

Можно попытаться путем умозаключений определить и личность второго человека. То, что этот человек остался в избушке на берегу залива Симса, позволяет предположить, что он был физически более слабым, чем остальные, а потому был менее способен перенести трудности пешего путешествия. Таким человеком среди отправившихся в далекое плавание по северным морям, где подбор людей по их физической силе играл большую роль, мог быть кормчий, опыт которого обогащался с годами и в работе которого имели значение не физическая сила, а знание и опыт.

Возможно, что в данном случае кормчий, глава судна,

соединял в одном лице предпринимателя, торгового человека, владельца коча или по крайней мере главу торгово-промысловой артели поморов. Мы знаем, что один из погибших в избушке на берегу залива Симса людей имел жалованную грамоту и значительную по тому времени сумму денег. Ему же, очевидно как владельцу их, были оставлены наиболее ценные инструменты: компас, солнечные часы. Остатки кафтана из хорошего тонкого сукна, кортик необычного типа также свидетельствуют о том, что здесь мы имеем дело не с рядовым промышленником.

Для передачи опыта севернорусские кормчие часто брали с собой в плавание своих несовершеннолетних сыновей. Такой кормчий, хозяин судна, мог взять с собой и жену. Из письменных источников о Сибири XVII века мы знаем, что даже служилые люди, отправляясь на службу в дальние зимовья, брали с собой жен и детей.

Таким образом, можно считать, что один из погибших в избушке на берегу залива Симса был главой судна, потерпевшего крушение у острова Фаддея, а другой — его сыном-подростком или (если удастся установить, что это была женщина) его женой.

Что касается ушедших дальше, то они, вероятно, отправились прямо на запад, чтобы пересечь полуостров Таймыр, не огибая его, по побережью. Что таким образом можно сократить себе путь, они должны были знать по опыту своего плавания до острова Фаддея. Судьба ушедших неизвестна.

В 1927 году нганасаны рассказывали автору этих строк, что в тундре, западнее реки Таймыр, далеко от берега моря, стоят какие-то странные по конструкции нарты, чрезвычайно ветхие, а около них лежат черепа и кости людей. Нганасаны склонны были считать эти останки наземными похоронами («ледовкой») своих предков, тем более что среди вещей у этих нарт имелись котлы и другая утварь такого типа, какой они употребляют. Но это обстоятельство как раз может служить доказательством в пользу предположения, что это останки русских XVII века, так как именно такие котлы ими и завозились в Сибирь и сбывались здесь коренному населению, что мы уже отмечали выше [1].

[1] Повидимому, в данном случае правы, скорее, нганасаны, считающие эти остатки следами старинных наземных могил своих предков (А. О.).

Рассказывают нганасаны также о каких-то старых избах на берегу Харитона Лаптева и даже на реках, впадающих здесь в Карское море, вдали от берега. Таким образом, у людей, отправившихся из залива Симса на запад, было уже не так мало шансов добраться до каких-либо населенных пунктов на северо-западном побережье Таймыра, которое в XVII и даже XVIII веке представляло не такую безлюдную пустыню, как в XIX веке.

Заканчивая описание находок на острове Фаддея и на берегу залива Симса, отмечаем, что пока не все найденное удалось удовлетворительным образом определить и объяснить. Необходимо уточнить сорта сукон и покрой одежды, определить меха, уточнить возраст и пол людей по их черепным крышкам, определить место изготовления компаса и солнечных часов. Очень интересной проблемой является установление аналогии массивной медали с изображением кентавра в русском или западноевропейском искусстве.

Важной задачей является и расшифровка клейма на оловянных тарелках, выяснение происхождения кортика, назначения ряда мелких предметов, орнаментированных пластинок, гирьки, привязанной к оленьей шкуре, и т. д.

Вполне возможно, что могут быть найдены другие объяснения тем предметам, назначение которых мы определили выше [1].

Совершенно неотложной задачей является дополнительное детальное обследование мест находок. На острове Фаддея в галечной насыпи осталась еще большая часть вещей. На берегу залива Симса осталось три медных котла и части саней. На острове Фаддея необходимо не только собрать оставшиеся вещи, но и выяснить условия их залегания. На берегу залива Симса и в тундре Таймырского полуострова необходимо попытаться проследить и судьбу членов экипажа, отправившихся на запад, а также проверить предание нганасанов о древних русских поселениях в районе берега Харитона Лаптева [2].

Значение находок на острове Фаддея и на берегу за-

[1] Как мы отмечали выше, в настоящее время все эти находки подвергнуты тщательному изучению, результаты которого будут опубликованы в Трудах Арктического Института Главсевморпути. — *Ред.*

[2] Данное пожелание Б. О. Долгих осуществлено экспедицией Арктического Института в 1945 г. — *Ред.*

лива Симса для истории Северного морского пути и истории Сибири и ее коренных народностей совершенно исключительно. Эти находки могут заставить пересмотреть заново целый ряд положений, считавшихся до сих пор общепринятыми. В частности, оказывается, что первыми, кто обогнул Таймыр на морских судах, были не шведы во главе с Норденшельдом, а русские мореходы.

После находок на острове Фаддея и на берегу залива Симса приоритет русских мореплавателей в открытии и использовании Северного морского пути в восточную Сибирь можно считать окончательно установленным.

В связи с находками на северном острове Фаддея и на берегу залива Симса изменяется и наше представление об истории экономического и культурного развития коренных народностей Сибири. Казавшиеся в прошлом оторванными от всего мира, коренные обитатели северного побережья восточной Сибири, как теперь мы имеем все основания утверждать, еще до официального присоединения их территорий к Российскому государству были в сфере влияния более передовой русской экономики и культуры. Несомненно, что первое знакомство этих народностей с русскими произошло даже раньше, чем в начале XVII столетия.

Это обстоятельство не могло не наложить своего отпечатка на историю северносибирских народностей. Многие детали их экономического и социального развития, культуры и быта получают теперь новое освещение и могут быть объяснены более ранним и глубоким влиянием на них более передовой европейской культуры русских.

Это другой большой вклад, который вносят находки на острове Фаддея и берегу залива Симса в советскую историческую науку.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От Издательства	3
Реликвии, раскрывшие новую страницу в истории полярного мореходства	5
Откуда и зачем шли землепроходцы XVII века к берегам Таймыра	30
Избушка древних мореходов в заливе Симса	34
Лагерь на острове Фаддея—последний этап полярной трагедии	49
Историческое значение таймырских находок	81
Древнерусская мореходная культура в свете археологических открытий на Таймыре	90
Находки на Таймыре и вопрос о прогрессивной роли русского народа на Крайнем Севере	99
Приложение	
Б. О. Долгих. Новые данные о плавании русских Северным морским путем в XVII веке	117

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ

ВЫСЫЛАЕТ КНИГИ

ВИЗЕ В. Ю. *Русские полярные мореходы из промышленных, торговых и служилых людей XVII—XIX вв.* Стр. 72. Цена 4 р.

Краткий библиографический словарь выдающихся землепроходцев-промышленников и казаков, совершивших в XVII—XIX вв. географические открытия в Арктике.

ЗУБОВ Н. Н. *В центре Арктики.* Стр. 392. Цена 18 р.

Научно-популярный очерк истории исследования и физической географии Центральной Арктики.

ЗИНГЕР М. *В битве за Север.* Стр. 323. Цена 14 р.

Записки журналиста о походах и полетах в Арктике за 1926—1946 гг.

АККУРАТОВ В. И. *В высоких широтах.* Стр. 195. Цена 10 р.

Записки полярного штурмана о полетах в высоких широтах Арктики и к Северному полюсу (1936—1946 гг.).

ПИНЕГИН Н. В. *Георгий Седов.* Стр. 372. Цена 16 р.

Повесть о жизни и деятельности героического исследователя Арктики, написанная его ближайшим другом и спутником.

МАРКОВ С. Н. *Летопись Аляски.* 224 стр. Цена 9 р.

Художественный очерк о русских открытиях на севере Тихого океана и трудах русских людей по исследованию и освоению Аляски.

СТАВНИЦЕР М. С. *Русские на Шпицбергене.* Стр. 141, цена 8 р.

Популярный очерк об истории открытия и освоения русскими островов Шпицбергена.

На траулерах в Баренцовом море. Стр. 329, цена 20 р.

Сборник очерков об истории и работе траулерного флота в морях Советской Арктики.

ШЕРЕШЕВСКИЙ Э. И., ПЕТРЯЕВ П. А., ГОЛУБЕВ В. Г. *Ездовое собаководство.* Стр. 224, цена 12 р.

Практическое руководство для работников Крайнего Севера.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ

ВЫСЫЛАЕТ КНИГИ

Труды дрейфующей экспедиции на ледокольном пароходе «Г. Седов». Том III. Биология. Стр. 402. Цена 75 75 р.

Научный труд о млекопитающих, птицах, бентосе и планктоне высоких широт Арктики и Центрального полярного бассейна.

РУДЕНКО С. И. *Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема.* Под ред. Л. С. Берга и проф. В. И. Равдоникаса. Стр. 182 и 38 табл. Цена 25 р.

Монография, посвященная исследованию проблемы происхождения эскимосов и их древней культуры.

КОЛОСОВ Д. М. *Проблемы древнего оледенения северо-востока СССР.* Стр. 172 и карта. Цена 22 р.

Научный труд по гляциальной географии и геоморфологии северо-востока страны.

САКС В. Н. *Четвертичный период в Советской Арктике.* Стр. 135 и 12 карт. Цена 17 р.

Научный труд по четвертичным отложениям и палеографии Европейского и Азиатского Севера СССР.

СИДОРОВ В. И. *Ветродвигатели в Арктике.* Стр. 184. Цена 15 р.

Практическое руководство по монтажу и эксплоатации ветродвигателей отечественных систем, в частности ВИСХОМ Д-1,5.

ГИРС А. А. *Руководство по радиозондированию атмосферы для аэрологических станций Арктики.* Стр 249. Цена 18 р.

Пособие для наблюдателей.

БОГОРОВ Б. Г. *Инструкция для проведения гидробиологических работ в море (планктон и бентос).* Стр. 126. Цена 7 р.

Пособие для наблюдателей.

★

Книги высылаются почтой по получении стоимости заказа переводом в адрес издательства (Москва «34», Савельевский пер., д. 13). Пересылка за счет издательства.

Цена 7 руб.